

Меир Ландау
Барон с улицы Вернон. Дуэт
Олендорфа

Книга третья

Меир Ландау

**Барон с улицы Вернон. Дуэт
Олендорфа. Книга третья**

«Издательские решения»

Ландау М.

Барон с улицы Вернон. Дуэт Олендорфа. Книга третья /
М. Ландау — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504160-9

В третьей части Виктору фон Готту придётся вновь вернуться на «Титаник», но не одному, чтобы встретиться с теми, кто озабочен судьбой его семьи вовсе не ради её спасения. Виктор должен распутать клубок загадки своего отца и наконец встретиться с ним. Убегая из Англии от нищеты и лишений, девятилетним ребёнком на «Титанике», Гарольд Виктор Гудвин возвращается на родину помощником лорда-председателя Почтеннейшего Тайного Совета. Это первая часть третьей книги трилогии.

ISBN 978-5-00-504160-9

© Ландау М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
НЬЮ-ЙОРК; БРУКЛИН; 25 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА	6
САН-РЕМО; АПРЕЛЬ 1920 ГОДА	10
ГЕРМАНИЯ; БЕРЛИН; 1942 ГОД	13
Глава 2	18
УКРАИНА; ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ; 15 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА	18
ХАРЬКОВ; 16 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА	20
Глава 3	24
ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ; СТАРЫЙ САЛТОВ	24
Глава 4	29
СЕВЕРНАЯ АТЛАНТИКА; НАШИ ДНИ	29
Глава 5	37
НИАГАРА-ФОЛЛЗ; НАШИ ДНИ	37
Глава 6	42
НЬЮ-ЙОРК; НАШИ ДНИ	42
Глава 7	47
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ; ХАРЬКОВ; ФЕВРАЛЬ 1912 ГОДА	47
Глава 8	52
Глава 9	56
РОССИЯ; ХАРЬКОВ; МАРТ 1912 ГОДА	56
Глава 10	58
АНГЛИЯ; ФУЛЕМ; МАРТ 1912 ГОДА	58
...ФУЛЕМ; В ТО ЖЕ ВРЕМЯ...	61
...ЛОНДОН; МАРТ 1912 ГОДА...	63
Глава 11	66
АВОКА; ИРЛАНДИЯ; МАРТ 1912 ГОДА	66
Глава 12	70
Глава 13	74
...КУИНСТАУН; СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ...	78
Глава 14	80
БАДЕД; ПРЕДМЕСТЬЕ АВОКИ; НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Барон с улицы Вернон. Дуэт Олендорфа Книга третья

Меир Ландау

© Меир Ландау, 2019

ISBN 978-5-0050-4160-9 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-4658-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

НЬЮ-ЙОРК; БРУКЛИН; 25 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА

– Как же вырос наш мальчик! – сжал Гарольда в объятиях Афтаназ и посмотрел на него. Раввин Афтаназ вышел встретить Гарольда радостный и воодушевлённый. Перед тем как сесть на своё привычное место, он подошёл к Гарольду и обнял его. Перед Афтаназом стоял высокий парень в чёрном костюме, улыбающийся от впечатления радостной встречи и немного уставший с дороги.

– И сколько же я не видел своего любимого внука? – поправил Афтаназ очки, – ну, расскажи, как твой первый год в Париже, Гарри?

– Спасибо, дедушка, – улыбнулся Гарольд, – Париж чудесный город и Сорбонна прекрасный университет! Но дома, всё же, лучше. Знаешь, я уже неплохо говорю на французском!

– Вот, – указал пальцем вверх Афтаназ и присел в кресло, – и это уже четвёртый язык, который ты освоил с тех пор как стал американцем! Английский, гэльский, идиш и теперь французский! Что думаешь делать после университета? – посмотрел он на Гарольда.

– Пока не знаю, рано ещё об этом думать, но плану уже строю, – ответил Гарольд.

– Физика сейчас популярная наука, – согласился Афтаназ, – люди стремятся к прогрессу и я думаю, что скоро учёные будут не такой уж диковинкой, как в наши дни. А что тебе советует мистер Тесла?

– Я уже написал ему и он мне ответил, – похвалился Гарольд, – после того как я выслал ему свои предложения и поправки к разработкам отца, он считает, что мы могли бы работать вместе.

– И как ты планируешь работать с Теслой? – спросил Афтаназ.

– Пока не знаю, – вздохнул Гарольд присев на стул.

– Надо чётко осознавать, каким ты хочешь видеть результат, мой мальчик, – улыбнулся Афтаназ.

Он подумал.

– У тебя всё впереди, внук, – сказал Афтаназ, – кстати, а ты знаком с моей внучатой племянницей Габриэлой?

– Нет, – удивился Гарольд.

Старик улыбнулся.

– Сегодня утром, она со своей матерью приехала к нам в гости, – сказал Афтаназ, – но я тебя выписал из Парижа не для этого.

– Я слушаю, дедушка, – кивнул Гарольд.

– Вот, – вздохнул Афтаназ, – ты отдохнёшь, увидишься с друзьями...

Афтаназ задумался.

– Что-то случилось, дедушка? – спросил Гарольд.

– Нет, нет, – словно проснулся Афтаназ, – стариковское, все такими будете, – продолжил он, – в апреле, в Сан-Ремо, как мне пишет мой старый друг из Лондона, будет проходить одно мероприятие, важная встреча. И я очень хотел бы чтобы ты, Гарри, присутствовал на нём как наш представитель.

– Но... – хотел было сказать Гарольд, удивившись, но Афтаназ остановил его.

– Я понимаю, мой мальчик, – усмехнулся он, – ты молод и тебе только лишь восемнадцать! Я продумал и этот вопрос.

– А то что я не иудей? – спросил Гарольд, – ведь я так и не решился на гиюр!

– Тем лучше, – улыбнулся Афтаназ, – пути Господа неисповедимы, ты же это знаешь. И всё что происходит, есть часть Его замысла. Даже если это нечто болезненное и трагическое, – он подумал, – Он привёл тебя в этот дом для того, чтобы ты вместо меня, очевидно, стал свидетелем величайшего восстановления справедливости. Я уже стар и не могу путешествовать через океан. Больше никто не может из нашей семьи. И ты, единственный кому я могу доверять как самому себе. Так уж получилось.

– Благодарю тебя за доверие, дедушка, – ответил Гарольд, – что я должен сделать?

Афтаназ улыбнулся, встал и подойдя к столу взял толстый конверт запечатанный тремя сургучными печатями. Он показал конверт Гарольду.

– Это моё письмо, которое ты должен будешь доставить в Сан-Ремо. Знаешь где этот город?

– Конечно, дедушка, – кивнул Гарольд.

– Там будет проходить конференция, – сказал Афтаназ вернувшись на своё место, сел в кресло и посмотрел на Гарольда.

Он подумал.

– Соберутся главы держав Антанты, мой мальчик, – произнёс Афтаназ, – ты понимаешь, о чём я тебя прошу?

– Главы держав? – удивился Гарольд.

– Именно, главы держав, – кивнул Афтаназ. – на уровне президентов, премьер-министров, и может быть будет даже король Британии, – указал Афтаназ в потолок, – ты приедешь туда и должен будешь вручить этот пакет лорду-председателю, сэру Артуру Джеймсу Бальфуру. Тебя, конечно же интересует что в нём, в этом пакете? Ну и просто, ты должен знать что ты повезёшь. Я отвечу сразу. Это послание участникам конференции от нашей общины, от Ребе Шолома-Дов-Бера Шнеерсона, который тебя так любит. И от меня лично.

– Очевидно... – Гарольд подумал, – вы с Ребе доверяете мне нечто очень важное?

Афтаназ кивнул.

– Да, мой мальчик. Ребе принял решение, что это должен сделать ты. И никто другой. Это будет странно звучать, но он видит будущее и прошлое так, как будто они есть нашим настоящим. Он видит, что Всевышний благословил тебя особым даром, которого нет у других людей. Точнее, он есть у очень немногих. Ребе было видение, что ты из тех, кому дано властвовать над будущим и над прошлым. И поэтому, Бог дал тебе победить смерть там где остальные умерли. А ты выжил. И сейчас я понимаю почему. В этом пакете судьба Эрец Израэль.

– Эрец Израэль? – удивился Гарольд.

– Да, – кивнул Афтаназ, – властители мира сего соберутся для того, чтобы вернуть нам Землю Израиля и возродить Иудейское Государство в Палестине.

– Это же... – опешил Гарольд, – это самое великое событие за две тысячи лет!

– Да, – улыбнулся Афтаназ, – и теперь только от тебя зависит судьба всего нашего народа, мой мальчик...

Их разговор внезапно прервали.

В комнату вошла молодая девушка и сразу направилась к Афтаназу.

Гарольд поднялся с места и кивнул ей, приветствуя её.

– Габриэла! – обрадовался Афтаназ и протянул девушке руку.

Габриэла остановилась взяв ладонь старика и повернулась к Гарольду.

– Вот, – сказал ей Афтаназ, – прости, я не мог вас познакомить раньше. Это Гарри, о котором ты наверняка много слышала. Я писал вам в Эдинбург об этом мальчике.

– Габриэла фон Готт, – слегка улыбнулась Гарольду Габриэла.

– Очень рад, мисс, – кивнул ей Гарольд.

– А Вы, стало быть, мой сводный кузен Виктор фон Готт? – улыбнулась она в ответ, – я Вас таким и представляла.

Гарольд растерялся.

– Ну ладно, – встал Афтаназ, – оставлю вас наедине...

– Дедушка, – хотела было его остановить Габриэла, но старик, обернувшись, только улыбнулся в ей ответ.

– Пойду распоряжусь насчёт обеда, – сказал он, – а тебя вручаю Гарольду. У него, к слову, чудесная библиотека и он неплохо играет на скрипке.

Афтаназ вышел.

Гарольд снова неуверенно посмотрел на Габриэлу.

– Я же не кусаюсь! – рассмеялась она в ответ, – говорят, Вы только что из Франции?

– Да, это так, – обрадовался Гарольд, – два часа назад вернулся на пароходе. А Вы из Эдинбурга?

Габриэла рассматривала бумаги на столе Афтаназы.

– Из под Эдинбурга, – ответила она, посмотрев на Гарольда, – но мы не всегда жили там. Раньше мы жили в Германии, в Бреслау. Потом, отцу предложили работу в Британии.

– Мои родители из под Эдинбурга, – вздохнул Гарольд подходя к столу.

– Соболезную, я слышала, – ответила ему Габриэла.

Она отложила лист бумаги который держала в руке.

– Не имеете ли желания прогуляться в саду? Я там видела качели, – улыбнулась она, – и маленький Мойше, похоже, уже их занял.

Гарольд рассмеялся.

– С синими ручками и красным сиденьем?

– Именно!

– Да, это мои качели! – усмехнулся в ответ Гарольд, – хотелось бы их провести!

– Ну так идёте? – взяла его за руку Габриэла и потянула в сад...

Маленький Мойша раскачивал качели, высоко взлетая под веткой огромного дерева то вверх, то вниз и опять вверх. Едва из дома вышли Гарольд с Габриэлой под руку, мальчик соскочил вниз, упал, встал, отряхнулся и бросился навстречу им.

– А! Жених и невеста! – рассмеялся Мойша обхватив Гарольда на бегу, не дав ему ничего сказать!

– Я тебе покажу жениха и невесту! – подхватил его Гарольд и подбросил вверх, – ух ты ж тяжёлый стал за год!

– Я не тяжёлый! Я взрослый! – весело ответил Мойша, вовсе не сопротивляясь Гарольду.

– Ой... поставьте ребёнка... – напугалась Габриэла. Ей показалось, что Гарольд непременно должен Мойшу уронить, и Мойша непременно должен разбить себе коленку или нос.

– Ты слышал? Поставь ребёнка! – прокричал, хихикая ехидно Мойша, и едва оказавшись на земле, снова схватил Гарольда за руку.

– А ты на долго? Ты теперь не уедешь? А ты привёз мне что-нибудь? А где твоя шпага? – тянул их к качелям Мойша засыпая вопросами, но не давая ничего ответить.

– Какая ещё шпага? – спросил Гарольд.

– Ну ты же был в Париже? – искренне удивился Мойша, – а раз ты барон, то наверное тебя приняли в мушкетёры? Там же мушкетёры живут? А если ты мушкетёр, то у тебя должна быть шпага!

– Ах вот оно что! – засмеялся Гарольд в ответ, – да, есть шпага, – подумал он сделав серьёзное лицо и подмигнул Габриэле, чтобы та подыграла ему, – шпагу я оставил в Париже! Капитан королевских мушкетёров приказал пробираться тайно в Америку и похитить тут... – Гарольд сделал загадочное выражение на лице.

– Кого? – удивлённо прошептал Мойша.

– Маленького... любопытного... мальчика! – схватил Гарольд Мойшу и начал щекотать.

– А! – засмеялся Мойша, – ты меня разыгрываешь!

Он вырвался.

Не прекращая смеяться, Мойша отбежал на несколько шагов.

– Жених и невеста! Жених и невеста! – прокричал он Габриэле и Гарольду и побежал в дом.

– Само ходячее любопытство, – усмехнулась Габриэла заняв качели и слегка оттолкнувшись от земли.

Гарольд тихонько толкнул качели сильнее.

– Наверное мы все были такими в его возрасте, – сказал он.

– Дедушка говорит, что Вы были очень спокойным и тихим, – ответила Габриэла.

– Им виднее, – ответил Гарольд.

– Я слышала, что Вы скоро снова уезжаете? – Габриэла посмотрела на Гарольда.

– Да... – подумал Гарольд, – надо ехать.

Он немного помолчал и улыбнулся Габриэле.

– А что там, в Шотландии?

– Вы никогда там не были? – удивилась девушка.

– К своему стыду, я много слышал о ней от папы, от мамы, от старшего брата и старшей сестры, но... – вздохнул Гарольд, – сам ни разу там не был.

– Странно, – ответила Габриэла, – шотландцы, обычно свято хранят связи внутри клана. Вы не из таких?

– Если даже взглянуть с той стороны, что мне это очень хочется, родственники вряд ли примут меня, – ответил грустно Гарольд, – они не считают меня своим.

– Почему? – удивилась Габриэла.

– Не знаю, – опустил глаза Гарольд, вспомнив последнюю свою встречу с двоюродным братом и тётушкой, – не знаю...

– Вам неприятно об этом говорить? – улыбнулась ему Габриэла.

– Да нет, почему? – усмехнулся ей в ответ Гарольд, продолжая раскачивать качели.

– Ну так поделитесь? – сказала Габриэла, – человеку порой надо выговориться, чтобы ноша не тяготила его душу.

– Если Вам это будет интересно, – сказал Гарольд.

– Будет, – кивнула Габриэла.

– Вы прям как мой священник-исповедник, – Гарольд усмехнулся и посмотрел на Габриэлу.

Та, грустно улыбаясь, смотрела ему в глаза.

– Я тоже католичка, – сказала Габриэла, – и моя мама, и отец. Мы с Вами могли бы стать хорошими друзьями.

– Моя мать... – вздохнул Гарольд, – она бы очень обрадовалась Вашему появлению.

САН-РЕМО; АПРЕЛЬ 1920 ГОДА

Бальфур долго читал письмо, время от времени поглядывая на Гарольда сидящего напротив. Они вдвоём сидели на террасе старинного особняка, за маленьким, почти миниатюрным столиком, в тени развесистой пальмы растущей из огромной вазы. Ещё было не жарко. Но лето в апреле, для человека с севера дело непривычное. Гарольд сразу отметил для себя, что долго, на террасе под солнцем, пусть и в тени, высидеть будет сложно. Он искренне надеялся, что лето в апреле и для Бальфура не обычная ситуация.

Сюда доносился шум чаек над морем и случайные крики прохожих. Солнце поднималось выше и становилось жарче.

Подали чай.

Бальфур отложил письмо и пригласил Гарольда присоединиться к чаепитию.

– Угощайтесь, барон, – указал на маленький столик, который к тому времени накрыли белоснежной скатертью.

– Спасибо, сэр, – вежливо кивнул в ответ Гарольд.

– И так, ваш дед просит, кроме всего прочего, похлопотать о Вашей карьере, сэр фон Готт, – начал Бальфур, – и надобно сказать, что это очень своевременно.

– Я не знал об этом, сэр, – смутился Гарольд.

– Ну, это лишний раз подчёркивает Вашу порядочность, – ответил Бальфур уловив его смущение, – вы прекрасно справились с доставкой важной корреспонденции, которая сыграет положительную роль в вопросе Палестины. Вы учитесь в Сорбонне? – посмотрел он на Гарольда.

– Да, сэр, – кивнул Гарольд, – первый год. Точнее, оканчиваю второй курс.

– Не беда, – ответил спокойно Бальфур, – это не повредит делу и любому студенту нужен заработок, чтобы как-то прожить. Кроме того, Вы сможете освободить старика от проблемы оплаты Вашего обучения. Что Вы скажете, если я предложу Вам должность своего личного секретаря и помощника?

– О, это внезапно! – удивился Гарольд, – я хотел бы оправдать Ваши ожидания!

– Отлично, Вы приняты на службу в Почтеннейший Тайный Совет Его Величества, – посмотрел на Гарольда Бальфур, – Вы подчиняетесь лично мне и первое Ваше задание будет таким: после конференции Вам надлежит доставить экземпляры Декларации в Лондон. Там Вам будет необходимо встретиться с Его Величеством, для доклада и соблюдения пустяковых формальностей.

– С Его Величеством? – удивился Гарольд, – но...

– Вас это удивляет? – усмехнулся Бальфур, – теперь вы будете видеться часто.

Бальфур подумал.

– У Вас есть семья? Кто Ваши родители? Хотя Вы и приёмный внук уважаемого раввина Афтаназы фон Готта, было бы несправедливо их забыть.

– Все мои родные погибли, на «Титанике», – ответил Гарольд.

– Простите, примите мои соболезнования, – вздохнул Бальфур, – я попросил бы Вас присутствовать на конференции, и есть одна просьба: что бы там не происходило, больше слушайте и ничего не говорите. Для всех, Вы не мой помощник, а просто мой личный секретарь. Сами же Вы должны понимать, что Ваша служба связана с государственной тайной и теперь Вы находитесь на службе у Его Величества. Распространяться об этом не надо. Вы меня поняли, сэр фон Готт?

– Так точно, сэр, – кивнул, слегка опешив, Гарольд.

– Ваш дед, должно быть очень любит Вас, – добавил Бальфур, – в должность Вы уже вступили. Необходимо решить вопрос о том, где Вы будете жить в Британии. Где бы Вы хотели поселиться?

Гарольд подумал.

– Последние полгода, перед отъездом в Америку, мы жили в Фулеме, на улице Вернон. Не скажу, что с этой улочкой связаны мои лучшие воспоминания. Наверное, всё-таки в Мелкшаме. Там остался наш дом, который наверное сейчас пустеет. Я не помню, чтобы отец продал его. Я бы хотел его вернуть. Кроме того, там прошли мои самые счастливые годы.

– Понимаю, – улыбнулся Бальфур, – с Вашим домом вопрос я решу и не думаю, что это будет сложно. С возвращением домой, барон с улицы Вернон... – улыбнулся Бальфур.

Вечер был уже достаточно поздний. С моря доносился шум волн и лёгкий ветерок раскачивал ветки дерева растущего прямо перед домом.

Лорд Бальфур откинулся в кресле и на минуту задумался. Эта минута протянулась почти четверть часа.

Он посмотрел на Гарольда, сидящего за столиком и перечитывавшего утреннюю газету.

– С утра мы так и не успели ознакомиться со свежими новостями, – вздохнул Бальфур, – что пишут акулы пера и фотоаппарата? – усмехнулся он.

– Да ничего особенного, сэр, – тихо ответил Гарольд не отрываясь от газеты, – он глянул на Бальфура, – в России заканчивается Гражданская война, генерал Врангель прибыл в Константинополь на встречу с представителями Франции, а в Германии появилась новая партия.

– Вот как? И какая? – спросил Бальфур.

– Они называют себя национал-социалистами, – ответил Гарольд отложив газету, – все считают их лидера чудаковатым ефрейтором. Но мне кажется, что у него будет большое будущее и нам ещё предстоит ощутить на себе его влияние.

– Ефрейтора? – усмехнулся Бальфур, – не думаю, что у него что-то получится. Немцы народ очень романтичный, любят порядок, уважают аристократичность и чтут традиции так же как и мы. Вряд ли они предпочтут выбрать своим канцлером ефрейтора, или, не дай Бог, женщину! Будь он даже семи пядей во лбу, дальше депутата какого-нибудь магистрата он не продвинется в своей политической карьере. Ну, может быть будет писать громкие разоблачительные заметки, пока его не убьют где-то в подворотне.

Бальфур подумал.

– Что Вы думаете о сегодняшней конференции, барон?

– У меня есть кое какие соображения и я с удовольствием поделюсь своими мыслями с Вами, – сказал Гарольд, – если, конечно, Вы будете не против, сэр.

– Я не против, – кивнул Бальфур и приготовился слушать Гарольда.

– Я думаю, мы проявили нерешительность в вопросе Израиля, – сказал Гарольд, – конечно, мы рассматриваем Палестину как одну из колоний, но всё же, если мы предоставим евреям возможность создания независимого, национального государства там, в Палестине, мы выиграем значительно больше. У евреев не возникнет проблем с населением, кадрами, даже с военной силой. Половина евреев уже сейчас были бы готовы покинуть европейские и американские города и вернуться на Землю Обетованную. И мне кажется, что если мы дадим им такую возможность, то Палестина может стать очагом формирования нового мощного государства, которое станет новой Англией и скоро во многом Британию превзойдёт. Даже в этой ситуации, которая складывается сейчас, Израиль может оказаться нашим союзником, если мы его поддержим в самом начале. Но он может стать и стратегическим противником, если мы остановимся на той политике, которую заняли сейчас. А мы, толкаем евреев в войну с арабами лишь потому, что у нас обязательства перед арабскими шейхами. Арабы, – продолжал Гарольд, – это очень ненадёжная опора для нас на Востоке. Это люди другой культуры и другого

менталитета. И самое главное, у них иной взгляд на понятия чести, соблюдения договорённостей и религиозная принадлежность для них более важна чем союзнические обязательства. Они не столько являются нашими союзниками там, сколько используют наши силы и возможности. Арабы попытаются нашими руками уничтожить евреев. Не надо отбрасывать особенности их религиозной идеологии.

– Религиозная идеология? – удивился Бальфур, – я никогда не слышал такой формулировки.

– Да, именно, – кивнул Гарольд, – ислам это не религия, это идеология. Её приверженцы, как известно, стремятся к мировому господству, сэр. Я изучал Коран так же как и Тору и знаете ли, почерпнул для себя оттуда много интересного. Но речь не о том. Самое интересное находится в трудах их религиозных и военных философов. А религия и философия у них нераздельно идут рядом. Надобно сказать, арабы развили то, от чего отказались в своё время мы. Они развили философию войны, привнеся в неё очень много нового, современного. Шейхи, султаны, и даже простые бедуины рассматривают Палестину как свою территорию и попытаются её отвоевать. Если у них не это получится, то, как я думаю, у них хватит человеческих ресурсов, чтобы в отместку нам, просто колонизировать саму Британию.

– Это им придётся долго делать, – усмехнулся Бальфур.

– Несомненно, – согласился Гарольд, – но это вопрос времени. Конечно, они прибдут к нам как мирные эмигранты. Вроде, как мы едем в США. У них большие семьи и через пару поколений их станет очень много. А через лет пятьдесят... – он подумал, – мэром Лондона станет какой-нибудь араб, или перс.

– Но я думаю, что если они приобщаться к нашей культуре, – подумал Бальфур, – то с ними вполне можно будет жить рядом.

– Вряд-ли это произойдёт, сэр, – посмотрел на него Гарольд, – мусульмане никогда не примут чужую культуру, философию, нравы. Ислам не позволяет этого делать. Они прекрасно понимают, что традиция и культура это более сильное оружие чем винтовка или сабля. Они будут навязывать нам свои нравы, религию, обычаи и принуждать нас считаться с их нравами, обычаями и религией, обезоруживая нас. Они не будут бежать от своего шариата и джихада. Они принесут его нам и будут нам диктовать свои условия. И очень скоро может оказаться, что мы, на своей земле живём по правилам навязанным пришельцами из другого, враждебного нам мира.

– Почему? – посмотрел на Гарольда Бальфур.

– В их понимании, мы даже не люди пока не исповедуем ислам, – кивнул Гарольд.

– А ведь они проиграют войну евреям, – подумал Бальфур, – еврейские солдаты, прошедшие Великую Войну, без труда разгонят полукочевые банды этих бедуинов. И пожалуй Вы правы, барон. Британия должна быть разборчивее в выборе друзей и союзников, – он посмотрел на Гарольда, – только не говорите об этом Черчиллю, когда познакомитесь с ним. Этот юдофоб, будет прилагать все усилия чтобы выслужиться перед арабами. Он красиво говорит, и склонен к радикальным методам в решении вопросов. Я чувствую, что его будут боготворить англичане, и некоторые уже боготворят. Черчилль любит выигрывать годы, даже совершенно не пытаясь предусмотреть последствия своего выигрыша, не глядя даже на пару десятилетий вперёд. И с его триумфа начнётся крах Британии и это будет начало смерти Старой Доброй Англии, встреченное бурными аплодисментами, под восторженные крики толпы...

ГЕРМАНИЯ; БЕРЛИН; 1942 ГОД

Тёмный «Опель» свернул в подворотню, приглушил двигатель и погасил фары. В салоне сидели двое в штатском. Один за рулём, а другой рядом на переднем сиденье. Тот кто сидел на переднем сиденье, достал из портфеля папку и открыл её.

– Виктор фон Готт, – начал он показав фото в личном деле, – родился 29 июля 1901 года в Эдмонтоне, в Англии. Шотландец. Или правильнее – гэлл. Англичан недолюбливает. Католик. Протестантов, соответственно, не любит. Барон. Родной отец – инженер. Родная мать – учительница в католической школе для девочек. Настоящие имя и фамилия – Гарольд Виктор Гудвин. Вся семья погибла на «Титанике» когда ему было девять лет. Как сам выжил – достоверно неизвестно. Он появился уже в Нью-Йорке. Мальчика обнаружили пришедшим в себя среди трупов. Можно сказать, что ему крепко повезло. При усыновлении получил фамилию фон Готт. Тогда же получил и титул. Приёмный дед заменивший ему отца – Афтаназ фон Готт, немец принявший иудаизм ещё в 19-м веке. До принятия иудаизма – барон Ганс Фридрих Карл фон Готт, родом из Восточной Пруссии, потомок Германа фон Зальца, Великого Магистра Тевтонского Ордена с 1209 года. Долгое время жил в Греции, где сошёлся с иудейской общиной и женился на еврейке. Отсюда и странное имя.

– Немец? – удивился водитель, – барон принявший иудаизм?

– Скорее всего дело в женитьбе, – ответил второй, – такие случаи были. Но вот приёмная мать нашего барона, Виктора фон Готта, чистокровная еврейка, урождённая Сара Симхович, родилась в Польше, в тогдашнем Лодзинском уезде. Её муж – Яков фон Готт, германский офицер, лейтенант, внук Афтаназа фон Готта. Он тоже погиб на «Титанике» вместе с другими своими детьми. Фактически всеми детьми из этой семьи.

– Почему с детьми? – удивился водитель.

– Они тоже ехали Третьем классом, как и родная семья Виктора фон Готта, – ответил второй.

– Чёртовы англичане, – выругался водитель, – понятно почему старик подарил и фамилию, и титул, нашему подопечному. А что ещё о нём известно?

– До 1933 года Виктор фон Готт жил в Лондоне, – перебирал страницы дела второй, – колесил по разным странам, в основном по служебным делам. Отлично владеет немецким и русским языками.

– Ну немецкий это понятно, – кивнул водитель, – разговорный язык в Бруклине, где он вырос, это идиш. А откуда он знает русский?

– Изучал самостоятельно, скорее всего с самого раннего детства, – ответил второй, – в России у него есть родственники по линии отца. Разумеется он это знал и воспринимал русский язык как второй родной язык. Сестру отца звали Мария Карловна Квитка. Выйдя замуж, она приняла графский титул от своего мужа. Её муж, граф Семён Григорьевич Квитка. В семье его называли «Вилли» и поэтому мы долго копали не в том направлении, пытаясь отыскать связи барона с Россией.

– Простая шотландская девчушка вышла замуж за русского графа? – усмехнулся второй, – она Золушка, что ли?

– Ну во-первых не за русского, а за польского, – ответил первый, – а во-вторых, род Квиток несколько столетий заключал подобные браки с кланом в котором входила семья Гудвинов. Сам покойный граф, был предводителем Харьковского губернского дворянского собрания.

– А это как? – посмотрел на второго водитель.

– Это что-то вроде главы клана, – ответил ему второй и продолжил, – до замужества её звали Флоренс Эмелина Мэри Гудвин. Она была старшей сестрой в семье и Виктор фон Готт вряд ли был с ней знаком.

- А что с графиней? – спросил водитель.
- Умерла ещё до революции, судьба семьи неизвестна, – ответил второй.
- Чёртовы большевики, – снова выругался водитель, – что дальше?
- Виктор фон Готт дружит с Хемингуэем, служил в ведомстве Бальфура, в том числе и личным секретарём последнего. Так же он был близок с Яковом Блюмкиным, тесно общается с русской эмиграцией.
- Где сейчас Блюмкин? – кивнул водитель второму.
- Трудно сказать, – ответил второй, – Блюмкин, под фамилией Исаев работал в советском политическом представительстве в Константинополе и курировал резидентуру в Палестине и Сирии. После этого его следы теряются.
- Репрессии? – посмотрел на него водитель.
- Нет, – ответил второй, – арест и убийство были инсценировкой. Тела никто не видел, а дело очень быстро, даже для русских, замяли будто бы его и не было вовсе.
- Понятно, – кивнул водитель, – что ещё по этому делу?
- Барон фон Готт – физик, – продолжил второй, – в 1924 году окончил Сорбонну, работал в области ядерных исследований, встречался с Эйнштейном, хорошо знаком с Теслой. Официально – военный корреспондент, служил в британском корпусе военных инженеров, капитан третьего ранга Королевского Военно-Морского Флота. Воевал в Испании. Его брат – Михаэль Симхович, так же физик, по совместительству – раввин. Живёт в Нью-Йорке, работает в Канаде вместе с тем же Николой Теслой.
- Судя по всему, с Теслой они не просто друзья, а компаньоны, – кивнул водитель, – а кем он был в Испании?
- Официально, – как я уже сказал, военным корреспондентом, – уточнил второй, – однако этот корреспондент вернулся в Британию с архивом Марии Складовской-Кюри, тем самым который умыкнул у идиотов Канариса.
- У него есть семья? – посмотрел водитель на второго.
- Да, – кивнул второй и перелистнул несколько страниц, – жена – баронесса Габриэла Элизабет фон Готт, внучатая племянница того самого Афтаназы фон Готта, 1902 года рождения. Живёт в Мелкшаме, графство Уилтшир, Англия. Домохозяйка, как у нас принято говорить. Её образ жизни приблизительно соответствует правилам Бисмарка: церковь, кухня, дети. Есть так двое детей. Старший сын – Фредерик Джозеф фон Готт, 1932 года рождения. Младший – Сидней Лесли фон Готт, 1935 года рождения. Оба проживают с матерью. Семья католическая, ничем не примечательная. Правда благородную приставку «фон», с началом войны они стали использовать гораздо реже.
- То есть, в религию своих приёмных родителей барон не переходил? – уточнил водитель.
- Нет, – ответил второй, – наш барон верит только в науку.
- Истинный ариец, – вздохнул водитель, – даже жалко что он наш враг, но теперь понятно зачем он нужен Олендорфу.
- Слабые стороны Виктора фон Готта, – обратно перевернул страницы второй, – романтик, впечатлителен, сентиментален. Сильные стороны: готов к самопожертвованию, прекрасный психолог, чемпион Королевского ВМФ по стрельбе. Приказано взять живым.
- Второй закрыл дело, положил его обратно в портфель и посмотрел на водителя.
- Это в общих чертах. Я закончил.
- Понятно, – кивнул водитель, – наш барон умет выходить сухим из воды. Начинаем.
- Они вышли из машины и прошли к тёмному подъезду. Поднялись по лестнице на второй этаж. Постучали в двери на лестничной площадке.
- Дверь открыла женщина средних лет.
- Чем обязаны, господа? – спросила она пристально глядя сквозь очки.

– Третье управление РСХА, – показал ей удостоверение водитель, – нам нужен барон Виктор фон Готт.

– Проходите, – спокойно ответила и впустила их женщина, – господин барон у себя в кабинете, – указала она на дальнюю дверь в коридоре и ушла на кухню.

Они прошли по коридору в дальнюю комнату.

– Заходите, – махнул им рукой Виктор не вставая из кресла, – чай? Может кофе? А может желаете закурить, господа? – улыбнулся он.

– У нас ордер на Ваш арест, господин фон Готт, – ответил водитель, – и в Ваших интересах проехать с нами.

– Вот как? – усмехнулся Виктор, – наверное вы хотите удивить меня тем, что я британский офицер и отобрал у бедного адмирала Канариса архив мадам Марии Кюри? Ну так я этого и не скрываю. Пусть не обижается господин адмирал. Ему бы о «Боярышнике» позаботиться, а не о бумагах, которые недостижимы не только ему, но и даже МІБ. А что хочет знать уважаемый господин Олендорф? Отчего вдруг у Третьего управления проснулось такое внимание к моей персоне? – посмотрел он на сотрудников РСХА.

– Вы британский офицер... – начал водитель.

– Знаю, знаю, – усмехнувшись, перебил его Виктор, – офицер вражеского флота, – а ещё целый капитан третьего ранга. Но с каких пор Третье управление Имперской Службы Безопасности занимается вражеским флотом и иностранной резидентурой? Или, может быть господина Олендорфа интересует кое-что другое?

– Почему бы Вам у него самого это не спросить, господин барон? – усмехнулся в ответ водитель.

– Закурить-то можно? – с улыбкой кивнул ему Виктор.

– Закуривайте, – спокойно ответил водитель.

Они подошли поближе к Виктору. Виктор взял с журнального столика портсигар, открыл его и комнату озарила яркая вспышка ослепившая и водителя, и второго сотрудника.

И водитель, и второй сотрудник упали на пол, подумав что это взрыв. Но не было ни шума, ни огня, ни осколков.

– Что это было? – поднялся водитель, – что это, чёрт побери, было!? – закричал он не увидев Виктора, – где этот чёртов фон Готт!

– Понятия не имею... – проговорил в недоумении второй сотрудник, поднимаясь с пола, – служанка! Где служанка! – крикнул он и бросился на кухню. Водитель побежал следом. Из дверей кухни вырвался яркий свет, снова на мгновение ослепив их.

Они остановились. Едва придя в себя, медленно приблизились к кухне достав пистолеты и не решаясь зайти. Немного помешкав, водитель зашёл на кухню. Там был полный порядок. Но на кухне никого не было...

– Мне кажется, – проговорил он, – Олендорфу нужен вовсе не барон...

ЧАС СПУСТЯ. УПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

– Мы именно этого и ожидали, – спокойно сказал Олендорф выслушав их доклад, – говорите он исчез? – посмотрел он на водителя, а потом на второго сотрудника.

– Просто испарился, господин группенфюрер, – ответил водитель.

– А? – кивнул второму сотруднику Олендорф.

– И служанка тоже, – ответил второй.

Олендорф встал, подошёл к сейфу и достав из него две папки вернулся на своё место.

Он небрежно бросил перед ними папку личного дела.

– Гляньте Шольц, – сказал он водителю, – это она?

Шольц взял папку и посмотрел на фото женщины.

– Несомненно, – кивнул он Олендорфу, – не может быть никаких сомнений, что эта пожилая фрау именно она, – убеждённо заявил он.

– А Вы посмотрите кто это, – спокойно указал Олендорф на дело.

Шольц раскрыл дело и тут же быстро захлопнул его, словно испугался.

– Но она же умерла в 1932 году!

– Ага, – кивнул Олендорф со спокойствием в голосе и на лице, – а Вы что думаете, Шрёдер? – так же спокойно глянул он на второго сотрудника.

– Я уже ничего не думаю, – покрутил головой Шрёдер глядя на Олендорфа, – мы имеем дело с фальсификацией досье?

– Мы имеем дело с организованной преступной группой физиков, – ответил Олендорф, – одни из них давно умерли, но каким-то образом вдруг воскресли, либо... – сунул он им второе дело, – либо я не знаю, – мальчик погибший на «Титанике» мало того что жив, так ещё и вырос, занял не последнюю должность во вражеской разведке и воюет против нас. Но это ещё можно объяснить! Но мадам Кюри, которую хоронила половина Парижа после её смерти от сальмонеллёза, спокойно гуляет по столице Рейха спустя восемь лет после своей смерти! Это уж сверх всякой меры! И важно не то что она жива, а что только эти двое могут сказать чем занимался отец этого мальчика и где сейчас его отец!

– Мальчика? – посмотрел удивлённо на Олендорфа Шрёдер.

– Мальчика, – вздохнул раздражённо Олендорф, – барона Виктора фон Готта, который погиб на «Титанике» в девятилетнем возрасте вместе с папой и мамой, но почему-то сейчас вдруг оказался морским волком и асом британской разведки!

– Очевидно, что на дне Северной Атлантики, господин группенфюрер, – ответил Шольц листая второе дело, – его смерть не вызывает сомнений.

– Это говорите Вы, после того как вас обоих обвела вокруг пальца старая француженка умершая в 1934-м году? – усмехнулся Олендорф.

– Ну мы можем с Вами предположить, что доктор Гудвин не погиб, – ответил Шрёдер, – но сколько ему должно быть лет?

Олендорф снова усмехнулся и покачал головой.

– А сколько лет было Марии Кюри когда она открыла вам двери? – спросил он пристально посмотрев на Шольца и Шрёдера.

– Не более шестидесяти, и то с натяжкой, – ответил Шрёдер.

– Вот именно, господа офицеры, – пробормотал, так же пристально глядя на них, Олендорф, – и явление, свидетелями которого вы стали, это что было?

– Вы хотите сказать, господин группенфюрер, что там произошло нечто... – начал Шольц.

– Нечто, что вполне объяснимо с точки зрения физики, – перебил его Олендорф.

Он забрал у Шольца второе дело, положил на стол, раскрыл и снова сунул им.

– Посмотрите, – кивнул Олендорф.

– Дело Гудвина? – глянул на него Шрёдер.

– Да, это его досье, – ответил Олендорф, – последние годы жизни он был дружен с Теслой и Кюри. И они втроём докопались до решения проблемы преодоления пространства-времени. То что вы видели, даже не не скорее всего, а вне всякого сомнения является работой машины времени в действии. И сейчас наш барон... – он подумал, – не важно где, потому что он – неизвестно «когда». И он знает что будет с нами. И вообще знает всё! – чуть не вскричал Олендорф.

– И как Вы предлагаете его ловить? – спокойно посмотрел на Олендорфа Шрёдер.

– Мы успели собрать прототип, – ответил Олендорф, – он прошёл лабораторные испытания, и вы будете не первыми, кто испытают его в неконтролируемой среде.

– Но... господин группенфюрер, – начал было Шольц.

– Я понимаю, жена ждёт дома, волнуется, – рассмеялся Олендорф, – вы вернётесь через пятнадцать минут после отправки, хотя там можете провести всю свою жизнь и пересидеть войну за океаном. Заодно, когда вернётесь, расскажете нам чем этот бардак закончится. Если верить доктору Гудвину, то пятнадцать минут это погрешность возникающая из-за волны времени, вызванной вашим пребыванием в прошлом. Поэтому, ничего не меняйте там сильно.

– Иначе? – посмотрел на него Шрёдер.

– Иначе вам некуда будет возвращаться, – ответил Олендорф, – или вы проснётесь в могиле, в которую вас торжественно похоронят под оружейный салют взвода СС и мои торжественные речи переполненные соболезнованиями вашим жёнам, Шрёдер. Устраивает такая перспектива?

– Думаю, лучше ничего не менять, – согласился Шрёдер.

– И какова наша задача? – спросил Шольц.

– Сесть на «Титаник», – поднялся со стула Олендорф, подошёл к шкафу, достал две пачки старых английских банкнот и бросил их на стол перед Шольцом и Шрёдером.

– Это английские фунты, которые ходили в 1912 году, – сказал он, – тут ровно по тысяче фунтов на каждого. Командировочные, так сказать.

Олендорф присел.

– Сумма солидная, но всё равно берёте билет только в Третий класс.

– Но это самоубийство, господин группенфюрер! – удивился Шольц.

– Доктор Гудвин со своей семьёй следовал Третьим классом, – посмотрел на него Олендорф, – иначе у вас не будет возможности контролировать его.

Олендорф подумал.

– В гарантийной группе едет некто Эннис Уотсон. Осведомитель SSB. Так тогда называлась MI6. Постарайтесь войти с ним в контакт и завербовать парня. Он был помощником Гудвина в последние месяцы его работы. Контакт полезный, так или иначе. С его досье, а оно интересное, а так же с тонкостями истории начала 20-го века, вас ознакомит доктор Ройсс в лаборатории. Он же выдаст вам документы и одежду. От меня просьба – меньше стрелять и не вмешиваться ни во что. Большинство из этих людей погибнут через несколько дней. А те кто выживет, однозначно должны выжить. На борту «Титаника» были наши люди. И не хотелось бы, чтобы их не оказалось тогда, когда они должны будут появиться уже в нашей истории. Вы меня поняли, господа офицеры?

– Так точно, – ответил Шрёдер, – а как нам спастись?

– Отправиться назад, – улыбнулся Олендорф, – думаю, что вы сами поймёте когда это надо будет сделать?

Шольц и Шрёдер встали.

– Разрешите выполнять? – спросил Шольц.

– Выполняйте, господа, – кивнул Олендорф, – и ещё, – добавил он и подумал, – на «Титанике» с вами свяжется ещё один человек. Он уже находится там и выполняет связанную с вашим заданием задачу. Я думаю вы его узнаете. У него это не первый прыжок во времени. Этот офицер сам к вам подойдёт, когда это ему будет нужно. Просто, будьте готовы к тому, что вы не единственные офицеры РСХА в 1912 году.

– Вас поняли, – кивнул Шольц.

– Отлично, – ответил Олендорф, – вот теперь выполняйте.

Олендорф дождался пока за ними закрылись двери.

– Желаю удачи, – тихо произнёс он, словно сам себе и принялся в который раз изучать досье Фредерика Гудвина.

– Не думаю, что они там выживут, – вздохнул Олендорф.

Глава 2

УКРАИНА; ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ; 15 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА

– Выворачивай! Выворачивай! – кричал старшина рулевому патрульного катера, который резко сбавил скорость, но всё равно продолжал нестись на чёрную точку в тёмной воде. По крайней мере именно точкой, потом – пятном, а после и вообще чем-то непонятным «это» казалось.

Было давно за полночь. Охранников разбудил дикий крик внезапно раздавшийся в тишине над водохранилищем. Они даже на минуту не сомневались, что каким-то непонятным образом в воде оказался человек.

Бывало, смельчаки прыгали с плотины в воду даже ночью. Их ловили и часто даже не штрафовали, понимали и отпускали слегка пожутив. Но в середине апреля ещё никто не рисковал прыгать в холодную воду, в реку, с которой только что сошёл лёд.

Старшина зажёл коногонку и луч света разрезал темноту.

– Ах ты ж... приходи кума любоваться, – тихо выругался старшина.

Прямо перед ним, мёртво вцепившись в явно старый чемодан, на воде едва держалось тело замёрзавшей девушки.

– Человек за бортом! – крикнул старшина бойцам, – глуши мотор! Вёсла на воду!

Мотор затих. На вёслах они подошли как можно ближе и вытащили девушку из воды, а следом за ней затащили, подцепив багром, мокрый обледенелый чемодан.

– Да она жива! – нащупал пульс один из бойцов.

– Слава Богу, – выдохнул старшина, – успели.

Он снова посветил коногонкой вокруг, чтобы убедиться, что больше никого в воде нет.

– Поворачивай на базу и вызывай медиков, – приказал одному из бойцов старшина, – раз жмура нет, то это уже не наша забота.

Едва девушку занесли в тепло, как она подала первые признаки жизни.

– Ложи её на кушетку, – кивнул старшина бойцам, – и кыш отсюда, – поставил он на печку-буржуйку чайник, – нечего на девчонку пялиться!

Бойцы ничего не ответили, только переглянулись и вышли.

Старшина присел возле буржуйки, пытаясь согреть замёрзшие руки.

Девушка открыла глаза, больше в недоумении чем испуганно посмотрев на старшину.

– Очнулась? – кивнул ей старшина, – ох и задала ты нам задачку.

Он поднялся, налил в кружку с заваркой кипяток и бросив два кубика сахара, размешал и протянул чай девушке.

– Держи-ка, погрейся, вся мокрая ведь.

Девушка взяла горячую кружку грея об неё ладони.

– Как же ты в воде оказалась? – накинул старшина ей на плечи одеяло.

Она пыталась сказать, но то ли потому что замёрзла, то ли от волнения, не могла выговорить ни слова.

– Ладно, ладно, – успокоил её старшина, – сиди, грейся, отходи, а там будет видно.

Врачи появились меньше чем через час.

– Где пострадавшая? – с порога, не здороваясь, едва не крикнула немолодая медсестра и сама направилась к девушке, встав над ней.

– Да она вся мокрая! – возмущённо посмотрела она на девушку.

– Сами видим, – ответил ей старшина.

– Вы что, не могли её переодеть во что-нибудь приличное? – глянула медсестра на старшину.

– Во что приличное, Петровна? – удивлённо ответил старшина, – фуфайку в мазуте ей выдать что ли? Да и что мы, пятеро здоровенных мужиков будем девчонку раздевать? Жива и слава Богу, – махнул он равнодушно.

– И что на ней за одежда? – снова посмотрела медсестра, Петровна, на девушку и улыбнулась, – ты откуда вообще, красавица? У нас так уже лет сто не одеваются!

– С парохода... – проговорила ей тихо девушка, – там люди... они же тонут... он тонет...

– Понятно, – вздохнула медсестра и кивнула старшине, – с ней были ещё какие вещи?

– Да вон, чемодан, – указал взглядом старшина в угол, в котором стоял мокрый чемодан.

– Что в нём? – спросила Петровна.

– А почём мне знать? – равнодушно пожал плечами старшина.

– Да чем вы вообще тут занимаетесь? – вскрикнула Петровна, – то вам не надо, то вы не смотрели!

– Ещё скажи, что у неё в чемодане бомба! – развёл руками старшина, – ты на девчонку глянь! Она сейчас Богу душу отдаст, а ты тут ревизии мне устраиваешь! Будешь забирать её?

Петровна побледнела брезгливо рассматривая девушку.

– Документы у неё есть какие-то? – выдавила из себя она.

– Нет! – снова развёл руками старшина, посмотрев на медсестру, – она трупом плавала в воде! Понимаешь? В воде! Знаешь какая водичка там, тёпленькая? Там рыба помёрзла!

Петровна заткнулась, глянула на девушку в недоумении слушавшую их перепалку.

– Тебя как зовут? Откуда ты такая взялась? – кивнула она девушке уже без раздражения в голосе.

– Катя... – ответила девушка, – я из Харькова...

– Ну что же, Катя из Харькова, – вздохнула медсестра, – забираем мы тебя, поедем наверное сразу в Харьков, там и будем оформляться, раз ты у нас тут с пароходов падаешь...

– Вот уроды, – выругался старшина и с презрением глянул на Петровну.

ХАРЬКОВ; 16 АПРЕЛЯ 2018 ГОДА

– Мы вызвали Вас потому, что судя всего это относится не к нашей, а к вашей специфике, – говорил врач старику ведя его по коридору мимо закрытых палат, в которых слышались смех и крики буйных пациентов, – её подобрала охрана «Рыбнадзора», в воде, в Печенежном водохранилище.

– Она плавала в водохранилище в середине апреля? – удивился старик.

– Не просто плавала, – уточнил врач, – она цеплялась за чемодан с вещами и звала на помощь, – он остановился и заглянул в окошко двери одной из палат, потом посмотрел на старика, – и в чемодане, и на ней самой, были вещи давно вышедшие из моды. А в чемодане и вовсе детские вещи. Таких сейчас не носят. Да и сама она была одета так, будто бы сбежала со съёмки фильма, прямо со съёмочной площадки. И я ей поверил бы скорее, если бы она начала вдруг рассказывать, что где-то там, на Печенегах, снимают кино. Но... – врач подумал.

– Что «но»? – кивнул ему старик.

Врач снова заглянул в окошко.

– Но я знаю точно, что кино у нас давно уже не снимают, – сказал он, – и её доставили нам врачи скорой помощи, потому что сразу посчитали девушку психически больной. Причём, замёрзшую как ледышка. Вряд ли кто-то стал бы так рисковать здоровьем актёров, согласитесь?

– Согласен, – кивнул врачу старик, – а что она рассказывает?

– Сами послушайте, – ответил врач.

– Ещё, я хотел бы посмотреть её вещи, в частности тот чемодан, – сказал старик.

– Вам их принесут. А я подожду Вас тут, – ответил врач, – мне интересно, имеем ли мы дело с очередной дурочкой, решившей искупаться в раритетной одежде в ночь на 15 апреля, или это действительно что-то, что не может объяснить наука.

Врач открыл двери. Старик вошёл в палату.

Катя сидела на койке в одной ночной сорочке, прижав к себе и обнимая колени.

Она глянула на старика и тут же, со слезами на глазах, бросилась к нему в ноги.

– Сударь! Я вижу Вы не один из этих душегубов! Прошу Вас! Помогите мне! Уведите меня отсюда!

– Тихо, тихо, – поднял её старик с пола, усадил обратно на койку и присел рядом.

– Я хочу Вам помочь, сударыня. И потому прибыл в это заведение едва узнал о Вас, – тихо сказал старик, – но мне нужно знать кто Вы и как Вас на самом деле зовут! И самое главное, поясните мне как Вы оказались в воде! Нынче не время для купания, согласитесь?

Катя сквозь слёзы посмотрела на старика.

– Я не сумасшедшая и искренне не понимаю зачем меня заперли в богадельне!

– Кто же Вы? – глянул на неё старик.

– Моё имя Екатерина Юсля. Мы плыли на пароходе... – заговорила Катя.

– Хорошо, Катенька, – кивнул старик, – Вы позволите Вас так называть? Ведь моя дочь старше Вас, судя по всему?

– Как изволите, милостивый государь, – опустила взгляд Катя пряча слёзы.

– Так Вы говорили докторам, что там было много людей? – спросил старик.

– Там было много людей, – проговорила Катя, – там сотни людей... женщины... дети... совсем маленькие дети... моя сестра и мой брат... Я прыгнула за борт, благо было не настолько высоко. Вода была холодная и я начала тонуть, но тут этот чемодан... Я схватилась за него. А эти... – глянула она на двери, – из-за них, наверное те люди не дождались своего спасения в море...

Старик опустил голову.

– Но тут уже очень давно не ходят пароходы, – ответил он, – и море отсюда очень далеко. Может это был прогулочный катер?

– И вы мне не верите... – едва не заплакала Катя.

– Тише, не надо плакать и отчаиваться, – успокоил её старик.

– Я хорошо знакома с одним человеком, – посмотрела на него Катя вытирая слёзы ладонью, – он поэт!

– Поэт? – переспросил старик.

– Да, поэт, – кивнула Катя, – конечно он не настолько известный, но он популярен в современных творческих кругах.

– И кто же это? – посмотрел на неё внимательно старик.

– Владимир Маяковский! – воскликнула Катя, – тот самый футурист, который бросил вызов классикам и поэтому его много ругали в прессе. Прикажите ему написать! Он немедленно подтвердит, что я не убогая и не юродивая!

Старик горько усмехнулся и покачал головой.

– Ну почему же неизвестный? – тихо сказал он в ответ, – он довольно известен и популярен. Но я не могу приказать ему написать. И вряд ли он сможет помочь Вам.

– Почему? – искренне удивилась Катя.

– Он умер, – ответил старик.

– Когда? – растерялась Катя и вдруг перестала плакать.

– 14 апреля, – посмотрел на неё старик, – я соболезную Вам.

– Позавчера? – ещё более растерянно проговорила она, – Боже мой! Буквально два месяца назад мы принимали его в своём доме, в Харькове, на Чернышевской, – она помолчала и продолжила тише, – пили вино, слушали музыку и пели песни. С нами был этот мальчик, Божидар. А Владимир, он был такой... – она снова заплакала, – какая утрата для русской поэзии!

– Вы в Харькове, сударыня, – вздохнул старик.

– Как я могу быть в Харькове? – усмехнулась, не переставая плакать, Катя, – не смейтесь над моим горем, прошу Вас!

– Он умер не позавчера, – ответил ей старик, – он застрелился восемьдесят восемь лет назад.

– Что? – удивлённо и с обидой глянула Катя на старика, – вы куражитесь?

– А как назывался пароход на котором Вы были со своими братом и сестрой? – невозмутимо спросил старик.

– «Титаник»! – ответила Катя больше с обидой, чем с удивлением.

Старик встал, подошёл к двери и обернулся к Кате.

– Я сейчас же вернусь за Вами, Катенька, – сказал он, – очень прошу не делать глупостей и ожидать моего возвращения. Я Вас без промедления отсюда заберу.

Он вышел.

Катя испуганно посмотрела в окно и заплакала.

– Принесите мне тот чемодан и распорядитесь вернуть девушке все её вещи, – попросил он врача ждавшего за дверью, – я забираю её.

Чемодан и вещи Кати принесли через несколько минут.

Старик поставил чемодан на стул стоящий возле дверей палаты, открыл его и рассмотрел старомодную одежду, разворошил пару пиджаков и сорочек. Он вытащил небольшую бумажную коробку и поставил её сверху, на вещи.

– Смотрите, – достал он из коробки небольшой деревянный кубик и показал его врачу.

– Что это? – взял кубик врач.

Миловидная мордашка оленёнка, вырезанная из дерева, смотрела на врача. Оленёнок лежал в гнезде и улыбался.

– Боже! Какая красота! – восхищённо проговорил врач, – этот сувенир стоит больших денег! Это ведь явно ручная работа! Откуда они у неё? – кивнул он на кубики.

Другие кубики были украшены зайчатами, лисятами, медвежонком и мамой-медведицей.

– Такое можно только заказать, – вернул кубик старику врач, – я ни разу не видел такие поделки в магазине. И думать, что она купила их у какого-то коллекционера, я не стал бы. Они явно новые для коллекционных вещей, и тем более для музейных экспонатов.

Старик положил кубик на место и достал из чемодана Библию в твёрдом кожаном переплёте.

– Это не её чемодан, – сказал старик и подал врачу книгу, – переплёт спас Библию от воды, да и страницы едва отсырели по краям, но это не страшно. Высохнут. Бумага качественная, не такая как сейчас. Посмотрите книгу?

– Что здесь? – раскрыл врач Библию.

– Это дарственная надпись, – указал старик, – много лет назад одна семья уезжала в Америку из Англии. У них было много причин чтобы покинуть родную страну. Главная причина была той, что их не считали полноправными людьми, потому что они читали псалмы и молитвы не на английском языке, а на латыни. Хотя... – он подумал, – это другая история. Их дети пели в церковном хоре в церкви Святого Михаила и всех ангелов, в небольшом городке Мелкшам, что в графстве Уилтшир. Потом они оттуда уехали и жили в другом городишке, который сейчас проглочен Большим Лондоном. Но, перед самым отъездом на пароход, их навестили из той церкви в которой их детей любили и ценили. Каждому из детишек привезли в подарок Библию с дарственной надписью. По тем временам это был дорогой подарок, как если бы Вы сейчас подарили шестерым детям по ноутбуку, или по планшету. В этой семье было двое детей, брат и сестра, погодки. Для них церковный сторож, своими руками вырезал эти красивые кубики, – старик взял в руку один из кубиков и снова показал врачу.

– Знаете как назывался пароход, на который села эта семья? – спросил он у врача.

– Как? – посмотрел на него врач.

– «Титаник», – ответил старик и положил кубик на место.

Врач посмотрел в Библию.

– «Нашей дорогой Джесси Эйли Гудвин, в память о днях проведённых в церкви Святого Михаила...», – перевёл на русский язык надпись доктор, – но это явная подделка, – усмехнулся он недоверчиво, – чернила не могли так долго сохраняться, столько времени, в воде!

– Это не подделка, – ответил старик, – чернила могут сохранять свежесть очень долгое время и вода вовсе не та причина от которой настоящие чернила расплываются и исчезают. Да и живущий в начале 21-го века человек, обязательно не учтёт то, что в 1912 году в Англии писали немного по другим правилам, не тем что сейчас. А вот сколько именно времени эта книга пробыла в воде, это ещё вопрос.

– А что с Джесси Эйли? – посмотрел врач на старика.

Старик вздохнул.

– Она погибла. Вместе со всей своей семьёй. Ей было десять лет.

Он помолчал.

– Я верну эту Библию и эти вещи одному её родственнику, который её помнит. И девушку тоже забираю с собой.

– То есть, – подумал врач и отдал книгу старику, – за Джесси Эйли Гудвин она выдавать себя не может?

– Она и не выдаёт себя за неё, – кивнул старик, положил в чемодан Библию и кубики и закрыл его, – она даже не знает кто такая Джесси Гудвин. Постарайтесь, чтобы от неё не осталось никаких следов.

Старик достал телефон и набрал номер.

– Гарольд? – коротко проговорил старик, – это я. Я очень срочно жду тебя у нашего друга в Харькове. Точнее – мы ждём тебя в Харькове. Похоже, что надо снова... вернуться на «Титаник».

Глава 3

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ; СТАРЫЙ САЛТОВ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ СПУСТЯ

Это была дача недалеко за городом. Небольшой деревянный домик с камином и большими светлыми окнами, за высоким забором. От самого входа до ворот росли высокие сосны, по всему огромному двору. А дорожка между соснами была устелена деревянными мостками, ведущими от калитки прямо к высокой веранде, которая служила порогом дома.

Катя долго не могла прийти в себя. Она сидела за столиком на веранде и больше молчала, слушала тишину, смотрела в небо по которому бежали белые облака.

Старик расположился в кресле качалке прямо у входа, читая свежие газеты, а хозяин дома, с виду весёлый и задорный, Борис Борисович, не спеша колол щепу для самовара, время от времени полушутя переговариваясь со стариком.

– Эх, давно у нас не было гостей, – говорил Борис Борисович глядя на старика, – жена скоро приедет, она и присмотрит за Катюшей. Ну как мы, два старых мужика, можем ей помочь? Они девочки, они разберутся между собой!

– Да уж, – вздохнул старик, – её появление тут, если честно, сбило все планы.

– Да не планы сбило, – поправил его Борис Борисович, – Катюша показала, что чего-то вы там натворили не того чего хотели!

Старик глянул на Бориса Борисовича.

– А ведь верно, Боря!

Он встал и прошёлся по двору, подошёл к тепличке в которой росли розы и начал их рассматривать.

– Но, скорее не натворили, а что-то упустили из виду, – сказал он и добавил немного подумав, глядя на Бориса Борисовича, – Гарольд обратил внимание на то, что события развивались немного не так как должны бы были. И куда-то исчез его отец.

Он снова перевёл взгляд на розы.

– Но вот разбираться уже не было времени. Ему даже пришлось делать то, что должен был сделать Фредерик. Я имею ввиду – спасти себя.

Старик посмотрел на Бориса Борисовича и кивнул на розы.

– Зимой выращиваешь?

– Да это не я, – ответил Борис Борисович не отвлекаясь от самовара, – это мои девчонки балуются.

– Живые цветы зимой это приятно, – кивнул старик глядя на розы, – надо будет у вас саженцы заказать.

– О! – воскликнул радостно Борис Борисович, – у вас в Питере сейчас снег! Розы на снегу это всегда красиво!

Он заложил щепу в самовар и начал его кочегарить. Приятный дым разбежался между сосен и все замолчали.

– Ну вот, – улыбнулся Борис Борисович посмотрев на грустно сидевшую Катю, – скоро будем пить чай.

Через четверть часа по двору раздался звонок.

Катя испугалась.

– Это к нам приехали, – улыбнулся ей Борис Борисович, – или жена с дочкой, или наш Гарри.

Он встал и направился к калитке.

Борис Борисович был немного моложе старика, живой, шустрый и быстрый, с живыми глазами и пронизательным взглядом. Казалось, что он просвечивает своего собеседника насквозь когда смотрит на него. Он всё делал быстро. Но рассуждал очень даже не спеша, взвешенно и обдумывал каждое своё слово.

Когда ему позвонил старик, он тут же примчался в больницу, где без лишних разговоров и вопросов лично позаботился о том, чтобы Катя ничего не могла увидеть через тонированные стёкла его машины. Он загнал свой джип во двор, к самому входу, попросил чтобы из коридора убрали всех, даже врачей и лично, в сопровождении старика и главврача, вывел Катю из палаты и провёл к машине.

Раньше он был директором банка. Ещё раньше – служил военным атташе в самых горячих точках и много поколесил по свету. С той поры у него осталась привычка держать личную охрану. Даже не привычка, а необходимость. Врагов у него было достаточно, но друзей, к счастью, гораздо больше. Начальником этой охраны, уже много лет был здоровяк по кличке Мамай. Его звали Олег, и фамилия была Мамаев, но и он сам, и все кто его знал, привыкли к этому имени – Мамай.

– Ну твой Мамай, Боря! – раздался смех из-за ворот, – я думал, что сейчас начнёт допрашивать с пристрастием!

Мамай, без малейших эмоций на лице, заглянул в калитку.

– Спокойно, Мамай, это свои, – махнул ему рукой Борис Борисович, – заходи, Витя.

В калитку вошёл Виктор.

– Барон? Барон, это Вы? – встала Катя едва заметила Виктора и буквально бросилась к нему, – Боже мой! Как радостно увидеть знакомое лицо!

– Катюша, – улынувшись вздохнул Виктор, обнял её и прижал к себе, – Вы даже не представляете насколько Вам повезло, Катя, – сказал тихо он.

– Но как Вы тут оказались? Почему мы с Вами тут и что это всё значит? – посмотрела с удивлением на Виктора Катя.

– Пойдёмте, Катя, – ответил ей Виктор, – Вам многое предстоит узнать.

Они прошли на крыльцо, где на столе уже дымился самовар, а старик раскладывал по вазочкам печенье и пряники.

Виктор долго слушал рассказ Кати ничего не спрашивая и не перебивая её. Уже приехали жена и дочка Бориса Борисовича, уже начало темнеть и во дворе включили свет, а Катя всё рассказывала и рассказывала. Старик уточнял подробности и что-то помечал в блокноте.

– ... когда он разломился на две части все закричали, запричитали и многие просто вылетели за борт, словно их выбросило, – говорила Катя, – я поняла, что сейчас утону вместе с ним и успела прыгнуть в воду. Она была холодная словно лёд. Но было такое чувство, будто ты оказался в огне и он сжигает тебя со всех сторон. Но это был обман, который невозможно было осознать. Не было сил понять, что ты замерзаешь. А вокруг были люди. Много людей. Сотни людей умирающих в страшных криках и мучениях. Женщины, мужчины, дети... и я не могла им ничем помочь. Я не могла помочь даже себе самой... Стоял страшный, ужасный крик, который я слышу до сих пор... А потом всё стихло... Казалось, они начали засыпать. Один за одним. Только по ужасу застывшему на лице можно было понять, что они умирали. Но я не могла ни о чём думать. Меня жгло ледяной водой и я ничего не могла чувствовать. Я только закрыла глаза от боли и... и очнулась уже в том доме, где были военные в странных мундирах, а на кокардах их беретов был этот знак похожий на вилы, вместо георгиевских полосок. Они смотрели на меня так удивлённо, будто... будто увидели ожившего покойника.

Катя опустила глаза.

– Охрана, рыбнадзор с Печенежского водохранилища, – уточнил старик посмотрев на Виктора, – они же и вызвали скорую, а те сразу доставили её в больницу, едва поняли, что Катя рассказывает непонятные вещи.

– Я понял, – кивнул в ответ Виктор.

Он глянул на Бориса Борисовича.

– Может ли Екатерина некоторое время пожить у Вас, пока мы разберёмся с этой ситуацией?

– Да сколько угодно, – кивнул Борис Борисович, – домику нужен хозяин, а лучше если это будет хозяйка. Я скажу ребятам, они поставят охрану к воротам и Катюше не придётся ходить самой в магазин и пугаться людей. Ей всё будут приносить, что она захочет.

– Пугаться людей? – удивилась Катя, – но что случилось такого с людьми, что я должна их пугаться? Здесь происходит что-то страшное?

– Я думаю, Вам уже сказали, – посмотрел на неё Виктор, – что сейчас не 1912 год?

– Да, – удивлённо кивнула Катя, – господин Быстрицкий что-то говорил, но я подумала, что это злая шутка и поняла, что что-то не так, только когда увидела... автомобиль Бориса Борисовича...

– Это не шутка, – кивнул Виктор, – сейчас 2018 год и изменилось практически всё. Того мира, который Вы знаете, уже давно нет.

– Но как это возможно? – не поняла Катя.

– Вы не должны были тут появляться, – ответил ей уже старик, – Вы должны были погибнуть на «Титанике» как и все остальные кто погиб. Но, очевидно что-то, а скорее всего – кто-то переместил Вас сюда. Будем считать, что Ваша смерть в 1912 году состоялась, тем более, что Вас там уже нет. Вы здесь и Ваша жизнь продолжится в начале 21-го века. И дай Бог, чтобы Вы нашли себя тут и были счастливы. Тут много и хорошего, просто Вам надо привыкнуть к тому, что прошло больше сотни лет. Но, вопросы остались и мы обязаны найти на них ответы. Кто знает почему это произошло? Кто это сделал, и самое главное – зачем? Спасти Вас? Но для этого не надо было совершать таких бросков во времени. С каким умыслом это было сделано? Был ли умысел, а если был, то чем это нам грозит? Люди сами по себе, без всякой причины, не перемещаются во времени. И если перемещение состоялось, то были изменения в прошлом. А последствия этих изменений никогда не бывают безопасными для тех, кто живёт в настоящем.

– Погибнуть? Я должна была погибнуть? – испугалась Катя, – но я ведь не умерла! А что стало со всеми теми людьми? Им пришли на помощь?

Старик покачал головой.

– Я сожалею. Помощь пришла только к утру. И Ваша сестра погибла. Но Ваш брат остался жив. Это мы знаем наверняка.

Катя посмотрела на Виктора.

– А Вы, барон? Как Вы здесь оказались?

– Это долго объяснять, – ответил Виктор, – я...

– Я попробую объяснить, – вмешался старик.

Он подумал.

– Если, конечно, Вы вы поймёте то что я скажу.

– Я постараюсь, – ответила Катя, – если сейчас действительно 2018 год, то... то я не и не смогу иначе.

– Я второй офицер «Титаника», – сказал старик, – Чарльз Лайтоллер.

– Я Вас помню, – ответила тихо Катя, – возле шлюпок.

– Да, – кивнул Лайтоллер, – и когда я Вас увидел тут, я сразу узнал Вас и понял, что Вы не очередная местная сумасшедшая девушка, решившая в годовщину гибели «Титаника» изобразить из себя Розу Доусон.

– А кто такая мадам Доусон? – удивилась Катя, – мне постоянно о ней говорят, но я даже не знаю кто это!

– Это не важно, – улыбнулся Лайтоллер, – я думаю, что супруга Бориса Борисовича с удовольствием расскажет о ней и Вы лично сможете её увидеть на экране. А пока что, – он подумал и достал из внутреннего кармана пиджака Библию.

– Мне кажется, – протянул он её Виктору, – я обязан вернуть тебе это.

Виктор взял книгу, открыл её, посмотрел на первую страницу и опустил глаза.

– Простите, – прошептал он, – я... мне нужно побыть одному.

Виктор встал и отойдя к соснам присел на скамейку, прижимая к себе Библию.

– Что с бароном? – проводила его взглядом Катя.

– Эта Библия принадлежала его сестре, – ответил Лайтоллер, – Вам это будет трудно понять, но на тонущем «Титанике» Виктор побывал дважды.

– Но «Титаник», как я понимаю, тонул только один раз! – воскликнула Катя.

– Только не для человека обладающего тайной перемещения во времени, – ответил ей Лайтоллер.

– Что? – не поняла Катя.

– Первый раз, будущий полковник и будущий барон Виктор фон Готт, оказался на «Титанике» так же как и сотни других людей, – сказал Лайтоллер, – так же как и Вы, и Ваша сестра, и Ваш брат он был пассажиром Третьего класса и ехал в Америку за счастьем, вместе со своей большой семьёй.

– Барон в Третьем классе? – не поняла Катя, – но как такое возможно? Он очень богатый человек, полковник, герой войны с японцами и кавалер Ордена Святого Станислава! Барон знаком с самим Императором и уважаем в местном дворянском собрании!

– О, я Вас уверяю, милая Катюша! улыбнулся Лайтоллер и покачал головой Кате, – всего этого он добивался годами своего нелёгкого труда и часто собственной кровью. А на «Титаник», первый раз он ступил когда его звали по другому. И он даже не помышлял о том, что очень скоро сама его жизнь будет висеть на волоске и лишь чудом не оборвётся. Тогда, если Вы его и видели, то вряд ли даже обратили на него внимание. Ему ведь было всего девять лет!

– Девять лет? – опешила Катя, – а что с его родными?

– Они погибли, – спокойно ответил Лайтоллер, – а его, замёрзшего и без чувств, так же как и Вас, из воды подобрала шлюпка. Только это, всё же произошло на месте гибели «Титаника».

– А второй раз... – подумала Катя, – он как-то тоже появился здесь? По своей воле? Как он умеет путешествовать во времени? Это его талант, о котором никто не знает?

– Можно и так сказать, – кивнул ей, чуть улыбнувшись, Лайтоллер, – он довёл до конца ту работу, над которой много лет трудился его отец. Его отец был гениальный учёный, но непризнанный на своей родине по ряду причин. И все эти причины являлись обыкновенным средневековым мракобесием. Барон просто вернулся в своё время и стал тем кем Вы его знаете. Это не стремление к красивой жизни, и он не воспользовался тем преимуществом, что уже знает куда и когда надо открыть двери. Он просто показал своим современникам, даже нам с Вами, какое место в нашей жизни должен был занимать его отец.

Лайтоллер помолчал.

– Мы позволили гениальному учёному работать простым электриком в плавильне заходного городка. И мы настолько низко ценили его благородный труд, что ему приходилось держать собственную мастерскую и принимать заказы, ремонтировать швейные машинки и велосипеды. А ведь он, – Лайтоллер посмотрел на Катю, – изобрёл беспроводную связь, которая сейчас спасает жизни миллионов людей и сегодня не дала сломать Вашу судьбу, в этом времени. Он опередил человечество на 116 лет...

Лайтоллер снова помолчал и снова посмотрел на Катю.

– Не надо тревожить барона, – сказал тихо Лайтоллер, – эта Библия, и те вещи в чемодане на котором Вы спаслись, это всё что осталось от его семьи...

Глава 4

СЕВЕРНАЯ АТЛАНТИКА; НАШИ ДНИ

– Опускай! Опускай! – доносилось на командный пункт «Мира» снаружи.

«Мир» медленно погружался в воду и так же медленно начал спускаться на дно и исчез в глубине.

Становилось всё темнее. Пространство словно сжималось, вытесняемое непонятной тревогой вырывающейся из груди.

Антон зачем-то начал считать удары сердца и вдруг, незаметно для себя самого обнаружил, что делает это непонятно зачем.

Антон Карамышев был археолог. Он первый раз спускался к «Титанику», как и сидевший рядом его не молодой и не старый английский коллега со звучным именем Тревор.

Они переглянулись и Антон понял, что Тревор чувствует приблизительно то же что и он. Время шло...

– Включай, – наконец-то, тихо сказал Антон и Тревор зажёл прожектор.

– Вот он, – прошептал Антон, – мы на месте, – и снова посмотрел на Тревора, но уже с непонятной для себя самой улыбкой.

На дне, прямо перед ними, величаво вырос нос «Титаника».

– Испытаем наше изобретение, дружище? – улыбнулся Антон.

– Давно ждали! Чего медлим? – усмехнулся в ответ Тревор.

– Надаёт нам по шапке старик Батт, – рассмеялся Антон и взялся за джойстик.

От «Мира» отделился маленький робот, который направился к верхним палубам, нырнул на променад Первого класса и исчез в дверном проёме ведущим в каюты.

Антон, прищуриив глаза молча смотрел в зелёный монитор, словно сам пытался нырнуть в каюту «Титаника». Робот остановился возле одной каюты, просветил её ярким лучом и не найдя ничего направился ко второй, потом к третьей и наконец протиснулся маленьким корпусом в узкие двери.

– Гляди, – указал Антон, глазами на монитор Тревору.

В свете луча можно было ясно рассмотреть всю каюту: потускневшее зеркало, сгнивший от времени и воды журнальный столик прижатый к стене, под которым валялись две железные кружки и почерневшая от времени бутылка вина.

– Откуда тут могут быть солдатские кружки? – удивился Тревор.

– А кто их миллионеров разберёт? – усмехнулся Антон и заметил саквояж, одиноко лежащий в другом углу.

Антон подвёл ближе робота, посветил на саквояж и подтолкнул легонько Тревора локтем.

– Да ты посмотри чего я нашёл! Он же целёхонек, как заказывали!

– Вижу, – ответил Тревор глядя на монитор, – цепляй его, только осторожнее. Тут всё обманчиво.

– Не развалится, – успокоил его Антон, – главное не говори под руку.

Он поддел саквояж манипулятором за металлические ручки и робот попятился назад, бережно унося за собой находку...

Через пару часов саквояж уже стоял на палубе небольшого теплохода, под ярким солнцем.

– Не дышите на него! – смеялся Антон фотографам и прочим любопытным, которые толпились вокруг и то и дело норовили сфотографироваться рядом.

В воздухе послышался гул двигателей.

К теплоходу стремительно приближался небольшой вертолёт. Он на мгновение завис над палубой и медленно сел на неё.

– Быстрее! Мы вас одних ждём! – помахал Антон людям сошедшим с вертолёта.

– Доктор Карамышев? – подошёл средних лет человек в сопровождении женщины в официальном костюме, – доктор Карамышев! Я Эдвард Джон Батт, – представился он стараясь перекрыть гул вертолёта, – я представляю интересы Общества потомков пассажиров и матросов «Титаника». А это, – указал он на женщину, – Анжелина Бакстром, мой секретарь и ассистент. Вы понимаете, что совершили то, чего не должны были делать?

Антон отмахнулся на вертолёт и тот как по команде затих.

– Вы понимаете, что вы не имели права ничего забирать из кают и вообще изнутри корпуса «Титаника»? – снова повторил Антону Батт.

– Понимаю, мистер Батт, – ответил ему Антон, – но рано или поздно это сделал бы кто-то другой и вряд ли бы мы об этом узнали, согласитесь.

– Согласен, – кивнул ему Батт, – все личные вещи пассажиров принадлежат их потомкам. А интересы потомков представляет наше Общество. Следовательно, саквояж поднятый вами принадлежит нам.

– Именно поэтому мы и не решились вскрывать его без Вашего присутствия, – ответил Антон, – спасибо, что прибыли так быстро. Перейдём к делу?

– Я здесь именно для этого, доктор Карамышев, – ответил Батт.

– Тогда прошу Вас, – указал на саквояж Антон.

Они подошли к саквояжу и Анжелина включила камеру.

– Сегодня 14 мая 2018 года, – начал Антон, – 14 часов 38 минут по корабельному времени. Мы находимся на месте крушения лайнера «Титаник». Я, доктор исторических наук Карамышев Антон Игоревич, а так же мой коллега, доктор истории Тревор Таллер, подняли этот саквояж с борта лайнера «Титаник» в 10 часов 45 минут по корабельному времени, из каюты Первого класса, номер которой, по уточнению, будет указан в прилагаемой документации.

Он посмотрел на присутствующих и продолжил говорить в камеру.

– Саквояж металлический, оббит тёмной кожей, – Антон помолчал, – заперт на замок, предположительно замок для мебели, ржавый. Дужка замка слилась с дужками саквояжа. Внешних повреждений на саквояже не обнаружено. Соответственно, саквояж до настоящего момента не вскрывался. Всё это время он находился под охраной капитана теплохода «Академик Серебряков» Чернушенко Андрея Сергеевича и старшего помощника капитана Филиппа Ивана Владимировича. Прошу подтвердить, – посмотрел он на капитана.

Анжелина навела камеру на капитана и старшего помощника.

– Подтверждаю, – кивнул капитан.

– Так точно, – ответил старший помощник.

– Прошу подтвердить мистера Батта, – посмотрел на Батта Антон.

– Подтверждаю, – уверенно сказал Батт, – что по нашему прибытию на корпусе саквояжа ни следов взлома, ни внешних подтверждений не обнаружено.

– Очень хорошо, – кивнул ему Антон, – в этом случае, мой коллега, Тревор Таллер, произведёт вскрытие поднятого с «Титаника» предмета.

Он отошёл.

Анжелина навела камеру на саквояж.

Тревор приблизился к саквояжу держа ножницы по металлу. Присел. Немного подумал и начал ломать дужку замка.

– О боги! Нет! – вдруг вскричал Тревор, вытаскивая из саквояжа небольшой, герметично запечатанный полиэтиленовый свёрток, в котором без труда узнавался фотоаппарат и рулон проявленной фотоплёнки.

– Что? Что это? – удивлённо посмотрел на Антона Батт.

– Я... я не знаю... – проговорил Антон, – мы подняли его с «Титаника»...

Он оторопел и только растерянно смотрел на Тревора, который не менее удивлённо глядел на всех вокруг, держа в руках пакет.

– Гм, – подошёл к Тревору Батт и взял из его рук свёрток, – ну по состоянию фотоаппарата это вполне видно. Но вряд ли в 1912 году, в России выпускали «Ф.Э.Д.», – указал он на панель с названием фотоаппарата.

– У вас есть какие-нибудь мысли по этому поводу, доктор Карамышев?

Антон растерялся.

– Я... я не знаю, что и думать, мистер Батт. Мне кажется, что ответ на этих негативах.

– Мне тоже так кажется, – согласился Батт, – мы с коллегой задержимся у вас на некоторое время и подождём распечатки фотографий. Я думаю, что самое интересное во всей этой истории только начинается.

– Вы думаете, – спросил Батта Тревор, – кто-то мог до нас спуститься на глубину две мили, проникнуть в каюты и оставить там саквояж с этим добром?

– Я не думаю, – обернулся к нему Батт, – я просто знаю. Никаких ФЭДов и тем более полиэтилена в саквояже, который явно провёл на «Титанике», на дне, больше столетия, быть не могло, – Батт помолчал и добавил, – если, конечно, их кто-то не оставил там, во время крушения. И скорее всего оставил он специально для нас, господа, – улыбнулся Батт, – так не будем же огорчать нашего благодетеля!

– Я надеюсь у вас есть фотоувеличитель и реактивы? – посмотрел он на Антона.

– У нас всё есть, – вздохнул в ответ Антон.

– Вот и займитесь печатью фотографий, – отдал ему пакет Батт, – и никакой огласки, доктор Карамышев.

Он посмотрел на Анжелину продолжавшую снимать всё на камеру.

– Отключите камеру. Это Вас тоже касается, миссис Бакстром.

Уже стемнело, когда Антон завершил печатать фотографий. Выведя на принтер последний снимок, он схватил папку с готовыми фото и со всех ног бросился в каюту к Батту.

– Мистер Батт! – влетел в каюту Антон.

– Что случилось? – поднялся с кровати Батт, – капитан Смит жив и сейчас пьёт чай в кают-компании с капитаном Чернушенко?

Батт присел за стол и кивнул Антону чтобы тот рассказывал.

– Нет, капитана Смита в кают-компании нет, – ответил явно волнуясь Антон, – но я уже не удивлюсь, если через час он там будет.

Антон положил перед Баттом на стол пачку фотографий.

– Это все снимки с тех негативов. Некоторые я намеренно увеличил, но качество от этого не пострадало. И я Вам больше скажу, мистер Батт. Плёнка – советская, «Свема». Как и фотоаппарат, она тоже 80-х годов прошлого века. Человек который это снимал, знал, что именно эту плёнку лучше заряжать в эту модель фотоаппарата.

– Логично, – согласился Батт, – то есть можно сделать вывод, что фотоаппарат принадлежал выходцу с Советского Союза?

– Возможно, – согласился Антон, – материал плёнки более качественный чем на её иностранных аналогах тех лет, и это позволило ей сохраниться под водой больше столетия.

– Гм, – удивился Батт, – то есть Вы подтверждаете, что это не чей-то розыгрыш? На «Титанике» находился пассажир, или член команды, из СССР. До появления которого, было ещё десять лет. К тому же с фотоаппаратом, который соберут только через семьдесят лет.

И в него была заряжена советская плёнка изобретённая к концу XX века? И более того, он успел это всё проявить и оставил нам в подарок?

– Да! Однозначно и без сомнения, мистер Батт, – достал носовой платок и вытер пот со лба Антон, – я понимаю, что это звучит как полнейший абсурд, но всё-таки...

– Спокойно, – прервал его Батт, – я знаю что Вы не пациент психиатрической клиники. Что на фото?

– Все снимки сняты на найденную камеру, – ответил ему Антон, – в этом не может быть сомнений. На первых двенадцати снимках запечатлены члены одной и той же семьи. И нет никакого сомнения, что фотографии сделаны между июлем 1911 и апрелем 1912 года. Самые первые фото сняты задолго до посадки на «Титаник». А последние три из них сняты на самом «Титанике». Вот эти, – присел он напротив Батта и положил перед ним первое фото, – тут мальчишки дерутся подушками, играют.

– Я понимаю, что играют, – ответил Батт рассматривая фото.

– Это, – протянул Антон второе фото, – перетягивают канат, на прогулочной палубе для Третьего класса, снято сверху.

– На носу «Титаника», – уточнил Батт.

– А это пассажиры играют в кольца, – положил Антон третий снимок перед Баттом.

– Такое невозможно подделать или организовать постановку ради нескольких фотографий, – согласился Батт, – а что за семья?

– Вне всякого сомнения – это Гудвины, – ответил Антон.

– Гудвины? – поразился Батт, – пассажиры Третьего класса? Этого не может быть! Но как они могут быть связаны с владельцем фотоаппарата, который появится только в 1980-м году!?

– Вот и я об этом думаю, – ответил Антон словно прошептав, – на остальных фото снят один и тот же человек. Причём снят он в разное время, в смысле эпохи. И ни одна из фотографий, даже при самом внимательном рассмотрении, не постановочная. Такое ощущение, что за этим человеком шпионил владелец этого фотоаппарата.

Антон разложил фотографии на столе перед Баттом, который пытался сохранять невозмутимость чтобы не показаться растерянным.

– Это русский офицер, – указал он на первое фото, – снято оно было, судя по всему, в 1904 году. Судя по ландшафту и присутствию на снимке генерала Линевича – это Маньчжурия. То есть, за много лет до событий на первых двенадцати кадрах плёнки.

– Невероятно... – проговорил Батт глядя на фото.

– Я тоже так подумал, что невероятно, – ответил ему Антон, – но на втором фото этот же самый офицер, но уже в немецкой форме, мундире войск СС, в Берлине, спускается по ступеням Рейхсканцелярии. Можно было бы предположить, что первые двенадцать фотографий просто пересняты, а потом, путём постановки сделаны другие фотографии, но тут есть деликатный момент. При всём желании, постановку именно этой фотографии сделать невозможно.

– Почему? – спросил Батт.

– Здания Рейхсканцелярии не существует с февраля 1945 года, – ответил, слегка улыбаясь, Антон.

Он указал на следующую фотографию.

– Испания, берег моря, 1937 год, он же, отдыхает в компании кого, как Вы думаете?

Батт взял фотографию, внимательно посмотрел на неё и вернул Антону.

– Не могу так просто определить, – пожал он плечами.

– Вот этот маленький человек с большими глазами, – усмехнулся Антон, – Антуан де Сент-Экзюпери. И его не трудно узнать. А бородач, это никто иной как Эрнест Хемингуэй, мистер Батт. Они воевали вместе в Испании.

– Ничего себе! – воскликнул Батт, – у нашего героя интересные знакомства!

– И это ещё не весь круг его общения, – улыбнулся, кивнув, Антон, – вот Вам Гатчина, 1912 год, – подал он следующую фотографию, – Николай Александрович, он же русский император Николай II. О чём-то беседует с этим самым офицером.

– Николай II? Тот самый царь которого убили у вас в Екатеринбурге вместе с семьёй? – уточнил Батт.

– Да, и несомненно это настоящий Николай II, а не актёр, – спокойно сказал Антон, выкладывая следующую, – а на этой фотографии наш герой снят в группе советских и английских офицеров, на Оudere, в британском военно-морском мундире.

– И при всём при этом, он живёт в конце 70-х – начале 80-х годов? – спросил Батт.

– Не думаю, – ответил Антон, – вот фотография сделанная в наши дни, в Новогодние праздники, – он положил перед Баттом следующий снимок, – в кадр случайно попал Новогодний плакат где ясно видно, что это зима 2018 года. Ну, может последние дни 2017-го.

– А может и не случайно, – ответил Батт, – я думаю, что автор снимков хотел чтобы плакат попал на фото. Что ещё?

– А теперь переходим к самому интересному, – улыбнулся в ответ Антон, – в холле Первого класса и в «Парижском Кафе» на «Титанике»! И не просто отдыхает, а общается с очень известными личностями!

Последние слова Антон произнёс даже торжественно.

Батт взял фотографии и посмотрел на них.

– Да это же сам Джон Джейкоб Астор! Мадлен Форс и Молли Браун! И ещё какая-то юная особа, с лицом скрытым под тёмной вуалью, – проговорил Батт глядя на первый снимок и глянул на второй, – а это без сомнения «Парижское Кафе» и с ним та же Молли Браун и сам капитан Смит! А что это за мальчик с ними за столом?

– Вот этот мальчик, – достал из папки семейную фотографию Гудвинов Антон, – его зовут... точнее – звали, Гарольд. И я едва его увидел, то сразу узнал, мистер Батт. И ещё, обратите внимание на предмет висящий через плечо у мальчика.

Батт присмотрелся к снимку.

– Ну, учитывая что на «Титанике» мог быть только один Ф.Э.Д, это и есть найденный вами фотоаппарат? – удивлённо глянул он на Антона, – предмет из будущего, просто висящий на плече у ребёнка из 1912 года?

– Именно, мистер Батт! – указал пальцем вверх Антон.

Батт отложил фотографию.

– Сдаётся мне, доктор Карамышев, – тихо произнёс он, – что человек оставивший саквояж в каюте, очень хотел чтобы мы его нашли. И знал, что мы обязательно его найдём. То есть, он знал о вашем с мистером Таллером изобретении и знал даже то, что вы сунетесь в каюты, чего делать нельзя. И более того, что вы решите заглянуть именно в эту каюту. Иначе, зачем это бесценное для него сокровище, просто так оставлять во время кораблекрушения именно посреди этой каюты, а не где-нибудь в шкафу, или в багажном отделении? Да хотя бы на палубе, чёрт возьми! Саквояж, во время крушения, что очевидно, стоял именно посреди каюты, на самом видном месте. И даже более того, хозяин позаботился о сохранности плёнки, потому что знал, что она окажется под водой на очень долгое время. Он специально оставил для вас саквояж.

Батт глянул на Антона.

– А Вы как думаете, мистер Карамышев? Фотоаппарат замечен на плече у мальчика, но не мог же мальчик снять всё это, в том числе и себя самого?

– Не мог, – согласился Антон, – даже если это ребёнок путешествует по времени, для девятилетнего мальчика это в любом случае невыполнимая задача.

– Не знаю насчёт мальчика, – ответил Батт, – дети часто умудряются делать то, что подчас не под силу нам, взрослым. Но вот то что мы имеем дело, по крайней мере с двумя путешественниками во времени, и один из них наблюдает за другим, это очевидно.

Батт снова посмотрел на фотографии.

– Зачем только? Почему? Вот это остаётся загадкой.

Он отложил фото и подумав, посмотрел на Антона.

– Поздравляю Вас и Вашего коллегу с этой замечательной находкой и успешным изобретением. И сразу огорчу, что Вам придётся распутывать этот клубок. Кто ехал в той каюте Вы уже установили?

– Да, – подумал Антон, – это было несложно. Каюта была зарегистрирована на некоего Виктора фон Готта, полковника Русской Императорской Армии. Родился в Могилёве, окончил Александровское юнкерское училище, служил в Сибирском драгунском полку. Судя по послужному списку, который открыто выложен в базе данных «Великая Война», Виктор фон Готт был участником Русско-Японской и Первой Мировой войн. Кавалер Ордена Святого Станислава. Фактически, он был обладателем высшей военной награды Российской Империи. Барон. Личность известная, уважаемая, но всегда предпочитал находиться в тени. В Гражданскую Войну воевал в Вооружённых Силах Юга России, командовал разведкой в 1-м армейском корпусе генерала Кутепова. Но потом его следы теряются. Окончательно он исчезает после 1945 года. Считается, что он умер в связи со своим уж очень преклонным возрастом. Ведь в 1945-м ему бы уже должно было быть 80 лет, – посмотрел он на Батта, – и при этом – ни одной фотографии! Но вот правда, в Британской Армии был и другой фон Готт, вполне молодой и перспективный офицер Королевского военно-морского флота. Его тоже звали Виктор. Он был военным дипломатом, инженером и героем-разведчиком в годы Второй Мировой Войны, после которой, он тоже странным образом исчезает.

– Гм, – усмехнулся Батт, – два Виктора фон Готта на один Королевский флот и ни одной фотографии. Ну так уж и ни одной? Вот они, перед нами! И за всё это время он не даже не меняется. Ну, по крайней мере мы прояснили кто на снимках. Но причём тут маленький Гарольд Гудвин? Причём тут его семья? Причём к ним барон Виктор фон Готт из России, и кто всё-таки оставил саквояж? Явно не фон Готт, если он не хотел оставлять после себя следов даже в виде фотографий! И имел на это основания, поскольку человек служил в разведке! И первый, и второй, если думать, что это два разных человека. И самое главное, доктор Карамышев, я понимаю так, что барон Виктор фон Готт сейчас живет нас с Вами?

– Думаете он... – вопросительно посмотрел на Батта Антон.

– Именно, – кивнул ему Батт, – где-то у нас под носом ходит тот, кто был свидетелем гибели «Титаника». И это не древняя выжившая из ума старушка, пережившая ту ночь младенцем на руках у мамы. Это ещё довольно молодой человек в здравом рассудке, который знает ответы на очень многие вопросы. Но тут непонятно только одно. Непонятно, что же связывает его с Гудвинами. Хотя, – подумал Батт глядя на фотографии, – ответ лежит где-то у нас перед глазами. Если неизвестный нам доброжелатель оставил для нас сундук с сокровищами, то он оставил и ключик. Нам остаётся только понять, что именно является этим ключиком.

Он взял снимок из «Парижского Кафе» и начал его рассматривать.

– Привести ребёнка из Третьего класса в Первый класс, на тот момент в самое роскошное кафе в мире, мог только очень близкий семье человек, к тому же имевший влияние на самого капитана Смита.

– Ну может он просто решил побаловать паренька? – подумал Антон.

– В последний вечер жизни мальчика, зная что мальчик не доживёт до утра? И даже более, что этот ребёнок погибнет ужасной и жуткой смертью? – усмехнулся Батт посмотрев на Антона и отложил фотографию.

– Подружиться с ребёнком и бросить его погибать на тонущем «Титанике»? Думаете фон Готт не знал, что Второй и Третий класс не выпускают на шлюпочную палубу? Если он имел право привести одного пассажира из Третьего класса в Первый класс даже в кафе, то он мог привести его и к шлюпкам. И не его одного. Я много лет прослужил в ФБР, мистер Карамышев. И смею Вас заверить, что только отъявленный негодяй, понимая что только от него теперь зависит жизнь ребёнка, может бросить его погибать. На такое неспособны подчас даже серийные убийцы. А Виктор фон Готт, или как там его зовут на самом деле, очень не похож на негодяя. Его биография рассказывает нам о благородном человеке. Он сел на «Титаник» уже побывав в нашем времени, пройдя всё XX столетие и не мог не знать про обречённость пассажиров Третьего класса. В частности, этой семьи, – указал на фото Гудвинов Батт, – и познакомив Гарольда с Молли Браун, он наверняка преследовал какие-то цели.

– Может случайность? – подумал Антон.

– Случайность? – усмехнулся Батт, – нет, не думаю. Если бы он хотел побаловать мальчика, то купить мороженое фон Готт мог и в Третьем классе.

– К чему Вы клоните? – спросил Антон.

– Да к тому, что ключевая фигура тут не фон Готт, а мальчик, – снова посмотрел на снимок Батт, – он чем-то был важен фон Готту. И судя по всему, этот мальчик играет очень важную роль в каких-то событиях. Не в гибели «Титаника», но в событиях из-за которых фон Готт прибыл на «Титаник».

– Или вернулся? – уточнил Антон.

– Вот именно! Или вернулся! – ответил Батт, – или вернулся на «Титаник» из-за девятилетнего мальчика из Третьего класса, который должен погибнуть в ту ночь вместе со всей своей семьёй.

Батт посмотрел на Антона.

– Кто он такой, Гарольд Гудвин?

– Легче сказать кем были его отец и мать, – вздохнул Антон, – отец, Фредерик, был сыном небогатого шотландского землевладельца, содержателя пансиона для детей шотландских католиков, электрик. Толком непонятно где он родился. Впервые он появляется в записях регистрации жителей в Бермондси, практически в Лондоне. Работал на чугунолитейном заводе в Мелкшаме, но больше времени проводил в собственной мастерской. У человека было своё дело, не слишком прибыльное, но выгодное по тем временам. В общем, он занимался ремонтом машин, велосипедов, и разного рода заказами связанными его профессией. Мать, Августа, была учительницей в школе для девочек, но в последнее время не преподавала. То есть была безработной, как бы сейчас сказали.

– Домохозяйкой, – поправил его Батт, – у неё было шестеро детей и не трудно понять, почему она бросила учительствовать. За два года до событий у них в семье появилось пополнение, Сидней Лесли. Что касательно Фредерика Джозефа, то электрики в 1912-м году были образованнее и грамотнее современных инженеров-программистов. Достойная и интеллигентная семья. А что их родственники?

– Трудно сказать, – ответил Антон, – в Великобритании никого не осталось. Кто-то был в России, но после революции 1917-го года искать бесполезно. Скорее всего что даже их потомков нет. А вот в США...

– Что в США? – посмотрел на него внимательно Батт.

– В Ниагара-Фоллз живёт правнук, – подумал Антон, – кажется именно правнук, родного брата Фредерика Гудвина, Томаса. Но я скажу, его образ жизни...

– Это не Ваша забота, мистер Карамышев, – снова прервал его Батт, – фотографии я заберу с собой. И негатив тоже. Поэтому, если Вы не сделали копии, поспешите их сделать. Я вылетаю через час. На следующей неделе жду Вас у себя в Нью-Йорке, с подробным отчётом об этой экспедиции. И прошу Вас, – посмотрел он на Антона, – наибольшее внимание

уделите этим снимкам. Проанализируйте каждую мелочь в фотографиях. Найдите хоть что-то, за что можно уцепиться. Если Виктор фон Готт познакомил мальчика с Молли Браун, то рыть надо в направлении Молли Браун. Ещё раз повторюсь, что если бы он хотел устроить пареньку праздник, то ему легче было купить сладости для всех детей из этой семьи и принести им эти подарки в каюту. Но он привёл в «Парижское Кафе» только Гарольда. Он переживал именно за него. И именно его хотел познакомить с Непотопляемой Молли. И он знал точно, что там обязательно будет в это время отдыхать Непотопляемая Молли! Она занималась помощью выжившим пассажирам из Третьего класса, доктор Карамышев. И если этот мальчик выжил, то он непременно должен был пройти через неё...

Глава 5

НИАГАРА-ФОЛЛЗ; НАШИ ДНИ

Алекс уже допивал вторую бутылку пива сидя на диване посреди гаража, который служил ему домом. Время перевалило за полночь. Телевизор орал и надрывался. Алекса почти свалил с ног пьяный сон, когда в дверь заколотили.

– Идите к чертям! – не вставая с дивана посмотрел на двери Алекс.

В ответ заколотили ещё сильнее.

– Что за чёрт! – выругался Алекс и поднялся с дивана, – я у себя дома и делаю что хочу! – он встал напротив дверей и показал им средний палец.

Двери, словно в ответ с грохотом вылетели. В гараж зашли полицейские с оружием наготове.

– Мистер Гудвин? – зашёл последним седой офицер.

Он как-то по дежурному улыбался, поправляя очки и рассматривал бардак вокруг.

– Нехорошо, мистер Гудвин, – подошёл офицер к телевизору и выключил его.

– Ну ладно, откуда я знал, что мешаю соседям? Тут же нет окон! – развёл руками Алекс, – и ближайшие соседи только в соседнем квартале!

– Дело не в том, мистер Гудвин, – улыбнулся офицер, – боюсь, что Вам придётся проехать с нами.

Он глянул на Алекса не сводя улыбки с лица.

– В чём меня обвиняют? Я никуда не поеду! – закричал Алекс.

В ответ, один из полицейских ударил его прикладом по шее, а двое других скрутили Алексу руки нацепив на него наручники.

– Вы имеете право хранить молчание, – начал офицер, – на звонок адвокату, – офицер подумал, – хотя... сомневаюсь, что на сей раз он тебе поможет.

В полицейском участке было тихо. По крайней мере было тихо в той комнате где заперли Алекса. Он сидел за широким квадратным столом закрыв глаза и клял на чём свет стоит всех, кого подозревал и мог вспомнить. Алекс не мог понять одного: за что его вообще сюда приволокли и благодаря кому он сейчас в наручниках, в этой пустой комнате для допросов, и что у него будут спрашивать?

Напротив него было пустое место. Такой же стул, как тот на котором он сидел. Только пустой.

Алекс поймал себя на мысли, что всё вокруг ему кажется чёрно-белым, в каких-то серых тонах и решил, что ничего хорошего это не может предвещать.

Сколько прошло времени Алекс не помнил. Но едва открылись двери и вошёл, как он понял, тот кто его и заставил сюда притащить, Алекс хотел вскочить и задушить копа, но наручники были прикованы к столу.

– Не трудитесь, мистер Гудвин, – вежливо улыбнулся детектив присаживаясь напротив, – курите?

– Потерплю, – проворчал Алекс.

Детектив пожал плечами и снова улыбнулся.

– Сегодня вечером, на своём мотоцикле Вы чуть было не совершили наезд на пожилую мисс Паркл? Верно?

– Откуда мне знать кто была эта старая карга? – равнодушно отвернулся Алекс, – она перебежала дорогу в неподобающем месте и я не успел затормозить и едва не разбил байк. Это я должен подавать на неё в суд! – он посмотрел на детектива.

– Возможно, – кивнул в ответ детектив, – но ведь Вы перевозили на нём партию героина? Под сиденьем, вспоминайте!

Детектив улыбнулся Алексу прищурив глаз.

– Это мне моё – мне подложили! – снова отвернулся Алекс.

– Ну конечно, а как же? Естественно! – рассмеялся детектив, – да и вообще, знаете, эти копы просто невыносимы!

Он открыл папку и нашёл нужную страницу дела.

– И ещё, в Вашем гараже... – детектив прокашлялся, – простите, в доме, около двух месяцев назад провела ночь Маргарет Ставински, которая сейчас беременная и утверждает что от Вас, – посмотрел на Алекса детектив.

– Что? – округлились глаза Алекса, он пристально, в недоумении глянул на детектива, – какая ещё Ставински? Не знаю я никакой Ставински!

– Уже знаете, – спокойно ответил ему детектив, – хотите сесть за изнасилование несовершеннолетней?

– Вот шалава, – выругался, посмотрев куда-то в сторону, Алекс.

– Вот видите? – улыбнулся детектив, – знаете! Ну так как? Хотите отправиться в тюрьму, или намерены ночевать у себя дома? Наезд на пешехода. Впрочем – не в первый раз. Торговля наркотиками. Но на этом Вас ловили ещё в школе. И девочка...

– Какая она девочка! – вскричал Алекс, – двадцатилетняя кобыла, которая переспала с половиной района!

Алекс рассмеялся.

– Что Вы мне тут пишите, детектив? Я не бандит и не уголовник! Люблю выпить и оторваться с девчонками. Ну шумный немного. Но с кем не бывает? Ну есть пара пакетов, чтобы самому нюхнуть. Но я же не езжу под кайфом по городу! Жить-то мне не надоело? Верно? А бабка эта, пусть на светофоре переходит, а не прыгает всем подряд под колёса!

– Ладно, ладно, – успокоил его детектив, – я же ведь спрашиваю Вашего желания, мистер Гудвин. Куда Вы хотите отправиться сегодня? Домой, или в тюрьму?

– Медведь что ли издох на водопаде? – пожал плечами Алекс посмотрев в сторону, – фараон спрашивает меня, хочу ли я в тюрьму или хочу домой после того, как навешал на меня все смертные грехи? Это что-то новенькое, сэр!

– Ничего нового, – продолжал смотреть на Алекса детектив, – если Вы хотите домой, то Вы честно ответите на все мои вопросы, мистер Гудвин. И отправитесь домой. Я могу Вам даже подарить эту шмару Ставински. Живите с ней сколько хотите, если конечно не боитесь венерических заболеваний. И хоть задавите эту старую дуру Паркл. Только потом привяжите её за ногу к своему байку и увезите куда подальше от города, потому что она уже достала всех нас своими кляузами. Ей осталось только Президенту писать! И нюхайте свой порошок хоть каждый день, если Вам надоело жить. Но Вы для этого ответите мне на несколько вопросов.

– Каких ещё вопросов? – удивился Алекс, – я ничего не знаю кроме пива, футбола и местных проституток. Ну, ещё знаю где героин на районе можно достать.

– Мне не нужен Ваш героин, – посмотрел на него детектив, – мы все Ваши точки знаем. И знаем даже те, о которых Вы и не догадываетесь. И все подпольные бордели, порностудии и проститутки-одиночки нам тоже известны.

– Тогда что Вы от меня хотите? Чего ради вообще Вы меня сюда приволокли? – растерялся Алекс, пытаясь показать детективу наручники, но те крепко удерживали его прикованным к столу.

– К Вам несколько лет назад приехал родственник из Британии. Это так? – спокойно спросил детектив.

– Ну так, – ещё больше округлились глаза у Алекса, когда он услышал вопрос, – а что он? Начудил чего-то? Да ну бросьте! Он нормальный мужик!

– Даже не сомневаюсь в этом! Можете не доказывать! Он абсолютно законопослушный гражданин! – ответил детектив и Алекс успокоился, – что Вы о нём знаете? – спросил детектив.

– Он ни причём к моему порошку, – ответил Алекс, – или он тоже приторговывает им?

– Нет, – покрутил головой детектив, – мы делаем свою работу и нам хотелось бы знать всё что возможно о человеке, который со своей семьёй недавно принял гражданство.

– А, вот оно что, – вздохнул облегчённо Алекс, – ну торгует мобилками, магазин у него свой, ремонтирует старую электронику неплохо. Мне вот недавно починил магнитофон старый, на двукассетник. Помните такие?

– Помню, – кивнул детектив, – это с которыми мы в школу на дискотеки ходили?

– Ну да! Из тех самых! – рассмеялся Алекс.

– Да, да, – усмехнулся детектив, – я свой на плече таскал, до того огромный он был! Все одноклассники завидовали. А когда его врубал, все соседи ругались и жаловались отцу. Он же гремел на весь район!

– Да ну вас! – улыбнулся Алекс, – никогда бы не подумал, что копы тоже были двинутыми на всю голову!

Детектив усмехнулся и вздохнул.

– Ну так что Ваш родственник? Говорите нормальный человек?

– Да с бабой живёт, – ответил Алекс и тут же осёкся, – но законно! Вы не подумайте! Её Мэри зовут, – он подумал, – Мэри Кравс. Эдакий гибрид домашней жены и монашки. Пацан у него первый класс заканчивает.

– А как зовут сына? – спросил детектив.

– Сид, – усмехнулся Алекс, – шустрый, быстрый, ходячие сто тысяч «почему?», не иначе.

– Нормальный ребёнок, – кивнул детектив, – Вы им продали свой дом?

– Да ну Вас! – улыбнулся Алекс, – он просил, чтобы я остался, не уходил. Заладил, что мол «Алекс! Оставайся! Пропадёшь ведь один! Я тебя в дело возьму!», – Алекс тяжело вздохнул, – только где он раньше был? Мне бы такого отца... Не могу я в том доме. Мне везде мерещится тень моего папочки, который ни дня не был трезвым и дубасил меня и руками и ногами, когда ему вправляли мозги на улице. А он отыгрывался на мне. И мама...

– Что мама? – кивнул детектив.

– А что мама? – отвернулся Алекс, – один раз уснула и не проснулась. А мне было пять лет. И я три дня просидел над ней, уже умершей. А папочка гулял где-то...

Алекс замолчал, потом посмотрел на детектива исподлобья и печально усмехнулся.

– Думаете, что я плохим стал потому что я плохой? В детстве я плакал над умирающими бабочками и без слёз не мог читать грустные стишки...

Алекс замолчал, посмотрел в потолок что-то вспоминая, потом вдруг глянул на детектива.

– Ладно, распустил я нюни! Старина Фред отличный малый! Не трогайте вы его. Он и себе, и людям. А в гараже мне даже лучше. Байк под боком, и соседи не ворчат, и кореша приходят чаще.

– Спасибо, мистер Гудвин, – вздохнул детектив, – не ругайтесь с ним и никому не говорите о нашей встрече.

– Да что я, дурак чтобы ругаться с человеком, который меня со дна вытащил? – усмехнулся Алекс, – без него я бы уже завонялся где-нибудь под забором! Смешные вы, копы! Лучше наручники с меня снимите. Не убью я тут никого.

Детектив кивнул Алексу и нажал на кнопку под столом, глядя куда-то в сторону.

– Мистер Гудвин может быть свободен.

Он снова посмотрел на Алекса.

– На выходе Вам дадут мою визитку. Сообщайте мне, будьте добры, обо всём что делает мистер Фред Гудвин. Я надеюсь на Ваше благоразумие.

Он помолчал.

– И ещё, мистер Гудвин, завязывайте с наркотиками. Они убивают. Медленно...

Детектив встал со стула, собрал бумаги и подойдя к выходу посмотрел на Алекса.

– Сейчас Вас освободят, – сказал он, – прошу Вас, не распространяйтесь о нашей встрече.

Вы меня поняли?

– Да куда уж не понять, – ответил Алекс посмотрев на наручники, – а мне долго ждать?

– Подождите несколько минут, – ответил детектив, – у конвойных за дверями всё равно нет ключа от них, – и вышел.

Батт слышал весь разговор из соседней комнаты, через динамик. Сквозь тонированное стекло, замаскированное пластиком, можно было видеть Алекса в мрачном состоянии духа, сидящего за столом.

Вошёл детектив.

– Слышали, мистер Батт? – кивнул детектив на окно.

– Слышал, – кивнул детективу в ответ Батт, – Фред Гудвин... Фредерик Гудвин. И у него есть сын по имени Сид. То есть – Сидней. И если это тот самый Фредерик Гудвин, и тот самый Сидней Гудвин, то кого же тогда моряки похоронили в Галифаксе, в 1912-м году? Кто же умер в ту ночь на руках у Августы Гудвин?

Он, несколько раз усмехнувшись, кивнул детективу.

– Может всё-таки мы тогда ошиблись? – спросил детектив, – может там действительно похоронен русский мальчик Владимир Панула? Как тогда экспертиза показала, мальчик однозначно был родственником Гудвинов?

– Да ну бросьте, – махнул Батт, – экспертиза показала, что он вероятно родственник правнучатых племянников Августы Гудвин, Таллеров! Но не Гудвинов!

– Русский мальчик, родственник английской женщины? – переспросил детектив.

– Во-первых, он родственник шотландской женщины, – ответил Батт, – а во-вторых, английская семья это ничто иное как обыкновенный миф. Так было нужно, чтобы изгладить лишние национальные и религиозные следы во всей этой грязной истории.

– Грязной? – не понял детектив.

– Да, очень грязной, – ответил Батт, закуривая сигарету дрожащей рукой.

– Вы явно нервничаете, мистер Батт, – спросил у него детектив, – если мне копаться в этом всём грязном белье, то хотелось бы знать больше подробностей о том, какую вонь придётся понюхать.

– Англичане не любят вспоминать некоторые страницы своей истории, – ответил Батт, – Гудвины погибли очень не вовремя. В стране начиналась очередная религиозная возня между католиками и протестантами, сторонниками Билля о гомруле и его противниками. Которая, осмелюсь напомнить, завершилась гражданской войной и потерей Ирландии. И ирландцы напомнили англичанам о смерти своих на «Титанике». Мало кто говорил, что среди погибших в Третьем классе были и протестанты, и русские, и даже мусульмане. Много погибло и евреев. Ирландцы сказали, что англичане убили людей потому, что люди были католиками! Это сказали те, которые от «Титаника» были очень далеки, знали о происходившем в ту ночь не больше чем мы с вами знаем о погоде на Марсе сегодня, но очень хотели стать министрами и заседать в парламенте. А смерть семьи ещё и шотландских католиков, возможно никто и не заметил бы среди шотландцев. Но только если бы это не была семья, которую не пустили на другой паром, на который они брали билеты! И на котором они несомненно доплыли бы до Америки! А не пустили их только по одной причине. По причине того, что они были теми самыми «вто-

росортными подданными Его Величества», то есть католиками, а вовсе не потому что на пароходе не было угля, как потом объясняли в суде. И семье пришлось взять билеты на «Титаник». Но и там с ними поступили просто по-свински. Вот Вам и вся история. Поэтому, англичане и приложили максимум усилий, чтобы никто и никогда не узнал о том, что Гудвины, Сейджи, ещё куча погибших семей, англичанами не были. И сейчас, спроси даже у дальних потомков той семьи, если таковые найдутся, кто были их родственники, Гудвины севшие на «Титаник», они без малейшего сомнения искренне ответят: «Простая английская семья!» Их даже не смутят гэльские имена детей Фредерика и Августы. Американцы просто в этом не разбираются, а британцам сейчас всё равно...

– Политическая целесообразность, другими словами? – спросил детектив внимательно выслушав Батта.

– Я бы не называл это политической целесообразностью, – ответил Батт, – любая политическая целесообразность есть ничто иное, как замечание следов обыкновенных уголовных преступлений. Но каждое преступление имеет не только классификацию, но ещё и конкретные имя и фамилию.

Батт посмотрел на окно, через которое было видно как Алекс безуспешно пытается снять с себя наручники.

– Как Вы думаете, – глянул Батт на детектива, – он доложит о случившемся своему родственнику?

– Естественно, – так же глянул на Алекса детектив, – именно поэтому я дважды попросил его не трепаться о нашем разговоре, – он улыбнулся, – по крайней мере мы будем знать реакцию мистера Гудвина.

– Вы этого называете мистером? – рассмеялся Батт глядя на безуспешные старания Алекса.

Наручники ещё сильнее сжимались, явно причиняя Алексу боль.

Батт не выдержал.

– Освободите Вы уже эту обезьяну! – нажал он на кнопку селектора.

В комнату за окном вошли двое полицейских, сняли с Алекса наручники и вытолкали его в коридор.

– Нет, – усмехнулся детектив, – мистер Гудвин, это упоминаемый им Фред, явно положительный парень воспитывающий сына и живущий с тихой и порядочной женщиной по имени Мэри. А что до Алекса, то вряд ли он дальше может нам быть интересен.

– Его прадедушка оказался порядочным негодяем, – обернулся к детективу Батт, – едва убедился в том что его брат со своей семьёй погиб, как сразу же прибрал к рукам дом в котором сейчас живёт тот самый Фред Гудвин со своим ребёнком и женщиной.

– А что дом? – посмотрел на Батта детектив.

– А дом был куплен Николой Теслой, на деньги Фредерика Гудвина. И обставлен за счёт Николы Теслы, – ответил Батт.

– Самого Николы Теслы? – удивился детектив, – Филадельфийский эксперимент?

– Да, – кивнул Батт, – мистер Гудвин был не так прост как кажется в истории «Титаника». Если бы он остался жив, то Филадельфийский эксперимент был бы успешным. Но только провели бы его не в 1942-м, а например в 1922 году.

Он подумал.

– И я вообще не понимаю, как, и самое главное зачем, эта семья оказалась в Третьем классе. Их место было рядом, по меньшей мере с каютой Эндрюса.

Глава 6

НЬЮ-ЙОРК; НАШИ ДНИ

ОФИС ЭДВАРДА ДЖОНА БАТТА

– Ну как успехи, доктор Карамышев? – встретил Батт Антона встав из-за стола и выйдя навстречу, приглашая его присесть, – чай? Кофе? По вашему выражению лица я вижу, что Вы обнаружили нечто сверхъестественное! Впрочем, как и всегда.

– Ну я бы не называл это сверхъестественным, – ответил присаживаясь Антон.

Он положил на колени дипломат и открыв его, выложил на стол толстую папку с бумагами.

– Что это? – указал взглядом на папку Батт.

– А это, – усмехнулся Антон, – одно адвокатское дело из архива. Точнее, это его копия. Начато оно было 20 апреля 1912 года тут, в Нью-Йорке. И как Вы и предполагали, его инициатором была Непотопляемая Молли Браун.

– Уже интересно, – подвинул стул и присел рядом Батт, – и что же в деле такого, что может нас заинтересовать?

– Да всё! – отставил дипломат и раскрыл папку Антон, – всё от начала до конца! И пожалуйста, начну с самого простого, – заговорил он, выкладывая на стол по порядку копии архивных документов, – я не долго искал дело в архиве. Дольше читал и копировал материалы. На него, на это дело, не обращали внимания потому, что с «Титаником» оно хотя и связано мало-мальски, внимания в нём больше уделяется не крушению лайнера, а имущественным и семейным вопросам. То есть, на протяжении всех этих 106 лет дело даже не интересовало историков и может служить всего скорее учебным материалом для студентов, чем историческими документами для исследования.

Антон вздохнул, подвинул ближе к Батту дело и указал на первый лист.

– И так, 20 апреля 1912 года, на борту парохода «Карпатия» произошёл невероятный по тем временам случай. Как мы знаем, моряки «Карпатии» подняли на борт не только живых, но и несколько погибших пассажиров и матросов. Кроме того, на «Карпатии» умерли шестеро поднятых из воды пассажиров, ввиду сильного переохлаждения и обморожения. По прибытию в Нью-Йорк, больше внимания уделялось выжившим и покойными, лежавшими во льду, в трюме, занялись в последнюю очередь. Как свидетельствует капитан Артур Ростон, матрос Эндрю Купер обнаружил, что один из пассажиров, которого считали умершим, оказался живым. Попросту, свидетельствует уже указанный матрос, он увидел, что у этого пассажира из носа пошла кровь. Это был мальчик лет десяти. Из воды его вытащили не моряки «Карпатии», а шлюпка которой командовал офицер «Титаника» Гарольд Лоу. Ребёнок, тоже по понятным причинам, долгое время находился в лазарете на «Карпатии». На пароход его подняли без сознания и понятно, что его никто не смог зарегистрировать по имени. Это попытались сделать в лазарете, когда он на короткое время пришёл в себя. Но, через несколько минут он снова впал в бессознательное состояние. Судя по всему это был спинальный шок, как сказали бы сейчас. В наши дни его не определишь без специального оборудования, а в 1912 году это было и попросту невозможно сделать. Живых хоронили как умерших, но это другая история.

Антон подумал и продолжил.

– Очевидно парня сильно ударило чем-то, или об что-то, когда «Титаник» пошёл ко дну. В общем, без сознания он пробыл с 15 по 20 апреля 1912 года. Пять дней! Зрелище малоприятное... – подумал он.

– Продолжайте, – заинтересовался Батт, – об этой истории я никогда не слышал, хотя знаю практически все истории с «Титаника», даже обросшие слухами и сплетнями.

– Это не самое интересное, – улыбнулся Антон, – посетителями мальчика, во время его нахождения в лазарете на «Карпатии», были две дамы с одинаковой фамилией. Одна из них, это Маргарет Браун. А вот вторая, как Вы думаете, кто?

– Кто? – кивнул Батт.

– Эмили Браун, мать будущего известного исследователя катастрофы «Титаника», а тогда пассажира Третьего класса, Фрэнка Голдсмита. Достоверно известно, что маленький Фрэнк Голдсмит и маленький Гарольд Гудвин подружились на «Титанике» и были там друзьями «неразлей-вода». Но это, так же совсем другая история. . . Имя мальчика тогда не было установлено по одной единственной причине. Он, даже тогда когда пришёл в себя, не то что не мог ходить, но и даже разговаривал с очень большим трудом, очень невнятно и несвязно. Больше бредил, как свидетельствует врач с «Карпатии».

– Ну, а почему врач не мог уточнить имя у Маргарет Браун, или той же Эмили Браун? – спросил Батт.

– Маргарет Браун вела учёт живых, но не мёртвых, – ответил Антон, – и очевидно, мальчика она попросту не успела записать. А Эмили Браун, смею предположить, спросить никто не догадался. Более семи сотен живых, которым нужна была помощь! Кому было дело до, как все считали, умершего мальчишки, которому вообще повезло что его вытащили из воды?

Антон подумал, перевернул несколько страниц и снова ткнул пальцем в лист бумаги.

– Это же самое наблюдалось в клинике доктора Соломона, куда определили мальчика после его обнаружения матросом Купером, – Антон снова перевернул пару листов и помолчав продолжил, – мальчика арестовала полиция.

– За что? – удивился Батт.

– За незаконное пересечение границы. Но я думаю, дело было гораздо проще. К тому времени мальчик уже назвал своё имя, но... – он помолчал, – объявившийся родственник, родной дядя, вдруг резко не признал своего живого и почти здорового племянника. Ну не признал и не признал! Но он, едва встретившись с мальчиком, сразу же уведомил полицию о том, что кто-то выдаёт себя за его погибшего родственника. Как Вы думаете, кто был дядя этого мальчика?

– Томас Гудвин? – усмехнулся Батт.

– Именно! – воскликнул Антон, – Томас Гудвин, родной брат Фредерика Гудвина!

– Ну теперь-то мы знаем почему это произошло, – кивнул, слегка улыбнувшись, Батт, – мистер Томас Гудвин был человеком среднего достатка, а тут ему подвернулось такое богатое наследство! И вдруг тебе, воскресший племянник!

– Ну копы тоже хороши, – сказал в ответ Антон, – конечно, они понимали, что дело очень деликатное, дядя явно хотел просто избавиться от мальчика и сделать так, чтобы паренёк больше не появлялся. Для этого мальчик должен был, как минимум, исчезнуть. Мальчишку заперли в камере со взрослыми. Понятно, что он должен был там погибнуть, но не по вине дяди, или полицейских, а скажем, виноваты были бы заключённые. Таким образом дядя избавился бы от племянника, а пару-тройку местных уголовников суд отправил бы на электрический стул. И неизвестно что было бы с ним, если бы в дело не вмешалась лично Маргарет Браун. Она успела, я бы сказал, более чем вовремя, устроила серьёзный разнос всему портовому отделению полиции и мальчика не просто освободили, а разместили в одном из лучших номеров отеля. Его дело вёл известный по тем временам адвокат. Один из лучших адвокатов! Оскар Грузенберг!

– Сам Грузенберг? – удивлённо глянул на Антона Батт, – мальчик оказался сыном министра, или может самого Президента США?

– Или бароном, – кивнул в ответ Антон, – дело на этом не заканчивается, мистер Батт. Именно Грузенберг забирает весь багаж семьи Гудвинов, следовавший пароходом «Нью-Йорк» из Саутгемптона. В Нью-Йорке багаж должен был получить Фредерик Джозеф Гудвин, но его забирает Грузенберг и передаёт мальчику. Если бы все Гудвины на «Титанике» погибли, то единственным наследником остался бы Томас Гудвин, родной брат Фредерика Гудвина. Но багаж получил девятилетний клиент Грузенберга, протеже Маргарет Браун. Так что, сомнений не остаётся мистер Батт. Гарольд Виктор Гудвин почти благополучно пережил гибель «Титаника», остался жив и добрался до Нью-Йорка.

– Вот так дела! – воскликнул Батт, – первая хорошая новость о семье Гудвинов за сто шесть лет! Продолжайте?

– То что в лазарете на «Карпатии» находился не безызвестный ребёнок, а Гарольд Гудвин, – продолжил Антон, – подтверждает ещё и то, – перевернул он ещё несколько листов дела, – что Оскар Грузенберг связывался с Эмили Браун в конце апреля 1912 года. Он забрал у неё некий саквояж, который передал своему маленькому клиенту в Нью-Йорке. Это тоже был саквояж принадлежавший семье Гудвинов.

– Грузенберг передал, а точнее сказать – вернул, мальчику все вещи Гудвинов, – кивнул Батт подумав, – какие ещё нужны подтверждения? Мне кажется, что Вы раскрыли ещё одну тайну «Титаника», мистер Карамышев.

– Да, с сыном Эмили Браун, которого мы знаем как Фрэнка Голдсмита, – согласился Антон, – Гарольд дружил, она сама проводывала мальчика на «Карпатии». Так что у них запросто могла оказаться любая вещь принадлежавшая Гарольду или его родителям, которая была Гарольду дорога после гибели всех родных на «Титанике». Это могло быть что угодно. От семейного альбома, до обычной детской игрушки. Трудно сказать, что было в том саквояже.

Батт подумал.

– Среди спасшихся детей «Титаника» остались двое сирот, совсем малыши, Эдмон и Михал Навратилы. Их отец, Мишель, усадил их в шлюпку, а сам остался. И погиб. Но Маргарет Браун занялась не их судьбой, а судьбой именно этого ребёнка. Как Вы думаете, доктор Карамышев, о чём это может говорить?

– Она была с ним знакома и раньше, – ответил Антон.

– Вот и я так думаю, – сказал Батт, – если она даже и не знала его до «Титаника», то он был близким человеком кого-то, кто был её близким другом. Ну, по крайней мере, хорошим знакомым. Иначе, у неё перед этим мальчиком не было бы никаких обязательств. А Виктор фон Готт, как видно из фотографий, с Непотопляемой Молли находился в дружеских отношениях.

Батт вздохнул.

– А что было дальше?

– Дальше? – усмехнулся Антон и перевернув страницу пододвинул дело ближе к Батту, – а дальше он был усыновлён. Его усыновила одна еврейская семья. Но усыновление имело одно условие на которое Гарольд согласился. Причины, как Вы понимаете, были сугубо религиозные, но это было не принятие иудаизма. Из полного имени мальчика должно было исчезнуть его первое имя, как не еврейское и языческое. А именно имя Гарольд... – Антон помолчал изменившись в лице, – его усыновила семья по фамилии фон Готт.

– То есть, – теперь изменился в лице Батт, – после апреля 1912 года, Гарольд Виктор Гудвин уже носил имя Виктор фон Готт... Как же я не догадался! Он вернулся на «Титаник» к самому себе!

– И наверняка он вернулся в прошлое не в апреле 1912 года, а гораздо раньше, – ответил Антон, – либо живёт перемещаясь между началом двух столетий. И трудно сказать, сколько раз он побывал на «Титанике».

– Да уж, – Батт согласился с Антоном, – он прибыл гораздо раньше 1912 года, это несомненно. Ордена Святого Станислава сами себе не цепляли в те времена, да и чин полков-

ника присвоить самому себе было бы невозможно. Полковников в армиях тогда было ох как не много. Я бы, на его месте, в начале завёл необходимые знакомства, добился бы нужного положения, может даже изменил бы ход некоторых событий в нужном для себя направлении, так сказать устранил бы то и тех, кто мне мог бы помешать. И только потом бы, я снова сел на «Титаник». Это понятно, что ему нужно было хорошо подготовиться прежде чем рисковать, изменяя уже собственную судьбу.

– А почему бы ему просто не помочь своей семье, например сесть на тот же «Нью-Йорк»? Или сорвать отцу и матери переезд в Америку? – спросил Антон, – да вариантов много! Что может быть проще, чем похитить самого себя маленького и вернуть домой уже после отплытия «Титаника»?

Батт посмотрел на Антона и покачал головой.

– Вы плохо знаете людей того времени, друг мой! Да и вообще, Вы могли бы причинить боль своей матери? Нет? Вот и я о том же!

Батт подумал.

– На самом деле, мы не знаем что он уже изменил. И он ли это изменил. Может быть то, что мы считаем закономерными, или случайными событиями в нашей истории, как раз и есть изменённая история. И мы не знаем сколько путешественников во времени существует. Мы видим, как минимум, двоих. И мы не знаем что делает тот кто шпионит за фон Готтом. Он может собирать доказательства. А может, пытается мешать барону фон Готту.

Батт встал, подошёл к сейфу и достав фотографии разложил из перед Антоном.

– Что необычного на этих снимках? Да и что вообще можно сказать, кроме того о чём мы уже говорили? – спросил он у Антона.

– На первых изображены все члены семьи кроме Гарольда, – подумал Антон глядя на фотографии, – то есть их снимал сам Гарольд.

– Ну, – пожал плечами Батт, – мальчик увлекался фотографированием. Этим же болеют и современные дети, снимают на свои телефоны всё подряд.

– А на двенадцатой Гарольд снят со стороны, – сказал Антон.

– Да, и он знал что его снимают, – кивнул Батт, – это мог быть кто угодно из близких ему людей, предположим, что кто-то из старших братьев. Вряд ли бы он доверил дорогой фотоаппарат восьмилетнему Фрэнку.

Антон подумал и некоторое время рассматривал фотографии молча.

– Есть мысль, – сказал он.

– Озвучьте? – спросил Батт.

– Человек оставивший нам саквояж и снявший остальные фотографии, прекрасно знал Виктора фон Готта и маленького Гарольда. И он знал кого он снимает.

Антон посмотрел на Батта.

– У меня вопрос, мистер Батт.

– Да? – кивнул Батт в ответ.

– Ну спасти всю свою семью, возможно и было сложно, – сказал Антон, – из того что мы знаем, семья просто не смогла собраться вовремя вместе. Но почему он просто не взял и не посадил себя маленького в шлюпку? Что могло быть бы проще? Зачем ему заставлять себя снова и снова переживать ту страшную ночь?

– Очевидно, пережитое той ночью играет важную роль в его жизни, – ответил Батт, – и это элементарно, доктор Карамышев. Виктор фон Готт, военный, боевой офицер. А Гарольд, забитый недругами мальчик из церковного хора. Понимаете, почему для фон Готта важно, чтобы Гарольд сам пережил ту ночь?

– Нет, – покрутил головой Антон.

– Он знал что мальчику ничего не грозит. Знал, что мальчик выплывет и будет подобран шлюпкой, – Батт помолчал, посмотрев в сторону он подумал и снова глянул на Антона, – он

тогда разучился бояться, мистер Карамышев. Виктор фон Готт родился не в Нью-Йорке. Он родился на тонущем «Титанике».

Батт снова помолчал, встал и прошёлся по кабинету.

– Молли Браун должна была сыграть в его жизни, или сыграла, очень важную роль. Трудно сказать какую, но то что он решил познакомить себя маленького с ней гораздо раньше, чем это произошло на самом деле, это очевидно. Ведь если бы не Молли Браун и Грузенберг, скорее всего Гарольд Гудвин попал бы в сиротский приют, или был бы отправлен назад в Британию, сломленным в той тюремной камере. А может быть, стал бы мальчиком какого-то бродячего уголовника и не вылезал бы из тюрем и каталажек. А может быть и погиб бы, прямо там, в порту, в камере.

Батт снова прошёлся и вернулся на место.

– Нет, мистер Карамышев. Он не один раз возвращался на «Титаник». Виктор фон Готт только начал свою работу и постепенно приближается к своей цели, внося в свою жизнь нужные ему коррективы. Это я так думаю. И ответы мы получим очень скоро.

– Вы тоже что-то нашли? – спросил Антон.

– Да, – кивнул Батт присаживаясь за стол, – в Ниагара-Фоллз живёт некто Фред Гудвин, владелец небольшого магазина и мастерской по ремонту старой электроники. У него есть маленький сын по имени... – посмотрел он на Антона, – угадаете как зовут сына?

– Как? – кивнул Антон.

– Сидней, – ответил Батт, – Сидней Лесли Гудвин...

Глава 7

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ; ХАРЬКОВ; ФЕВРАЛЬ 1912 ГОДА

– Ах, Аристарх Семёнович! – буквально бросилась, готовая обнять старого почтальона, молодая черноволосая женщина. Её можно было сравнить с теми барынями-сударынями, к которым так хотелось обратиться словом «матушка».

– Ах родная Вы наша Амалия Абрамовна, благодетельница наша, матушка, – так и поклонился ей вежливо, слегка улыбнувшись, старый почтальон, – письмо Вам от Ивана Ивановича, из ихней Америки! Едва увидал, так сразу же к Вам заспешил, Амалия Абрамовна!

– Я уже вся в нетерпении узнать, что же пишет наш дорогой Иван Иванович, – трепетно приняла большой конверт Амалия Абрамова и посмотрела на Аристарха Семёновича, – а не желаете ли отобедать с нами, милейший? Нынче зябко на улице, а у нас горячий суп и заморский чай, из Индии, – улыбнулась она ему.

Аристарх Семёнович, слегка растерянно пожал плечами в ответ и снова как бы поклонился.

– Премного благодарен, Амалия Абрамовна. С удовольствием отведаю вашего чая, – проговорил Аристарх Семёнович глядя на неё, – ежели сыновья Ваши не будут против моего присутствия, то и служба моя на сегодня окончена. А коли так, то могу и весточку от супруга Вашего прочесть.

– Ах, Аристарх Семёнович! – радостно воскликнула Амалия Абрамовна, – ну что Вы такое говорите! Мы всегда рады Вам в нашем доме!

Она обернулась и громко позвала горничную.

– Аннушка! Душенька!

Аннушка, совсем ещё молоденькая девушка, вышла из соседней комнаты в гостиную, на ходу поправляя белый передник.

– Слушаю, Амалия Абрамовна, – встала она, сложив руки на переднике.

– Накрывай на стол, Аннушка, – приказала Амалия Абрамовна, будто попросив её, – будем трапезничать и пить чай. Сегодня с нами обедает Аристарх Семёнович. Скажи мальчикам, что папенька прислали письмо из Америки. Пусть немедленно соберутся. После обеда, за чаем, будем читать.

– Как изволите, Амалия Абрамовна, – с заметной радостью на лице кивнула в ответ Аннушка, – где прикажете накрывать? Тут или в столовой?

– Наверное на веранде, – подумала Амалия Абрамовна, – нынче словно весна, солнечно, да и там покойнее.

– Помните нашу вишенку в саду? – улыбнулась она Аристарху Семёновичу, – она уж подросла, а сама так и машет нам веточками в окошко веранды.

– Отчего же не помнить? – кивнул Аристарх Семёнович в ответ, – Иван Иванович её ещё росточком привезли и бережно садили, в память... – он опустил глаза, – в память вашей Эммушки, Царствие ей Небесное, – перекрестился Аристарх Семёнович.

– Такое горе, – смахнула слезу Амалия Абрамовна, – до сих пор не отпускает меня Эммушка. Теперь эта вишенка, такая же хрупкая как и она, растёт где Эммушка так любила играть. Я, бывает, гляжу на вишенку, а она словно Эммушка своими ручками машет, словно зовёт меня к себе...

Два года назад Амалия Абрамовна понесла утрату, от которой до сих пор не могла оправиться. Её любимая девятилетняя дочь утонула. Любимая она была потому, что Амалия Абрамовна хоронила одну за другой всех своих дочерей. По Харькову начали ходить слухи о проклятии лежавшем на семье Панула. Обыватели шептались о том, что все девочки рождённые в этой семье должны непременно умереть в младенческом возрасте.

Первой из дочек Амалии Абрамовны и Ивана Ивановича, умерла Юлия. Первенец в этом семье, не прожив на свете и двух месяцев. Второй покинула этот мир Лидочка, едва дотянув до полугода. Поэтому, Амалия Абрамовна как могла берегла Эммушку. И когда девочке исполнилось шесть лет, Амалия Абрамовна облегчённо вздохнула. Младенческий возраст был пережит. Она расцвела, баловала свою дочурку и не чаяла в ней души, наряжала в лучшие платья и наряды, но всё равно, лишний раз не выпускала со двора. Но, в позапрошлый апрель, десятилетней девочке лёд на Лопани казался крепким и прочным, а до реки было рукой подать. Амалия Абрамовна отвлеклась буквально на минуту, когда Эммушка, не спросив разрешения вышла со двора и пошла прогуляться по красивому бережку, откуда открывался не менее красивый вид на недавно возведённый на том берегу Благовещенский Собор... И хотя девочку, едва заслышав крики бросились спасать и стоявший на мосту городской, и проходившие мимо студенты, тела Эммушки так и не нашли...

Амалия Абрамовна, поначалу целыми днями ходила вдоль берега, ожидая что нет-нет да отдаст широкая Лопань доченьку, чтобы похоронить девочку по православному обычаю, в свадебной фате, с иереем и панихидой. Но, когда она поняла что Лопань ни за что не отдаст девочку, всё чаще и чаще стали видеть её в церкви, в той что на Москалёвке, именуемой Гольберговской. Там Амалия Абрамовна молила об упокоении дочери и всех утопленных водами детей. Каждый раз её синодник, подаваемый к панихиде, был всё больше и больше...

Чтобы забылось горе и супруга больше не видела того места где погибла их дочка, Иван Иванович, купец местной гильдии, не менее убивавшийся по Эммушке, но больше заботившийся о всё же живых и здоровых сыновьях, увёз всю семью в Америку. Там он недавно открыл дело обещающее быть успешным. Шил саквояжи, чемоданы, сапоги и кожаные плащи. Но, Амалия Абрамовна, в один день собрала вещи, сыновей и вернулась обратно в свой родной Харьков.

Тут ей отдавали честь городовые, вежливо здоровались барышни, а мужчины перед ней снимали шляпы. Местные обыватели, в разговоре нет-нет да поминали добрым словом её трагически погибшую дочку. А Иван Иванович остался один, аж в Мичигане...

– Чужое всё там, – вздохнула Амалия Абрамовна, дослушав письмо мужа до конца, – но что делать? Жена должна быть за мужем, а сыновья при отце.

Она поставила на стол чашку и посмотрела на детей.

Старшему, Эрасту, уже было шестнадцать. Младший, Володенька, как две капли воды похожий на погибшую сестричку, ещё игрался погремушками в коляске, которую качала Аннушка. У коляски вертелся его старший брат, Юра, чёрненький и кудрявый как и мама. Ему недавно исполнилось четыре года. А ученик третьего класса гимназии, Яков, и семилетний Ваня, за столом дразнили друг друга и отбирали друг у друга конфеты и пряники, правда тихонько, вроде как культурно и совсем не слышно, чтобы не мешать разговору взрослых.

Наконец, Эраст не выдержал.

– А ну прекратите дразниться! – сделал он замечание младшим братьям.

Те, моментально сели ровно и улыбаясь переглядывались друг с другом.

– Ну, – вздохнул Аристарх Семёнович, – стало быть снова покидаете нас, Амалия Абрамовна?

– Я не знаю, – посмотрела куда-то в сторону Амалия Абрамовна в ответ и покрутив головой опустила глаза, – прошлый раз я даже до Светлого Христова Воскресения там не выдержала. Так и теперь на Светлый Праздник в Америку уезжать надо. Вот встретим там Христова

Воскресение всей семьёй, да думаю, что назад и приеду. Так и буду тут, рядом с могилками своих доченок.

– Хороните Вы себя, маменька, – вмешался в разговор Эраст, – батюшка говорит, что там он заработал достаточно денег чтобы купить дом за городом, с огромным садом, и подальше от воды.

– Эрастушка! – встрепелась Амалия Абрамовна, – а как же твои экзамены в юнкерское училище? Вы же с Мишенькой Подольским должны вместе поступать в этом году! Что мы скажем его батюшке, что ты решил не поступать? Он же хлопотал за тебя перед самым полковником Фиалковским, в Чугуеве!

Эраст набрал в грудь воздуха и выдохнул.

– Маменька! Не ищите повода не ехать! Мишенька, – он криво улыбнулся, – и без меня может готовится к поступлению! А английский язык я лучше в Америке подтяну и прибуду ровно к экзаменам!

– Ладно, – махнула рукой Амалия Абрамовна и приложила ладонь ко рту. Она действительно искала повод отложить поездку, а по возможности не ехать совсем.

– Да Вы плачете, маменька! – чуть не вскричал Яша. Он уже был готов броситься к маме, чтобы всеми силами начать утешать её, но тут в дверях зазвонил колокольчик.

– Аннушка, поди посмотри кто там? – в миг пришла в себя, словно опомнившись, Амалия Абрамовна.

– Сию минуту, матушка, – встала Аннушка и улыбнувшись направилась в гостиную.

– Хорошая такая барышня, – улыбнулся Аристарх Семёнович, – и воспитанная, и улыбчивая, и хозяйственная!

– Да, верно, – кивнула в ответ Амалия Абрамовна, – с десяти лет у нас служит, с тех пор как её бабушка представилась. Раньше она вместе с ней при кухне была, а сейчас весь наш дом на себя взяла. Такая умница. Везде поспевает. И убратся, и приготовить, и Юрочку с Ванечкой нянчит, как своих родных. Как будто ещё одна дочка, Аристарх Семёнович! – улыбнулась почтальону Амалия Абрамовна, – не нарадуюсь я на неё, милую. И о кавалерах даже не задумывается!

Она посмотрела на Эраста.

Тот отвернулся.

– К вам барон Виктор Иосифович фон Готт пожаловали, – вернулась Аннушка.

За ней следом шёл высокий военный в долгополой шинели, держа в руке саквояж.

– Барон, – поднялась с места Амалия Абрамовна и подошла к Виктору, – Вы ровно к чаю, как и всегда!

– Амалия Абрамовна, – поцеловал ей руку Виктор, – вот, с саквояжем вашим и не расстаюсь, – улыбнулся он.

– Да, Иван Иванович их в нашем цеху, в Америке шьёт, а кожу из Техаса заказывает, ответила Амалия Абрамовна и обернулась к Аннушке, – милая, поставь ещё один прибор для полковника фон Готта.

Она снова посмотрела на Виктора.

– А Вы, Виктор Иосифович, собираетесь куда?

Виктор скинул шинель, лихо повесил её на стоявшую в дверях вешалку и поставил саквояж тут же у порога.

– Да вот, еду в Америку на полгода, – вздохнул, словно сожалея, Виктор.

– Правда? И мы тоже уезжаем, – удивилась Амалия Абрамовна, – да Вы присаживайтесь рядом со мной! – улыбнулась она Виктору приглашая за стол.

Виктор поздоровался с Аристархом Семёновичем и присел рядом с Амалией Абрамовной.

– В Нью-Йорк, – продолжал Виктор, – а оттуда на новую военную базу, под Вашингтоном. Как же её? вроде Марипоза... – подумал он будто вспоминая и махнул рукой, – собственно, это не важно. Буду убеждать американцев поставлять нашей армии новые корабельные орудия.

Аннушка подала Виктору чай.

Амалия Абрамовна улыбнулась.

– Вы прям как член нашей семьи. И Вы тоже в Америку, – усмехнулась она грустно.

– И вы в Америку? – переспросил её Виктор, – позвольте поинтересоваться, а когда вы планируете выезжать?

– Да пожалуй, – подумала Амалия Абрамовна, – оставим дом и магазин на Аристарха Семёновича и его супругу, а сами поедem ближайшими днями. Наверное через Финляндию.

– Отчего через Финляндию? – спросил Виктор, – с Одессы будет ближе, и быстрее.

– Ох, – махнула Амалия Абрамовна, – оно и ближе, и быстрее, но сейчас думаю, что надобно заехать поправить могилки папеньки и маменьки. А оттуда уже на Англию. Из Англии уж точно пароходом до Америки доберёмся.

Она посмотрела на Виктора.

– А из Одессы, уж очень не хочется через турок плыть, – усмехнулась она, – бусурмане они и есть бусурмане.

– Да, турок многие страшатся после последней войны с ними, – согласился с ней Аристарх Семёнович, – Амалия Абрамовна видная дама, красивая, похожа на армянскую женщину. Как бы не приняли турки её за армянку. Очень не любят они армян. Так что лучше через англичан. Как-никак, культурные люди!

– Ура! Мы поплывём на пароходе! – радостно запрыгал на стуле Ваня, а Яша пытался его усадить на место, что у него плохо получалось.

– Глупый! Мы в начале на паровозе поедem! – перекрикивал Яша брата.

– Тогда на паровозе! – громко объявил Ваня и хотел было пнуть Яшу, но строгий взгляд Амалии Абрамовны остановил его.

– А Вы знаете, – посмотрел Аристарх Семёнович на Амалию Абрамовну, – я слышал, что сёстры Юсля и их брат Еремей, это который пишется Эриком, тоже собираются в Америку! Но вот только не знаю когда. Вроде бы уже скоро.

– Вот как? – удивилась Амалия Абрамовна глянув на Аристарха Семёновича в ответ, – Вы слышали, барон? – посмотрела она на Виктора, – Юсли едут в Америку! После смерти ихней матушки, эти дети совсем отбились от рук, – вздохнула она, – читают эту возмутительную современную литературу, украсили дом этими непонятными рисунками какого-то Пикассо и вообще, как Вы думаете? Что им нужно там? Там же такая безбожная страна!

– Сдаётся мне, – проговорил Аристарх Семёнович, – не протянут они в Америке одни. Это тут, в России, в Харькове, за ними каждая из местных барышень мамка да нянька. Как матушки не стало, то из сочувствия нет-нет, да подаст им копейку старая графиня Квитка, иль уму-разуму поучит, иль пожурит да пристыдит. А там... – он подумал, – Эрик он такой парнишка, хваткий. Но хваткий-то он хваткий, да наивный больше. Хвастался он мне новым своим увлечением, синематографом. И грозился открыть на Сумской, прямо рядом с Оперой, зал для своего синема.

– Святой Боже! – возмущённо перекрестилась Амалия Абрамовна, – это явные признаки конца света надвигающегося! Понапридумывали, тоже мне, всяких синематографов, картинок бегающих! Чего он хочет, этот возмутительный Ерёма?

– Понятно что, – пожал плечами Виктор, – синематограф открыть. Но это очень дорого стоит, – добавил он.

– А зачем ему грешная Америка? – удивилась Амалия Абрамовна.

– Наверное он хочет увидеться с Арно и убедить его сделать вложения в своё дело, – спокойно ответил Виктор.

– Это ещё кто? – снова удивлённо, спросила Амалия Абрамовна.

– Маменька! – больше возмущённо, чем недоумевающе, вскричал Эраст, – ну нельзя же быть такой несовременной! Этьен Арно это великий мастер синематографа! «Легенда Сонной Лощины» это его творение, которым восхитились тысячи людей! И вообще, синематограф во много раз занимательнее оперы и интереснее спектаклей в театре на Екатеринославской! Уверю Вас!

– Ох, – схватила за сердце Амалия Абрамовна, – и мой сын туда же! Ни к чему хорошему этот синематограф не приведёт. Вот увидите!

– Мы с Аристархом Семёновичем совершенно согласны с Вами, Амалия Абрамовна, – кивнул с серьёзным выражением лица Виктор и перемигнулся с Эрастом...

Глава 8

Эрик Юсля, в простонародье Ерёма, молодой человек с самонадеянным видом и наивными глазами, уверенной походкой двигался по Сумской в сторону Ботанического Сада, на ходу куря папиросу как простой бродяга.

Задумавшись и замечтавшись, он настолько начал этой папиросой размахивать, что чуть было не прожёл платье какой-то мадам следовавшей ему навстречу.

– Ну! Ну! – громко закричала она на Эрика, замахала руками и Эрик даже растерялся.

– Простите, простите, – пробормотал он раскланиваясь и не обращая внимания на её крики, и только прибавил шаг.

Позади ещё слышалась интеллигентная брань, которая вскоре стихла.

Эрик, глядя себе под ноги, думая теперь только о том чтобы мадам не пустилась за ним в погоню прихватив какого-нибудь купчишку-лавочника, или не дай Бог городского, спешно спрятался в толпе.

Сумская всегда была живой и шумной. Настоящие харьковчане предпочитали левую её сторону, ту самую где была знаменитая «стометровка». Тут толкались, шумели, ругались, спорили и мешали друг другу, но на обратную сторону переходить никто не спешил. Правая сторона всегда была пустая и тихая. Почему? Очевидно, дело было в том, что «стометровка» пряталась в тени и именно по этой причине местные купцы расположили тут свои лавки. Потом, когда-то, на этой стороне высадили тот самый Ботанический Сад. А ещё погода, построили прекрасное здание театра...

Выйдя на «стометровку», Эрик перешёл на правую сторону, остановился и поискал глазами знакомых.

– Божидар! – окликнул он худого гимназиста с грустным лицом, – Божидар!

Божидар нехотя обернулся, махнул Эрику рукой, перебежал дорогу и подошёл к нему.

– Здорово, Богдан! – по своейски хлопнул его по плечу Эрик, – а ты тут что?

– Эм... – подумал Божидар, – у нас тут встреча, возле Жён Мироносиц. Не желаешь поучаствовать?

Эрик, оценил шумевшую неподалёку от монастырской церкви Жён Мироносиц, компанию молодых, и не очень молодых, людей. Всего, их было человек десять. Молодёжь не-то ругалась, не-то спорила, не-то собиралась на митинг.

– Я вижу почтенная публика? – кивнул на кампанию, Божидару, Эрик, – ваш футуристический литературный кружок?

Божидар, махом руки поправил свисавший на глаза чуб.

– Сегодня мы встречаем великого поэта! – огласил он торжественно.

– Какого поэта? – Эрик не мог понять намёков и мыслей Божидара.

– Владимира Маяковского! – с видом конферансье объявил Божидар.

– Это тот самый футурист? – удивился Эрик и решил подойти ближе к толпе.

– Господа! – крикнул Божидар едва они приблизились, – господа! Разрешите представить вам всем моего друга! Эрик Юсля! Будущий мастер харьковского синемаатографа и король нашего театра!

– Ура!!! – зашумела толпа приветствуя Эрика, махая руками, шляпами и кепками.

– Очень рад, здравствуйте, – растерянно улыбаясь поздоровался со всеми сразу Эрик.

Навстречу ему, вышел высокий, широкоплечий молодой человек с выразительными глазами.

– Я верю, что за синемаатографом большое будущее, – гораздо скромнее кампании улыбнулся он, просто протянув Эрику руку, – Владимир Маяковский это я. Не желаете принять участие в нашем собрании?

– Я здесь именно для этого, – улыбнулся Эрик и пожал руку Маяковскому, – а зачем тут, на улице? Идёмте ко мне домой? Я с сёстрами живу неподалёку, на Чернышевской. У нас есть чай, самогон, красное вино и три ведра замаринованного шашлыка. А в саду превосходная беседка! И самое главное, мои сёстры обожают Ваши стихи, Владимир. Вы не представляете насколько они будут рады увидеть Вас! Особенно впечатляет «Ночь», из «Пощёчина общественному вкусу»!

Он немного помолчал, будто собираясь мыслями.

– «Багровый и белый отброшен и скомкан,

В зелёный бросали горстями дукаты,

А чёрным ладоням сбежавшихся окон

Раздали горящие жёлтые карты...»

– Бульварам и площади было не странно увидеть на зданиях синие тоги. И раньше бегущим, как жёлтые раны, огни обручали браслетами ноги, – продолжил Маяковский, рассмеялся и по дружески обнял Эрика, – так вы наши люди? А ведите! – махнул он усмехнувшись, – обещаю, что всё будет прилично!

Он посмотрел на друзей.

– Господа! Следуем в гости к господину Эрику! И чтоб собрание не превращали в пьянку! – пригрозил он пальцем, улыбнувшись, – смотрите мне, поэты!

Все зашумели, и с этим радостным шумом на всю улицу, громко обсуждая всё на свете, двинулись вслед за Эриком и Маяковским вверх по Сумской...

– Катя, Катя! – вбежала в библиотеку Маша Юсля и заставила Катю испуганно отбросить книгу, – Эрик ведёт кучу гостей! – взволнованно проговорила Маша.

Катя вскочила со стула и только растерянно посмотрела на сестру.

– Каких гостей? Какие могут быть гости? – удивлённо ответила она сестре и не дожидаясь ответа со всех ног бросилась к парадной, чтобы остановить брата и выгнать всех его друзей вон.

Но, едва добежав до прихожей она остановилась. Эрик уже вошёл. Рядом с ним стоял высокий молодой человек с характерным лицом.

– Вы? – не смогла найти слов Катя, – но... этого не может быть... Владимир Маяковский?

– Здравствуйте, барышня, – улыбнулся Маяковский и подал руку Кате.

Та протянула руку ему.

Маяковский бережно взял Катю за руку и поцеловал её.

– Не хотело Вам докучать, но Ваш брат очень настаивал.

– Я так рада... – совсем растерялась Катя, – я не ожидала увидеть Вас воочию, Владимир, и прошу простить мою растерянность.

В прихожей показалась Маша. Она уже поняла, что эти гости останутся тут надолго.

– Вы так и будете стоять в дверях? – прервала Маша знакомство, – я думаю, что в саду будет всем удобней. У нас знаете какая большая беседка?

– Да, уже слышаны! – смеясь ответил ей Маяковский, – ну так мы не с пустыми руками. По дороге кое-что прикупили в лавке у мясника и в пекарне у кондитера. Так что не особо объединим Вас.

– Прошу всех в дом и в сад! – обрадовалась Маша.

Катя взволнованно моргала глядя на Маяковского.

– Вы проходите, – проговорила она и Маяковский, слегка улыбнувшись, подал ей руку...

Уже был вечер. Кто-то, наигрывая на гитаре, тихо пел романс. Катя даже заслушалась...

– «Белой акации гроздь душистые

Вновь аромата полны,

Вновь разливается трель соловьиная

В тихом сиянии яркой луны...»

Маяковский был не такой, каким она его себе представляла. Он оказался лучше. Он был мягкий, весёлый, добрый и обходительный. Он словно берёт Катю, стараясь везде оказаться раньше и сделать всё, чтобы Кате понравиться.

Сейчас она рассмотрела его ближе. Большие глаза были не глазами злого гения, а добрыми глазами волшебника. Не было никаких здоровенных кулачищ кузнеца. Были руки, тонкие, изящные пальцы пианиста, в которых он ловко удерживал чёрную трость с серебряной шишкой.

Когда Катя Маяковского впервые увидела, она ожидала услышать громогласный бас, но... прозвучал мягкий и нежный голос. Его голос сейчас казался Кате самым-самым тихим и спокойным. Да он таким и был.

– Вы скучаете, – прервал её размышления Маяковский.

– Нет, – улыбнулась Катя, – слушаю как поют. И даже не знаю кто это.

Она усмехнулась посмотрев на Маяковского.

– Начинаящий певец, – ответил Маяковский, – приехал со мной из Киева. Саша Вертинский. Он уже выступал на одном вечере, вместе Шаляпиным. Но успеха, рядом с маэстро, не имел.

– Боже, тут такие люди, а я и не слышала о них! – рассмеялась Катя.

– Никто не знает судьбы другого, не говоря уже про себя, – улыбнувшись, кивнул Маяковский Кате, – я слышал вы собираетесь в Америку?

– Уже совсем скоро. На следующей неделе будем выезжать, – ответила Катя.

– В начале, как я понимаю, поедете железной дорогой? – спросил Маяковский.

– Да, билеты уже взяты, – кивнула Катя.

– Всенепременно приду Вас провожать, – ответил Маяковский, – и обязательно принесу Вам самый лучший букет. Какие Вы любите цветы?

– Розы, – улыбнулась ему Катя, – но зачем же букет?

– Чтобы скрасить Вам тоску в пути, – улыбнулся Маяковский.

Он подумал.

– А что в Америке?

– Мы не надолго, – сказала Катя, – может на год. Эрик хочет убедить одного человека поддержать его дело. Он ведь занимается синемаграфом и уже давал сеансы. Но мечтает про большой зал и широкий экран. А наши харьковские мещане его не понимают и считают, что маленького сарая в переулке достаточно. Вот он и решил, что Арно обязательно поможет ему с деньгами.

– Арно, скорее поможет Эрику создать собственную студию, – подумал Маяковский, – хотя он не бедный человек и я бы сказал, в некотором роде фанатик. Эрик не говорил о своих проблемах.

– Это он от скромности, – улыбнулась Катя, – он стыдится своих собственных идей и считает, что в России его не поймут.

– В этом он прав, – кивнул Маяковский, – для того чтобы тут начался прогресс, нужна, наверное революция в головах у людей.

Он посмотрел на Катю.

– Я видимо кажусь Вам вульгарным?

– Ну что Вы, – улыбнулась Катя, – продолжайте. Я слушаю Вас с большим интересом.

Маяковский подумал.

– Я не говорю про революцию, о которой постоянно рассказывают эсэры, или коммунисты. Я о другой революции. Я о том, что люди должны по иному посмотреть на свою обыденность. Синемаграф, скоростные пароходы, быстрые автомобили и поезда, аэропланы,

должны стать обыденностью. А что у нас обыденность сейчас? Нищие на паперти, мальчишки продающие сигареты, сплетницы и склочники, еврейские погромы и увешанные иконами бородатые мужики, при этом пьяные и не умеющие читать и писать. И дети, умирающие от болезней о которых в Европе давно забыли.

Он вздохнул.

– А вот когда наших людей не будут удивлять аэропланы, когда грязь станет не чем-то привычным, а возмутительным явлением, тогда нам будет место в этой стране... в нашей любимой, родной до боли, России.

– Так будет? Как Вы думаете? – спросила тихо Катя.

– Будет... обязательно будет, – подумал Маяковский.

Глава 9

РОССИЯ; ХАРЬКОВ; МАРТ 1912 ГОДА

Харьковский вокзал, который местные называли «железкой», по народному названию железной дороги, был нечто среднее между муравейником, клоповником где постоянно возились нищие, и дорогим залом для торжеств. В этот зал пускали всех кого не лень. Там постоянно было шумно и тесно, и сквозь толпу было порой не пробиться. Это были пассажиры, спешившие, или вовсе не спешившие на паровозы.

Паровозы эти пыхтели, свистели, гудели и увозили этих пассажиров на север, юг, восток и запад.

Тут можно было встретить русских лапотников, малороссийских шароварников, иудейских хасидов, чопорных франтов, солдат, жандармов, офицеров, юнкеров, кисейных барышень и мамочек в окружении дюжины детишек. И постоянный шум и гам, от которого очень скоро раскалывалась голова и мозги переставали думать.

Катя молча наблюдала за тем, как мадам Панула пересчитывала своих сыновей, о чём-то долго рассуждая с Аннушкой. Потом, Амалия Абрамовна посмотрела на Катю, молча ей кивнула и приказала детям грузиться в вагон. Грузчик, тут же затаскивал один за одним саквояжи и узлы, над которыми, явно нервничая стояла мадам Панула.

– Милые соседи? – услышала Катя знакомый голос, обернулась и прямо перед глазами увидела огромный букет роз.

– Владимир? – удивилась она, – Вы пришли меня провожать и принесли... мои любимые розы!

– Я же обещал? – протянул ей розы Маяковский.

– Я так польщена, – покраснела Катя.

– Надеюсь, что через год, тут же, на этом же перроне я Вас встречу, – сказал Маяковский.

– Владимир, очень рад! – показался из вагона Эрик.

– Взаимно, Эрик! – махнул ему Маяковский, – надеюсь, что твоя поездка в Америку принесёт нам всем много пользы!

– Я тоже на это надеюсь, – ответил Эрик, – мечтаю всех вас увидеть в своём синематографе. Это будет революция, Владимир! Вот увидишь!

– Тише, тише, – рассмеялся Маяковский, – не надо такие слова кричать подле жандармов!

– Ой, да ладно, – махнул Эрик, – они все мои будущие зрители!

Он посмотрел на то, как Амалия Абрамовна наконец-то погрузила пожитки в вагон и бросила взгляд на перрон.

– Бедная мадам Панула! – усмехнулся Эрик, – ей придётся терпеть нас в соседнем вагоне, аж до самого Гельсингфорса!

– Да, – так же улыбнувшись, кивнула в ответ Катя, – но её старший сын, Эраст, будет очень рад твоей компании.

Она глянула на Маяковского.

– Мадам Панула, на самом деле очень несчастна. Ей можно посочувствовать, но она сама этого не хочет.

– Почему? – не понял Маяковский.

– Человек упивается своим горем и заставляет других постоянно вспоминать о нём, – ответила Катя, – она как канарейка, просто заливается своим грустным пением и ничего вокруг не замечает. Часто не видит даже того, что для её же детей, есть более важные вещи.

– Канарейкин быт... – усмехнулся Маяковский, посмотрев на Амалию Абрамовну, – мне её даже жаль.

– Такие люди губят и себя и других, – проговорила Катя, так же глянув на Амалию Абрамовну, – мне жаль её деток.

– Понимаю Вас, – кивнул Маяковский, – Вы добрая и чуткая.

Катя посмотрела на него.

– Вы заставляете меня в Вас влюбиться, – улынулась она, – и я очень расстроюсь если Вы меня не встретите через год.

– Я тоже, – ответил Маяковский.

Паровоз дал гудок.

Катя зашла в вагон и повернулась к Маяковскому, с улыбкой посмотрев на него.

– Я буду ждать Вас! – махнул Кате рукой Маяковский.

Поезд тронулся...

– Через год! Тут же! Слышите? – прокричала Катя.

Маяковский в начале шёл за вагоном, что-то говоря, крича, глядя на Катю. Потом побежал и остановился только тогда когда закончился перрон.

Катя становилась всё меньше и меньше. Потом он уже не мог разобрать её лица. Потом она растворилась в поезде и он стал маленьким, словно игрушечным и исчез совсем...

Маяковский опустил глаза и почувствовал, что ему хочется плакать...

– Дурак... – проговорил он, – зачем ты отпустил её... Она могла бы уехать с тобой в Москву...

Глава 10

АНГЛИЯ; ФУЛЕМ; МАРТ 1912 ГОДА

Прикурив папиросу, Фредерик присел на табурет возле поломанного автомобиля, который пригнали ему в мастерскую с утра и деловым взглядом оценил его.

– Эннис! – позвал Фредерик своего помощника и посмотрел на то, как тот копается в углу в ящике с инструментами.

– Да, мистер Гудвин? – обернулся Эннис, не подходя к Фредерику.

– Сдаётся мне, что нам легче собрать новую машину, чем починить эту колымагу, – сказал спокойно Фредерик, – на ней живого места нет. Хозяин участвовал в гонках?

– Да, мистер Гудвин, – с улыбкой на лице, подошёл к машине Эннис и похлопал по крышке мотора, – он принимает участие в состязаниях не только ради морального удовлетворения!

– Чем не жокеи, – усмехнулся Фредерик глянув в сторону и снова посмотрел на Энниса, – возьми деньги, пойди в лавку к Брендисам, купи табака. А на обратном пути зайди в бакалею к Винни Симмс. У нас закончился керосин.

– Сию минуту, мистер Гудвин, – с той же улыбкой на лице ответил Эннис.

Он подошёл к металлическому шкафу с одеждой, снял рабочую куртку и набросив на себя серое, потёртое пальто, у выхода махнул Фредерику и скрылся в дверях.

– Иди уже, – махнул ему в ответ Фредерик, встал, открыл крышку мотора и полез под капот.

Он уже слишком увлёкся работой и не услышал как ворота приоткрылись и в мастерскую кто-то зашёл. Фредерик, понял что находится тут не один, только тогда когда рядом с его рабочим столом увидел чьи-то башмаки.

– Я слушаю Вас, сэр, – вылез из под машины Фредерик и увидел стоящего к нему спиной человека в клетчатой кепке и тёплой, серой короткой куртке наброшенной на плечи.

Человек рассматривал его бумаги и включённый в сеть прибор.

Он обернулся к Фредерику и улыбнулся ему.

Человек был очень молод, явно аккуратен, но чувствовал в мастерской себя даже уверенно. Его совершенно не беспокоили грязь и мазут. Он сам пододвинул к себе табуретку и присел, глядя на Фредерика.

– Здравствуйте, – кивнул человек, уже сидя у стола.

Он произнёс приветствие с явно иностранным акцентом, – простите моё любопытство, но очень не хотел вам мешать. Я так понимаю, Вы были очень заняты. Да и к чему было говорить Вам под руку, когда над Вами висело несколько сот фунтов стали.

Он улыбнулся.

Фредерик глянул на открытую крышку своего прибора.

Лампочка светилась и вращалась.

– Ой, простите, – словно извинился перед посетителем Фредерик, – забыл отключить лампу. Надеюсь она не очень раздражала Вам глаза?

Он подошёл к столу и выдернув вилку из розетки электросети, закрыл крышку прибора.

– С кем имею честь? – посмотрел на молодого человека Фредерик, но тут же поправился, – хотя, я думаю, что это был неуместный вопрос, – он снова глянул на посетителя, – я Вас слушаю, сэр.

Тот продолжал улыбаться.

– Я простой немецкий фермер, – ответил молодой человек, – и вовсе не сэр и не фон. Так что можете чувствовать себя на одном уровне со мной, – он наконец убрал улыбку с лица, – мне рекомендовали Вас как хорошего электрика и человека неплохо разбирающегося в механике. Дело в том, что я прибыл в Англию по заданию своего отца. У вас я купил кое-какие машины, для его хозяйства под Мюнхеном. Но имею сомнения в том, что они действительно в рабочем состоянии, настолько мощны и могут работать двадцать четыре часа в сутки, как о них рассказывали журналисты.

Молодой человек подумал и посмотрел на Фредерика.

– Если я не ошибаюсь, Вас зовут Фридрих Гудвин?

– Фредерик, – поправил его Фредерик, – а где Ваши машины? – кивнул он человеку.

– Я подумал, что доставлять их сюда нет смысла и хлопотно, – пожал плечами молодой человек, – лучше я оплачу Вам Ваш проезд в Саутгемптон и обратно, в порт, в любое время когда Вам будет удобно. Ну, за Вашу работу, тож неплохо заплачу, разумеется.

Фредерик глянул на машину, на двери, и снова посмотрел на посетителя.

– Не думаю, что Вы много потратите на меня, – усмехнулся Фредерик, – осмотр машины это не ремонт. Сейчас должен вернуться мой помощник и мы можем выдвигаться в Саутгемптон, мистер... – он кивнул человеку.

– Олендорф, – улыбнулся молодой человек, – моё имя Отто Олендорф.

– Не думаю, что очень разорю Вас, мистер Олендорф, – ответил Фредерик.

Эннис пришёл меньше чем через четверть часа.

– Эннис, – махнул ему Фредерик, едва тот только вошёл, – разберись с колымагой, а я еду в Саутгемптон и на обратном пути заеду в Лондон. Так что обязательно сообщи миссис Августе, чтобы не ждала меня вечером. Буду поздно.

– Как скажите, мистер Гудвин, – ответил ему Эннис.

Фредерик посмотрел на Олендорфа.

– Ну что? Я собираюсь и можем выдвигаться, – сказал он, – как я понимаю, Вы на своём транспорте, мистер Олендорф?

– Экипаж ждёт неподалёку, – встал Олендорф, – не буду мешать Вам собираться, мистер Гудвин. И кстати, этим же экипажем Вы можете прибыть обратно. Он отвезёт Вас туда, куда Вам будет нужно в Лондоне, и привезёт домой.

– Вот как? – улыбнулся Фредерик, – надеюсь извозчик знает где находится Ковент-Гарден?

– Театр? – удивился Олендорф, – мой отец всегда говорил, что нельзя доверять глазам! И не послушав его, наверное я выглядел очень глупо рядом с Вами, сэр... – улыбнулся в ответ он...

...САУТГЕМПТОН; ПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ, НОЧЬЮ...

...Поздно ночью в порту Саутгемптона началась погрузка.

Пароход под германским флагом был небольшой, даже незаметный на фоне больших кораблей. На носу немецкого парохода стоял кран и пожалуй только это выделяло его на пирсе, среди других пароходов.

Гудела лебёдка. Кран с лёгкостью поднимал вверх и забрасывал на палубу огромные белые деревянные ящики. Эти самые ящики, только ещё стоящие на платформах с колёсами, один за одним, пытая, из ангара выволакивала небольшая машина, больше напоминающая паровоз.

Под конец, рабочие подцепили тросами саму машину и она взмыла вверх поднятая краном, который аккуратно поставил на палубу и её саму.

Олендорф стоял у трапа и равнодушно наблюдал за погрузкой.

– Что говорят про погоду? – кивнул он спустившемуся к нему пожилому немцу.

– До Киля дойдём без потерь, Отто, – ответил немец, – можете не переживать за деньги потраченные Вашим отцом.

– Я не переживаю за деньги отца, – ответил Олендорф, – мистер Гудвин осмотрел каждую машину, и дал гарантии того что всё будет работать. Конечно не двадцать четыре часа, но полный рабочий день.

– И сколько же рабочих ваша семья планирует уволить? – посмотрел немец вверх, где кран расставлял по палубе ящики с машинами.

– Тридцать восемь человек, – спокойно ответил Олендорф, – но бухгалтера увольнение не коснётся, я вас уверяю, герр Краузе.

Он с улыбкой на лице посмотрел на пожилого немца.

– Премного благодарен, герр Отто, – ответил пожилой немец, – Вы настолько доверяете выводам случайного электрика из пригорода Лондона, что я начинаю переживать о поспешности Вашего решения об увольнении рабочих. Наблюдая за Вашей реакцией на присутствие мистера Гудвина, я понял так, что Вы и сами не слишком ему доверяете как электрику? Может не стоит проводить поспешной революции на ферме?

– Я ему полностью доверяю, – ответил Олендорф, – хотя и не как электрику. Но его выводам я доверяю полностью. В выводах любого другого электрика я бы усомнился и послушал бы сейчас Вас, герр Краузе.

– Хотите пригласить его работать на ферму? – спросил немец, – я могу остаться в Британии и поговорить с ним.

– Не думаю, что он польстится на Ваше предложение, – ответил Олендорф и сунул пожилому немцу смятый, но расправленный и сложенный вчетверо лист бумаги, – посмотрите, что я вытащил у него из мусорной корзины, пока он копался у себя в мастерской и не замечал меня.

– Что это? – развернул лист пожилой немец, – формулы? Привезённый Вами электрик... – посмотрел пожилой немец на Олендорфа.

– Физик, причём довольно грамотный и занимается очень интересным исследованием. И насколько я понял, это исследование он завершил успешно.

– Почему Вы так думаете, герр Отто? – глянул на него пожилой немец.

– Я прочёл его записи и видел собранным им прибор, – ответил Олендорф, – моего университетского образования и практики достаточно, чтобы понять о чём там идёт речь. Я, конечно не доктор естественных наук, но могу отличить записи о неудачных экспериментах от записей про научные открытия. Единственное, чего я не смог понять, так это наших учёных.

– Почему же? – удивился немец.

– Доктор Гудвин, полностью опроверг все их воинственные заявления, герр Краузе, – ответил Олендорф.

– Пожалуй, – посмотрел на лист бумаги пожилой немец, – стоит показать этот черновик тому еврею из патентного бюро. Я, в отличие от Вас не физик, но тут только полный дурак не поймёт, что если убрать вычеркнутое, можно воспроизвести чистовую запись и понять, что же такого открыл этот англичанин.

– Вы говорите про Эйнштейна? – кивнул ему Олендорф.

– Именно, про Альберта Эйнштейна, – ответил пожилой немец глянув на Олендорфа.

...ФУЛЕМ; В ТО ЖЕ ВРЕМЯ...

...Гарольд очень любил слушать музыку и больше всего на свете, наверное, любил спокойную и торжественную музыку. То вальсы, то марши, то что-нибудь грустное и задумчивое. В Мелкшаме, у мамы был рояль, на котором мама по вечерам играла и дом наполнялся любимой музыкой Гарольда. Рояль стоял в зале, большом и полутёмном по вечерам. Поэтому, Гарольду всегда везло спрятаться где-нибудь под диваном, или за комодом, и долго-долго слушать как мама играет. Часто он так засыпал, его находил папа и относил в детскую, где все уже давно спали.

А в Фулеме всё было по другому. Гарольду не нравились местные уличные песенки, резкие звуки доносившиеся из паба за углом, которые местные называли музыкой. Но, зато Гарольд мог часами, у открытого окошка, слушать старого скрипача игравшего на перекрёстке.

Но потом скрипач исчез. И улица снова погрузилась в суету, вопли и писк. А писк Гарольд терпеть не мог... У него тогда шли мурашки по спине, а его всего словно выворачивало наизнанку...

Это называется скукой, когда чего-то хочется, а чего хочется и сам не понимаешь. Потому что, чего-то то, что придаёт тебе силы вдруг внезапно исчезло, пропало и убежало куда-то далеко.

Гарольд вдруг понял, что всё дело в звуках которые так ему нравились. Что он давно не слышал тех мелодий, которые вдохновляли его к чему-то большому и светлому. Самое главное, что вдруг заметил мальчик, это то что он стал мечтать совершенно о другом, что его мечты вдруг стали более обыденными, скучными и даже неинтересными самому Гарольду.

Он поделился своими волнениями с мамой. Но та только погладила его по голове и успокоила как могла. Вечером мама о чём-то долго шепталась с папой, а на следующий день папа пришёл сияющий от улыбки и помахал перед носом Гарольда каким-то конвертом.

– Что это, папа? – не понял Гарольд радости отца.

– Завтра едем с тобой в Лондон. И Джесси с собой прихватим, чтобы ты не скучал в дороге! – объявил Фредерик сыну.

– В Лондон? – теперь уже удивился Гарольд и подумал, что должно быть папа приготовил для него с Джесси что-то интересное.

– Ну да, в Лондон, – присел за стол Фредерик и посмотрел на Августу, – трудно было на «Кармен» достать. Хотел на балконе, но был партер и галёрка. Я так подумал, что детям будет интереснее посмотреть на всё сверху.

– «Кармен»? – подала чай Фредерику Августа, не отрываясь от дел.

– «Кармен», – кивнул Фредерик.

– Поймут ли они эту оперу? – улыбнулась Августа и повернувшись к Фредерику прислонилась к стене и сложила руки на груди, – хотя ты знаешь, вряд ли они будут вслушиваться в слова.

– Жаль что ты не поедешь с нами, – вздохнул Фредерик взяв чай.

– Я не думаю, что Чарли и Уильям справятся с Сиднеем, – спокойно ответила Августа, – а Лилли приходит поздно. Поэтому, на сей раз побудьте без меня.

Она улыбнулась посмотрев на Гарольда, который всё это время слушал их разговор стоя посреди кухни, глядя то на маму, то на папу.

– Мы едем слушать оперу? – воскликнул мальчик восхищённо и бросился к маме, на лету обняв её, – спасибо, мамочка! Я немедленно обрадую Джесси!

Он подбежал к отцу, быстро обнял его за шею, едва не опрокинув на стол чашку с чаем, потом так же быстро сорвался с места и побежал на второй этаж зовя сестру.

– Пускай, – махнул Фредерик Августе, которая хотела остановить Гарольда и пожурить за нечаянную неосторожность, – он так долго этого ждал...

...ЛОНДОН; МАРТ 1912 ГОДА...

...Это был театр, название которого Виктор прекрасно помнил. Ковент-Гарден.

Виктор стоял на самом входе пропуская зрителей, которые словно не замечали человека в сером костюме и таком же сером пальто, стоящего почти у самых дверей.

Он стоял долго, будто кого-то ждал. Наконец, когда на ступеньках показался высокий усатый мужчина в широкой клетчатой кепке, с двумя нарядно одетыми детьми, мальчиком и девочкой, человек надвинул на глаза шляпу, опустил взгляд и долго смотрел на них, словно провожая.

Виктор улыбнулся. Мальчик бежал вперёд, постоянно оглядываясь на отца, а девочка скромно делала ему замечания. Она словно боялась обидеть брата. А тот улыбался, смеялся, как-будто хотел запрыгать от радости, но не умел.

Отец подшучивал над сыном и... наконец они исчезли в дверях.

Виктор усмехнулся, грустно глянул на ступеньки, по которым они только что прошли, и сошёл вниз...

Он перешёл небольшую площадь и найдя маленькое уютное кафе тут же за углом, не долго думая прошёл внутрь.

Заняв столик у самого окна, Виктор скинул пальто на спинку стула и подозвал официанта.

– Просто кофе, – попросил Виктор.

– Сахар, сливки? – спросил официант.

– Без сливок но с сахаром, – ответил Виктор посмотрев в окно.

Шло время. Виктор только молчал потягивая кофе, который уже давно остыл. Он о чём-то думал, но не мог собраться мыслями. Волнение, непонятный страх, ещё более непонятные рассуждения не давали понять то, чего же он хотел.

– Задумались, мистер Гудвин? – услышал Виктор знакомый голос.

Перед ним стоял старик.

– Чарли? – посмотрел на него Виктор.

Старик присел напротив.

– Я думал ты в России, пытаешься отыскать следы инженера Полежаева, – вздохнул старик.

– Сегодня приехал, – тихо ответил Виктор.

– Не мог удержаться? – улыбнулся, покачав головой старик.

– Ну ты же тоже тут? И как ты меня нашёл? – ответил Виктор.

– Было не трудно догадаться, – вздохнул старик, – маленький Гарольд очень скучал по привычной жизни, которая осталась в Мелкшаме. И мама с папой решили устроить своему сынишке праздник. Как раз в этот день, отец заработал немного денег на своём последнем клиенте. Фредерик и Августа решили, что лучше потратить эти деньги на билеты в оперу, чтобы дети не забывали что их семья не простая, а благородная. Но денег не хватило, чтобы сходить всей семьёй. И маме пришлось выкручиваться на ходу... О чём ты до сих пор не знаешь, – старик помолчал глядя на Виктора, – но я видел как ты простоял полчаса на входе и даже не подошёл к ним. А чего ведь стоило просто окликнуть отца, послушать вместе оперу, угостить детей мороженым и дать им денег, чтобы приглашение твоего дядюшки осталось бы незамеченным в истории семьи?

– Не всё так просто, Чарли, – сказал Виктор, – исчезнет цепь событий создавших XX век. Тогда не будет барона Виктора фон Готта, секретаря лорда Бальфура и резидента британской разведки в Берлине. Немцы получают все разработки машины времени, победят во Второй

Мировой, исчезнут Государство Израиль, Россия, Польша, Франция, а заодно и мы с тобой просто растворимся в пространстве, вместе с памятью о нас.

– Миллионы людей растворятся в пространстве, миллионы людей и судеб, Гарри, – уточнил старик.

Он посмотрел вокруг.

– Люблю я это кафе, – улыбнулся старик, – я сюда часто заходил... Захожу, если выражаться точнее.

– Боишься встретить себя молодого? – улыбнулся Виктор.

– Брось, – усмехнулся старик, – уж я-то помню где в какой день я находился и что делал. Сегодня я сюда точно не зайду.

– Так ты зачем пришёл? – кивнул, улыбнувшись, Виктор.

– Смотри, – отдал старик Виктору маленький блокнот, – я думаю, тебя это должно заинтересовать.

– Что это? – открыл блокнот Виктор.

– Это я сегодня забрал в Саутгемптоне, в одном ангаре, куда вчера приезжал твой отец, – ответил старик.

– А что он там делал? – посмотрел на старика Виктор.

– Работал, Гарри, – пожал плечами старик в ответ, – а ты думаешь, на какие деньги он купил билеты в театр для тебя и для твоей сестры? В блокноте финансовые расчёты немецкого бухгалтера. Этот господин Краузе, который оставил блокнот, был дотошным и явным скрягой, я бы сказал.

– Немцы педантичны, – ответил Виктор и глянул на старика, – он забыл блокнот?

– Нет, – покрутил головой старик, – такие люди ничего и никогда не забывают. Он исписал его и за ненадобностью аккуратно положил на столик, где я его и подобрал. Я пытаюсь восстановить последние дни вашей семьи тут, в Англии, и понять события за которыми последовала волна времени докатившаяся до начала двадцать первого века. И знаешь, мне кажется, что ответ у тебя в руках.

Виктор пролистал блокнот и глянул на старика.

– Клиентом моего отца был Олендорф?

– Отто Олендорф, – покачал головой старик, – ещё не группенфюрер СС и не начальник третьего управления РСХА, но лично Отто Олендорф.

– Нацисты, которых мы ликвидировали в Чугуеве, – отдал блокнот старику Виктор и подумал, – были из айнзацгруппы D. Она подчиняется Олендорфу.

– И приходили за тобой в Берлине тоже люди Олендорфа, – кивнул Виктору старик, – выходит, на каком-то этапе Олендорф получил ключ к машине времени не самостоятельно, и не с помощью немецких физиков, а от твоего отца.

– Ну вряд-ли они общались об этом, – ответил Виктор, – в этом году, отец привлёк к работе мало что смыслящего в физике Энниса Уотсона. Тот, конечно знал чем они занимаются. Можно предположить, что Уотсон передал Олендорфу какие-то бумаги отца. Но какой смысл Олендорфу вербовать малограмотного Уотсона, если Олендорф напрямую общался с отцом?

– Я не думаю, что этот Олендорф приходил за машиной времени, – ответил старик, – в этом времени Отто Олендорф только окончил университет, занимается вполне мирным трудом не связанным с политикой и армией, но зато связанным с наукой и техникой. В ангаре находились сельскохозяйственные машины, которые он отправлял в Германию. Судя по всему, он пригласил твоего отца провести их осмотр.

– Приехать в Фулем из Саутгемптона за электриком, – ответил Виктор, – это всё равно, если бы мы поехали их Кронштадта в Царское Село за автослесарем.

– Значит твоего отца ему кто-то рекомендовал, – посмотрел на него старик.

– Любые знакомые отца и сами могли провести осмотр машин, – подумал Виктор, – рекомендовать мог только тот человек, который очень хотел чтобы молодой Олендорф встретился с отцом.

– И придя к нему в мастерскую, – кивнул старик, – что-то с собой унёс из того, что твой отец, по неосторожности, оставил на видном месте, и чего не спохватится в ближайшее время. Олендорф – физик и прекрасно разбирается в физических формулах и терминах. И заинтересовать его могли только внятные записи, – старик подумал, – ну, или готовая модель машины.

– А ведь верно, – ответил Виктор, – модель стояла у отца в мастерской на рабочем столе, почти на виду. Если Олендорф приходил в мастерскую, он не мог её не заметить. И не мог не проявить интереса, если он физик. Любой другой мог запросто перепутать её с амперметром, например, но только не человек разбирающийся в физике. А увидев машину, он мог полезть по записям. И если отца, например, не было в мастерской, то ему бы хватило времени что-то сунуть себе в карман.

– Остаётся только вопрос, кто навёл молодого Олендорфа на мастерскую твоего отца, – ответил старик, – и судя по всему, он сейчас тоже находится в этом времени.

– Да, – согласился Виктор, – посыльный от Олендорфа не мог прибыть исключительно с целью порекомендовать нужного электрика. Он где-то в порту Саутгемптона и наверняка ждёт посадки на «Титаник». И наверняка не один. Иначе нет смысла тут крутиться вообще, тем более накануне самого значимого события двадцатого века. Умысел понятен, – подумал Виктор, – гоняться за моим отцом и мной, чтобы получить записи, которые ещё надо забрать в Лондоне, жертвуя силой, временем, людьми, это слишком накладно. И после провала миссии в Чугуеве Олендорф это понял. А вот намекнуть молодому Олендорфу чтобы тот заглянул в стол, или куда-то рядом со столом в мастерской, это куда проще. Главное, просто направить его туда. Таким образом, хоть что-то да попадёт к нацистам и остаётся только захватить моего отца. После этого, сунуть ему под нос его же записи и заставить его продолжить работу у них под контролем.

Виктор усмехнулся.

– Гениально. И теперь всё сходится и встало на свои места. Какие есть соображения, Чарли? – посмотрел на старика Виктор.

Старик тихо усмехнулся.

– Я в Германию, – ответил он, – нужно выяснить что вынес из мастерской твоего отца молодой Олендорф. Это могла быть только бумага. А если это научные записи, то в Германии к ним серьёзно может отнестись только один человек. Это Эйнштейн. Вот именно его я и проведу.

– Думаешь предложить ему что-то взамен? – кивнул Виктор.

– Нет, – ответил старик и помолчал, – пусть собирают свою машину времени... Но уже под нашим контролем.

Он махнул рукой подзывая официанта.

– Принеси ещё два кофе, дружище! – старик глянул на Виктора, – вот это я понимаю стабильная жизнь! В 1937 году он ещё будет подавать пиво и кофе в этой забегаловке, – усмехнулся старик Виктору...

Глава 11

АВОКА; ИРЛАНДИЯ; МАРТ 1912 ГОДА

Авока, небольшой городок на берегу моря, жил своей привычной жизнью, которую, как правило никто и ничто не могло нарушить.

Полусонные улочки, пыльные и душные днём и дышащие свежестью и прохладой по утрам. Улочки были беспорядочные, бегущие как им вздумается и куда вздумается. Церквушка со старинной колоколенкой, да рыночек на площади, прямо перед морем, где заботливые и суетливые хозяйки, дружелюбные ко всем и завидующие друг другу как-то по доброму, старались перехитрить друг друга и умело соперничали между собой в базарном мастерстве. Тут они встречались по утрам и начинали свои сплетни да слухи, к вечеру о которых уже знал весь город. Шумно, громко, по секрету всему свету перекрикивались они через площадь. Хозяйки громко делились тайнами и тут же, так же громко, просили их никому не говорить.

На другом конце городка дымили огромные доменные печи. Здесь уже был край суровых рабочих всех возрастов, от мальчишек лишённых детства до глубоких стариков. Всех возрастов и одной профессии. Авока был городок сталеваров. И все сталевары работали тут, у доменных печей, серые, с копотью на лице и не единожды обожженными руками. Гул, грохот напоминающий взрывы, и мрак, не прекращавшиеся никогда, были слышны далеко от завода и давно стали привычными для Авоки.

По утрам, казалось городок дышал свежестью. Но ночью он наполнялся грохочущим гулом и над Авокой вставало алое марево от плавильных печей, заполнявшее всё небо. Оно исчезало только с утренней зарёй. Но исчезая, марево не исчезало на самом деле, а падало на город в виде блестящей, сверкающей пыли, на улочки, площадь, церквушку с колоколенкой и на всех его жителей.

Вечером чайки обычно кричат над морем. Чайки встречали рыбаков, немногих оставшихся ещё в этом городе. Сейчас уже редко Авока провожала своих жителей в море. Но несмотря на то, что рыбацких шаланд становилось всё меньше и меньше с каждым годом, рыбы на базаре никогда не убавлялось. И обленившиеся чайки не уставали кланяться для себя рыбу. Они, с наступлением сумерек густо покрывали берег и качались на волнах, на самом прибое, и забирали всё то что оставляли на берегу рыбаки. Чайкам было чем поживиться.

Уже почти наступила ночь, когда на морском пляже появились соперники чаек. Трое мальчишек, из которых ясно выделялись два подростка и малыш лет семи, может восьми. Они медленно брели по ночному берегу, подбирая то что не подобрали чайки. Освещая песок вокруг себя маленьким факелом, мальчишки собирали в сумку выброшенную рыбаками тюльку. С особенным восторгом мальчишки находили небольших рыбёшек, которых тоже оставляли рыбаки. Их было не продать, но мальчишкам они были в самый раз. И шли дальше. Следом за ними едва поспевала девчушка лет девяти. Как раз она и несла основную ношу, которую поджентльменски всё взваливали и взваливали на неё мальчишки.

На пляже много чего можно было найти и много чем можно было поживиться, если ты бездомный, или бедный, или и то и другое, и в придачу ещё и голодный.

Факел почти погас и только тускло тлел, уже не освещая дорогу, а скорее мешая мальчишкам.

Старший мальчик залез на дно перевернутой лодки, размахнулся и со всей силы швырнул факел в воду. Тот на мгновение зашипел и тут же исчез в ночном море. Мальчик спрыгнул на песок и вдруг отпрыгнул от лодки словно ошпаренный.

– А! – вскрикнул мальчик наступив на чью-то руку, – тут мертвяк!

Но ещё больше он испугался, когда «мертвяк» зашевелился и схватил его за ногу.

Мальчишка упал, но «мертвяк» потянул его за ногу к себе и присев отпустил ногу мальчика.

– Ты чего орёшь, бродяга? – спросил «мертвяк», мужчина лет сорока в военном мундире без значков.

– Простите, сэр! Мы думали, что Вы умерли! – испуганно дышал мальчишка.

Все остальные остановились наблюдая за их беседой со стороны.

– Спасибо, молодые люди, – усмехнулся «мертвяк».

Мальчик увидел под курткой «мертвяка» револьвер и патронташ полный патронов вдоль пояса.

– З... за ч... что, сп... спасибо, сэр? – заикаясь, спросил мальчишка.

– Ну, долго буду жить, – усмехнулся «мертвяк», – тебя как зовут, шальной? – спросил он мальчика.

– Г... Генри О'Коннор, сэр, – дрожа губами ответил мальчик, – а это мои братья и сестра. Аластер, Мерти и Рейчил.

– Очень приятно, Генри О'Коннор, – улыбнулся «мертвяк», – ирландцы, значит?

– Д... да, сэр... но разве это плохо? – испугался Генри, пытаясь попятиться назад, но не смог от страха сдвинуться с места.

– Это просто замечательно, сынок! – ответил восторженно «мертвяк».

– Правда? – удивился испуганно Генри.

– Угу, – кивнул «мертвяк», – бегом дуй в полицейский участок, – сказал он мальчику, – и позови сюда капитана Шона Бодхара. Получите по шиллингу, каждый. Понял?

– По шиллингу? – внезапно изменился в лице Генри, – а вы не обманываете нас?

«Мертвяк» только покрутил головой.

– Сэр! – радостно воскликнул Генри, – сию минуту! Я сам его приведу! Да я его на верёвке сюда приволоку, если он идти не захочет! – и подскочив бросился вперёд братьев и сестры в город.

Аластер, Мерти и Рейчил, что-то крича ему вслед, едва поспевали за братом...

Капитан Шон Бодхар уже собирался задремать в полицейском участке, когда в участок влетели четверо детишек и наперебой начали его куда-то звать.

– А ну тихо! – прикрикнул капитан на них, – по одному! Что случилось? Какой ещё мертвяк на море? Вы что несёте тут мне, полоумные?

Дети замолчали.

– Сэр, – уже спокойно сказал Генри, – на море человек, который Вас зовёт. Он военный.

– Военный? – удивился капитан Бодхар, – а что ему надо от меня и что он делает на море ночью?

– Он не говорил нам этого, сэр, – ответил ему Генри, – он приказал позвать непременно Вас и больше ничего не говорил. Ещё сказал, что если Вы придёте, то он даст нам по шиллингу!

– Тоже мне, дежурство, – выругался капитан Бодхар, – Тревор! – позвал он помощника, – посиди тут вместо меня. Пойду схожу с этими оборвышами на пляж, гляну какой там военный...

Через четверть часа, получив свои шиллинги, дети, радостно переговариваясь между собой, бежали обратно в город. Бодхар с сожалением посмотрел им вслед и наконец поздоровался с тем, кого они называли «мертвяком».

– Раз уж ты, Стрелок, появился в моём городе, то стало быть ты тут не один? – усмехнулся капитан Бодхар.

– А ты как думал, Шон? – поднялся с песка Кнак, – не то что не один! Сам понимаешь, время опасное, события разворачиваются стремительно, – он подошёл к капитану Бодхару и положил ему руку на плечо, – ну так и будем тут говорить, или пройдем к тебе в участок?

– Да уж лучше в участок, – согласился капитан Бодхар, – неровен час эта четвёрка надумает похвастаться откуда шиллинги, то пропадём оба.

– Веди? – сказал Кнак.

– Пошли, махнул рукой капитан Бодхар, – только быстро, и не сильно светись у фонарей. В участке, капитан Бодхар запер за собой двери на ключ и опустил жалюзи на окнах.

– Ну так что же привело тебя к нам? – посмотрел Бодхар на улицу сквозь жалюзи и присел напротив Кнака.

Тусклая лампа освещала жёлтым светом маленькую комнатку, а пар от закипевшего чайника густым облаком поднимался к потолку.

– Революция, Шон, революция, – отпил Кнак горячего чая из железной кружки, – нужно обеспечить отвлекающий маневр, дать возможность О'Брайену принять важный груз в Ольстере и вооружить несколько наших групп немецкими карабинами, соединив их в одну ударную бригаду.

– Я понимаю так, речь идёт о том, что немцы подбросили нам оружие, Генри? – посмотрел капитан Бодхар на Кнака и нервно закурил.

– Да, – согласился Кнак, – немцы нам подбросили оружие и мы готовим выступление в ближайшие пару лет, если, конечно, ничего не помешает.

– И что требуется от Авоки? – спросил капитан Бодхар как-то равнодушно и тихо? – и с чего вы вообще решили, что англичане дураки и клонут на вас тут?

– Клонут. Непременно клонут, – ответил Кнак, – ты думаешь, что им захочется терять свои сталеплавильни? У них останятся верфи в Бэлфасте, и не только верфи. И не только в Бэлфасте. А требуется от вас немного, – отставил Кнак чашку и облокотился на стол, пристально глядя на капитана Бодхара, – выступление сталеваров. Это парализует Ольстер и оттуда к Авоке подтянут полицию. А как только в город мы войдем отрядами, как только тут начнутся беспорядки и мы возьмём Авоку под свой контроль, сюда стянут войска из того же Ольстера и из под Куинстауна. Наша задача продержаться тут несколько дней, пока О'Брайен не перегруппирует силы и не разгрузят судно с оружием.

Он помолчал.

– Мы просит об очень не многом, Шон.

Капитан Бодхар подумал и посмотрел на Кнака.

– Ты понимаешь, что будет потом с этими людьми?

– Понимаю, – кивнул Кнак, – и там, – указал он пальцем на потолок, – не думаю, что не понимают.

– И что вы предлагаете? – кивнул Бодхар.

– Мне нужно будет поговорить с мэром и встретиться с активистами местного профсоюза, – ответил Кнак.

– Социалистами? – усмехнулся Бодхар, – от них толку – только митинги и шум на улице.

– Это нам и надо, Шон, – усмехнулся Кнак, – пусть шумят хоть сутки напролёт и погромче, чтобы англичане слышали их. Ты думаешь, я решусь захватывать этот городок напрямую? Нет, – снова, криво усмехнулся Кнак, – пусть это сделают марксисты. Ну, по крайней мере, пусть англичане так считают. А мы появимся тогда, когда старик мэр уже не будет знать что делать, а англичане стянут к городу как можно больше войск.

– Войск? Тут будут стрелять? – спросил Бодхар, слегка напугавшись.

– Будут, – кивнул Кнак, – разве я говорил, что будет тихо?

– Во всей этой ситуации, Кнак, хочу чтобы ты знал, – закурил Бодхар, – нам тут оставаться после вашей выходки уже будет нельзя. Ты гарантируешь мне место в ваших отрядах, и то что моя семья успеет уйти отсюда, прежде чем город снова займут англичане?

– Если тебя беспокоит твоя семья, то лучше будет всем если они уедут уже сейчас, – ответил Кнак.

Глава 12

Рано утром, в лагере партизан царило оживление. Лагерь проснулся с первыми проблесками зари и немолодой командир, Джордж Кроч, ходил от палатки к палатке поднимая спящих бойцов. Он будил их по тихому, без лишнего шума.

Называть палатками непонятной конструкции шалаши, в которых ветки чередовались с затыкавшим дыры тряпьем, служившем так же и подобием двери, было нельзя. Но, тем не менее, их называли палатками, на военный лад.

– Дядя Джордж, – проснулся, не отойдя окончательно от сна, совсем молодой боец и протирая глаза уставился на Кроча, – дядя Джордж, пустите домой на недельку. Овечек пора стричь, мамка передавала. Говорит, что сама не управится.

– Гм, – удивлённо глянул на него Кроч, – какие овечки, Артур? Подождут, не расстроятся овечки твои. Так и передай мамке, что тут немножко война. Мы в окопах сидим. А она тебе про овечек опять нует? Я вот скажу ей, как увижу!

Кроч поправил винтовку на плече и отошёл, оставив Артура в растрёпанных чувствах и с явным огорчением нарисованным на лице.

Немного постояв посреди лагеря, что расположился прямо на старой ферме, давно заброшенной и поросшей лесом, убедившись что все бойцы проснулись и никто даже случайно не забыт и не дремлет спрятавшись подальше от всех, Кроч направился напрямик в небольшой каменный домишко, вросший в землю.

Домик стоял спрятавшись за высокими кустами и молодыми деревьями. Когда-то там жили люди. Потом они ушли. Точнее – их вынудили уйти бросив всё. Потом вырос лес и сейчас тут был штаб.

– Овечки! – усмехнулся Кроч, войдя в дом и упав на лавку у стены, почти развалившись по деловому.

Он достал флягу и выплеснул из неё в ведро половину содержимого, налитый вчера лимонад. Откупорив другой рукой флакон со спиртом, Кроч принялся бережно, стараясь не пролить ни капли, заливать спирт во флягу.

– Ты очень много пьёшь, Джордж, – склонился над картой Кнак, не глядя на Кроча.

– А когда я мало пил, Генри? – спокойно ответил Кроч, перелив спирт и закрутив крышку, – если я не пил, то наверное давно бы двинулся умом от всего вокруг и от овечек, которых пора стричь.

Он подцепил флягу к поясу и встав, прошёлся к маленькому мутному окошку.

– Остров Мэн, остров Мэн, – пропел он тихо и глянул на Кнака, – овечки! Вы только подумайте! – рассмеялся он, – тут война, а эта дура сыну передаёт, мол «овечек стричь пора»!

– Действительно, пора, – кивнул спокойно Кнак, – иди сюда, глянь на всё это дело.

Кроч подошёл к карте и встал рядом с Кнаком, не склонившись над ней, а глянул через плечо Кнака.

– Вот здесь, – указал карандашом Кнак и нарисовал на карте маленький кружок, – англичане устроили арсенал. Не то чтобы большой, но существенный для нас. Там, по данным разведки, далеко не старьё, но этим барахлом они планировали вооружить местных добровольцев в случае войны... – он подумал, – с нами.

– Добровольцев? – ухмыльнулся Кроч, – ну так давай поможем им выполнить их же инструкции!

– Выполним, – кивнул Кнак, – обязательно выполним. Сегодня, ближе к вечеру, наведайся туда и тихо смени их караул.

– То есть, сменить караул? – не понял Кроч.

– Арсенал охраняет всего отделение, – пояснил Кнак, – заявитесь туда, ориентируйтесь по ситуации, но без лишнего шума. Поставишь там наших бойцов. А чтобы раньше времени не поднимался ажиотаж среди местных, переоденешь наших караульных в британские мундиры. Только побрить и подстричь не забудь наших вояк.

– Понял, – подмигнул Кроч, – а с железом что делать?

– Ну сказали же англичане? – ответил Кнак, – выдать его добровольцам! Грузишь на телеги и доставляешь в город, в полицейский участок, капитану Бодхару.

– Этим бобби, что ли? – опешил Кроч, – да ты с ума сошёл!

– Полиции, – кивнул слегка улынувшись Кнак, посмотрев на него, – ирландским патриотам! Город займут они, а мы войдём туда без боя.

Он снова глянул на карту.

– Завтра уже начнётся веселье. Полиция перешла на нашу сторону. Главное, чтобы они дали уйти этому гусю в яблоках.

– Гусю? – не понял Кроч.

– Мэру, – ответил, словно поясняя, Кнак, – у этого дебила хватит ума поднять панику с истерикой.

Он снова глянул на карту.

– Пусть поднимает, – спокойно добавил Кнак.

– Хитёр ты, Стрелок, – отцепил от пояса флягу и открутив крышку, сделал глоток Кроч.

– Дерьмо этот лимонад, – проворчал он, – надо было содовую брать. Ну так я пошёл? – спросил он цепляя обратно флягу.

– Удачи, брат, – улыбнулся ему в ответ Кнак.

Через пару минут, снаружи донёсся весёлый голос Кроча.

– Собираемся, ребятки! Англичане нас в гости ждут! Заждались, говорят, уже!

Кнак снова задумался и склонившись над картой погрузился в размышления.

Кроч был весёлый, толстый и добродушный человек. Можно было бы назвать его здоровяком, если бы он не был невысокого роста. Хотя, кулачища Кроча выдавали в нём бывшего богатыря. Ему было за пятьдесят и на своём веку Кроч успел повоевать и за Англию, и против англичан, и старался попасть именно туда, где можно было порвать английские мундиры об чьи-нибудь штыки. Он даже участвовал в англо-бурской войне, на стороне буров, после чего вернулся в Ирландию и призывал ветеранов той войны, в которых он стрелял в Африке, отстаивать свои права с оружием в руках. И такая возможность ему представилась очень скоро. Едва только появилась Шинн Фейн, Кроч один из первых, не мало не задумываясь, пополнил её ряды. Но и Шинн Фейн для него показалась уж слишком либеральной и слишком долго тянущей «кота за хвост». Первый же партизанский отряд был создан именно Джорджем Крочем.

Как и Кнак, Кроч ненавидел англичан не потому что они были англичанами, а потому что он был ирландцем, одним из тех кто не желал прощать обиды даже трёхсотлетней давности.

Что до самого Кнака, то Кроч, хотя он и был его братом по оружию, не доверял своему командиру. Кнак был слишком молчалив, недоверчив и даже взгляд его вызывал у Кроча, да пожалуй и у всех, какой-то душевный страх. Если он говорил, то говорил он тихо, медленно, разборчиво, и всегда коротко и ясно. Такие люди всегда вызывают страх.

Кнак любил старую Ирландию и часто поговаривал о том, что неплохо бы было иметь своего короля. Непонятно почему Кнак вообще примкнул, в своё время, именно к республиканцам. Многие видели в нём английского шпиона и понимали, что рано или поздно Кнак обрушится в своём праведном порыве и на Шинн Фейн, и на всех партизанских вождей. На самом же деле, если Кнак кого-то и не любил во всей этой надвигавшейся, с каждым днём

ближе и ближе, большой войне, то только тех вождей которые сидели за океаном и давно забыли что такое Ирландия, и как она выглядит рано утром, когда восходит солнце.

Кнак был романтиком, даже большим чем казался. Когда-то он был британским офицером. И даже воевал. В той же Африке, против Кроча и буров. Именно там и состоялось их знакомство, когда и тот, и другой, по достоинству оценили друг друга. Вторая их встреча уже была в Ирландии, когда пришло время братья за оружие тут.

Кнак отшвырнул карандаш и присел возле стола.

Вошёл Артур.

Кнак молча глянул на него и Артур, так же молча, положил перед ним толстую пачку английских газет.

– Пресса теперь доставляется и партизанам? – усмехнулся Кнак, – ценю внимание английской почты.

Он взял одну из газет.

– Привёз местный почтальон, – по военному отрезал Артур, – говорит, что тут только пропаганда, нормальных новостей нет.

Кнак развернул газету, пробежал глазами первую полосу и усмехнулся.

– Германские шпионы нагнетают обстановку в Ирландии, – прочёл он вслух, – основной их задачей является, настроить местных крестьян против британской администрации. Германские наёмники, переодеваясь в солдат и офицеров Его Величества, совершают нападения на безвинных ирландских крестьян и горожан. На прошлой неделе, – Кнак усмехнулся, посмотрел на Артура и продолжил выразительно читать, – возле города Куинстаун, переодетые в наших военных бандиты, главарём которых является некто Генри Кнак по кличке «Стрелок», а так же его сообщники с кличками «Геби» и «Ротар», сожгли дотла имущество принадлежащее ирландской, благочестивой католической семье Сейдж. Один бандит был убит в перестрелке. Остальные, в количестве около тридцати бандитов, с позором, словно перепуганные бешеные собаки, скрылись в ближайшем лесу. Герой, отбивший нападение подлых бандитов, капитан Сэмюэл Сименсон, представлен к высокой королевской награде.

Кнак улыбнулся и посмотрел на Артура.

– Передашь матушке, с очередным вестовым, что перестрелки, в принципе и не было. Пусть успокоится.

Он вздохнул.

– Вот так считаешь их прессу и сам начнёшь верить, что мы бандиты и вообще и задумаешься – «А на той ли стороне мы воюем»?

– Да полно Вам, командир Стрелок, – улыбнувшись, ответил Артур, – кто им верит тут?

– Важно не то, что тут не верят, – отложил газету Кнак, – важно то, что это читают не только в Ирландии. Что говорит почтальон? – посмотрел он на Артура.

– Ничего особенного, – ответил Артур, – говорит, что в городе профсоюзники начинают забастовку. Сигналом будет сирена с набатом одновременно, на заводе. Мэр бесится, а полиция отказывается арестовывать зачинщиков. На Доме Профсоюзного Собрания красный флаг. Над полицейским участком сегодня подняли ирландский.

– Хорошо, – улыбнулся Кнак, – позови ко мне Габи и Ротара. Объявляй готовность номер один, бери десяток бойцов и занимай деревню Бадед. Я, со своим взводом, буду находиться в Эйри, недалеко от тебя. Твой позывной – Летучая Мышь.

На сталелитейном заводе впервые за много лет было беспокойно. Ещё не прошла перемена, когда тревожно забил набат и взвыла сирена.

– Что происходит? – отбросил ковш пожилой сталевар и вместо ответа увидел, что в цех бежал молодой рабочий, только что сменившийся после ночи.

– Бросайте печи! – кричал молодой рабочий пытаясь перекрыть шум и грохот металла, но его никто не слышал. Тогда он схватил огромный прут и со всей силы ударил им по пустому чану, висевшему рядом с входом.

Гул заставил всех посмотреть на этого молодого рабочего.

– Бросайте печи, говорю вам! Там намечается что-то серьёзное! Все во двор! – прокричал тот и выбежал из цеха.

Сталеваары, только удивлённо переглянулись и нехотя бросив работу, пошли следом за ним.

Заводской двор уже весь гудел и был битком забит людьми, которые толпились и кучковались повсюду. То и дело повторялся гул сирены. Он глушил непрерывно бьющий набат. Но едва из окна администрации вывесили красный флаг, как набат и сирена стихли, а рабочие радостно закричали.

– Урааааа! – раздался крик рабочих увидевших алое знамя.

Человек державший флаг, начал им размахивать в ответ, а на балкон вышли двое.

Один был одет в рабочий комбинезон, а во втором узнавался секретарь владельца завода.

Секретарь швырнул в толпу пачку листовок.

– Товарищи! – крикнул рабочий стоявший рядом с ним, – товарищи! Сейчас все, организованно, движемся к зданию профсоюзного собрания! Администрация завода и полиция на нашей стороне! Мы требуем, немедленного принятия постоянно блокируемого в парламенте Билля о гомруле! Ирландия будет свободной, народной республикой советов, а не сырьевым придатком Британской Империи! Мы не дадим больше им стали выплавляемой в наших печах, из нашей руды, нашими руками! Да здравствует Свободная Ирландия!

– SinnFein! – закричала толпа, – мы свободны! Не дадим англичанам стали! Да здравствует республика! – и все ринулась к воротам завода неорганизованной колонной, на городскую площадь.

Охрана расступилась перед рабочими и присоединилась к ним. На улицах, из окон домов смотрели люди приветствуя это шествие. Над полицейским участком поднялся ирландский флаг. Увидев его, рабочие поняли, что полиция на их стороне и власть в городе теперь находится в их руках...

– Долой короля! Смерть саксам! – крикнул кто-то и его крик подхватили все вокруг...

Глава 13

В предместье Авоки, которое носило звучное название Эйри, всё было спокойно и тихо. Ни набат, ни гул с завода не взволновали жителей предместья. Сирену они слышали часто и уже давно не придавали ей значения. Она гудела каждый раз перед пересменками и давно считалась чем-то привычным.

Хозяйка крайнего дома даже не удивилась увидев выходящих строем из лесу солдат, направившихся к посёлку. И только когда они приблизились совсем близко, хозяйка вдруг поняла, что это не английские солдаты.

Бросив корзину в которой она несла зерно для кур, хозяйка со всех ног бросилась в дом.

– Том! Том! – закричала хозяйка мужу, едва вбежала на порог, – солдаты! Солдаты идут!

Том, немолодой мужчина, как раз завтракал. Увидев встревоженную жену он встал из-за стола и взмахом руки прогнал сынишку лет шести.

– А ну кыш к себе и не выходить без разрешения, – проворчал он и кивнул жене, – чего им тут надо? К нам отродясь республиканцы не заглядывали.

– Уже! – всплеснула руками жена, – не англичане! Наши солдаты!

Том не успел ничего ответить. В дом, отпихнув жену, вошли солдаты.

– Ты хозяин? – указал взглядом на Тома Кнак.

– Да, сэр... – растерялся Том.

– Отлично, – кивнул ему Кнак и пройдя, присел за стол, – забирай супругу, всех кто в доме есть и переселяйтесь в подвал. Тут теперь проходит позиция.

– Какая позиция? – растерялся ещё больше Том.

– Военная позиция, хозяин, – глянул на него Кнак, – воевать будем, земляк!

– Ребёнок... о Боже, у нас ребёнок! – запричитала жена и бросилась за мальчиком.

– Ты слышал? – снова глянул Кнак на Тома, – у тебя сынок, дружище! Подумай лучше о нём...

На церквушке зазвонил колокол, но очень скоро он затих. Над самым верхом колокольни, прямо над входом, появился флаг Свободной Ирландии.

Кнак молча дождал пока Том, его перепуганная жена и плачущий сын покинут дом, присел за стол и разложил карту.

– Командиры ко мне, – проговорил не глядя вокруг Кнак...

На главную улицу Авоки въехали грузовики с солдатами. Военные машины повернули в город с лесной дороги, сразу же подняв переполох и тревогу. Промчавшись на полной скорости по главной улице, встреченная свистом и криками прохожих колонна, остановилась перед полицейским участком.

– Приехали! – крикнул Кроч вылезая из кабины передней машины.

Он бросил взгляд на собирающуюся вокруг толпу.

– Ну чего вам люди добрые? Свой мы, свои! – проворчал людям Кроч и молча направился в участок.

– Ты что ли Бодхар? – войдя в кабинет к капитану, присел на стул у стены Кроч, – принимай железо, подарок от Стрелка, – усмехнулся он.

– А где сам Кнак? – кивнул ему Бодхар в ответ, глянув в окно на грузовики.

– А Кнак сейчас занят, – ответил Кроч, – и это хорошо. Значит будем подальше от начальства и поближе... – отцепил он фляжку от пояса и отвинтив крышку, вылил себе в рот глоток своего лимонада со спиртом, – поближе к кухне, – выдохнул Кроч посмотрев на Бодхара, – извини, не предлагаю, закончился, – сказал он.

– Ну с выпивкой у нас в городе порядок, – ответил ему Бодхар, – а что привёз?

– Три тысячи винтовок, штук пятьдесят наганов и несколько пулемётов, – ответил Кроч, – о боеприпасах англичане просили не беспокоиться. Три грузовика.

– Грузовики они тоже сами отдали? – посмотрел на него Бодхар.

– А мы их не спрашивали, – сказал Кроч, – зачем мертвецам грузовики, капитан?

Бодхар присел и вздохнув глянул на Кроча.

– Ну теперь точно война будет, – проговорил он.

Бодхар подумал и поправил фуражку.

– Полк сталеваров и мальчишек равен взводу солдат, – глянул он на Кроча, – надеюсь, что Стрелок догадается прислать нам в подмогу ещё несколько человек. Тогда, твои бойцы и мои полицейские, может быть смогут нужное время отвлекать на себя саксов.

Кроч покачал головой.

– Вот потому я, сколько знаю Стрелка, и не расстаюсь с этой фляжкой, – подцепил он фляжку обратно на пояс.

Оружие начали раздавать как-то сразу. И точно так же, как-то сразу и без команды, к грузовикам выстроились длинные очереди.

– Вступаем в отряд самообороны! – закричал кто-то и тут же, прямо рядом с ним поставили стол.

Кроч, протиснувшись сквозь толпу, подошёл к столу.

За столом, склонившись над толстой тетрадью, сидел полицейский. Он молча, только спрашивая фамилию, записывал каждого кто подходил. Потом, так же молча, брал какой-то маленький бланк у солдата сидящего рядом, вписывал фамилию добровольца, подписывал бланк, отдавал бланк добровольцу и провожал его словами – «Получай оружие».

Кроч постоял, оценил ситуацию и увидев, что разрешение на оружие выписывают на заводских накладных, даже усмехнулся в душе.

– Точно что железо! – подумал Кроч.

Мимо него протиснулась четвёрка детей.

– Генри О'Коннор, сэр! – услышал Кроч детский голос, – и мои братья, Аластер и Мерти! И наша сестра Рейчил!

– Сынок, – посмотрел на него полицейский, – вам по сколько лет? Тут война, понимаешь?

– Но сэр! Мне уже тринадцать! – возмущённо начал было Генри, переглянувшись с братьями.

Полицейский проворчал что-то сам себе, переглянулся с солдатом, взял бланк и подписал его.

– Только тебе, – пригрозил полицейский пальцем, – и скажи, что разрешаю только револьвер. А братья и сестра пусть идут помогают возле Дома Профсоюзного Собрания.

– Но почему револьвер? – удивился Генри, – разве я...

– Иди, – ответил ему полицейский и дети, что-то возмущённо говоря друг другу, ушли к грузовику.

Кроч посмотрел на уходивших детей, потом глянул на полицейского.

– Идейная гвардия, как я погляжу, – кивнул он детям вслед.

– Это О'Конноры, – ответил полицейский, – зимой осиротели. Им и податься некуда, поэтому они теперь не отстанут от нас. Но у них есть плюс, – посмотрел он на Кроча, – они ходят там, где мы не ходим. И узнают первыми, то что происходит вокруг.

– Хорошие ребята! – усмехнулся Кроч, – пожалуй, наган им действительно нужен. Пойду поговорю с ними, – словно зевнул он полицейскому и пошёл за детьми.

Посмотрев со стороны на то, как Генри получил свой наган и патроны, Кроч свистнул ему и подозвал к себе.

– Да, сэр, – подошли к Крочу дети.

– Ну что, боец? – подмигнул ему Кроч, – заходи в участок, разговор есть. И получишь своё первое задание.

– Уже? Так быстро? – обрадовался мальчик.

Кроч открыл двери участка и махнул Генри рукой, приглашая всех зайти...

– Ну так что, Генри О'Коннор, – присел Кроч за стол, напротив капитана Бодхара и глянул на Генри, – я слышал, вы ребята шустрые да быстрые?

– Очень шустрые, – усмехнулся, глядя на мальчика Бодхар, – неделю назад я никого из не смог поймать, когда на базаре, эта четвёрка спёрла целый поднос с пирожками.

– Оно само получилось! – ответила Рейчил, заступаясь за братьев, – и мы кушать хотели!

Кроч рассмеялся, жестом ладони успокоил Рейчил и снова глянул на мальчика, который только переминался с ноги на ногу и думал, как бы сделать так, чтобы у него не отобрали револьвер.

Кроч понял о чём думает Генри.

– Не бойся, – вмиг успокоился его он, – знаешь где тут охотничьи тропки, где к городу можно незаметно пройти, – глянул он на Генри, – или даже выйти?

– Знаю, – уверенно кивнул мальчик, – а вам нужно показать?

– Не мешало бы, – ответил Кроч, – но покажешь ты не мне, а тогда когда надо будет и тому кому надо. А сейчас, – он глянул на детей, – сколько кому лет, только честно?

Дети переглянулись.

– Мне скоро тринадцать, – ответил Генри, будто пытаясь Кроча в чём-то убедить, – но это честно, а не так как я говорил полицейскому! А Аластеру уже десять, а Метри одиннадцать, а Рейчил восемь было в марте. А что? Нас не возьмут?

– Пфффф... – выдохнул Кроч, – мы с капитаном Бодхаром тут самые главные командиры, Генри, – сказал он, – а вы четверо будете нашими разведчиками.

– Ух ты! – послышался голос Мерти, но Генри вмиг одёрнул его.

– Аластера и Рейчил я направляю на разведку в город, – продолжал Кроч, – пусть ищут шпионов и обо всём докладывают лично мне, или капитану Бодхару. А ты и Мерти, наблюдаете за своими тропками. И смотрите, кто по ним ходит, куда, когда и сколько их там. Думаю, что саксов вы узнаете за версту. Как увидите – сразу бегом ко мне! Поняли?

– Поняли, – кивнул Генри глядя на Кроча.

– Ну чего стоишь, солдат? – кивнул ему Кроч, – в твоих руках судьба всего города! Выполнять!

– Есть, сэр! – радостно, чуть не закричал мальчик и бросился к выходу.

Братья и сестра побежали за ним.

Борхар и Кроч переглянулись.

– Ты думаешь, от них будет толк? – спросил Бодхар.

– От этих? – кивнул на выход Кроч, – ну, по крайней мере мы отправили их подальше от места, по которому будут стрелять. И теперь их не убьют, – подумал он.

Дверь открылась.

На пороге стоял невысокий толстый человек.

– Это как понимать? – не-то возмущённо, не-то удивлённо начал он, – в моём городе, полным ходом идёт раздача оружия! И кто раздаёт? Начальник полиции!

Бодхар усмехнулся и кивнул Крочу.

– Мэр.

– Да! Я помню, что я мэр! – снова закричал человек.

– Да успокойся ты, присядь, – не вставая, сказал ему Кроч.

– А это что за бандит? – глянул на Бодхара мэр, – это один из них? Почему он не арестован, позвольте спросить! И почему Вы, капитан Бодхар, мало того что не пресекаете происходящее, а сами участвуете в вооружённом мятеже!?

– Ну уж позвольте, – пожал плечами Кроч, – я не бандит, а капитан Ирландской Республиканской Армии Джордж Джон Кроч, – усмехнулся он, – а Вы кто вообще? То что мэр, я слышал. Как зовут мэра? Неприлично ведь как-то, обращаться к первому человеку в городе, как к простому бродяге? Верно?

– Нейл Степс! – ответил возмущённо мэр, – сэр Нейл Степс, если можно!

– Можно, – кивнул улыбаясь Кроч, – ну так вот, сэр Нейл Степс, – сменил он улыбку на суровое выражение лица, – мы тебя не арестовали только потому, что тебя выбирали эти люди. И это значит, что они тебя либо уважают, либо у тебя большое влияние. А мы уважаем выбор этих людей. Ты уже сообщил саксам, про то что мы тут?

– Да, сообщил, – нервно ответил Степс, – успел сообщить телефонограммой, пока ваши бандиты не перерезали провода телефонного кабеля. Но я собираюсь отправиться в боро, где доложу о том что происходит в моём городе!

– Ну так поспешите, сэр Степс, – ответил Кроч, – боюсь, как бы не мои бандиты, а рабочие сталеплавилен не учинили над Вами самосуд. Я тогда не смогу Вас спасти, – пожал он плечами.

Степс нервно глянул вокруг, так же нервно ухмыльнулся и вышел хлопнув дверью.

– Может, – кивнул ему вслед Бодхар, – арестовать? Пусть посидит?

– Не надо, – ответил Кроч, – Стелок приказал его отпустить. Он хочет, чтобы этот гусь добрался до своего начальства и поднял там переполох. Ты же понимаешь, что переполох очень нужен, – глянул он на Бодхара.

...КУИНСТАУН; СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ...

Нейл Степс добрался до Куинстауна уже под вечер и не застав губернатора на его месте, напрямик направился к нему домой.

– В городе мятеж! – отпихнув дворецкого, влетел Степс в кабинет губернатора, – я телеграфировал Вам, сэр, но Вас не было на проводе!

– Успокойтесь, Степс, – поднялся из-за стола и глянул на Степса губернатор, – и излагайте как следует, прошу Вас.

– Ладно, – собрался мыслями Степс, – разрешите воды?

– Принесите сэру Степсу воды, – глянул губернатор на дворецкого.

Подали воду.

Напившись, Степс вздохнул и посмотрел на губернатора.

– Я знаю, что республиканцы захватили Авоку и сталеплавильни, – сказал губернатор, – и узнал об этом, едва только с городом прекратилось сообщение по железной дороге. И знаю так же, что это сделал Стрелок и его банда. Но у меня к Вам вопрос, сэр Степс.

– Я слушаю Вас, – ответил Степс.

– Почему Вы здесь и почему Вы до сих пор живы? – спросил губернатор.

– Они меня выпустили! – ответил Степс, – и почему я должен умереть?

– Странный вопрос, Степс, – сказал губернатор, – первое лицо важнейшего стратегического города восточного побережья, даже не попытался оказать сопротивление мятежникам. Он спокойно прибывает ко мне домой, перед этим, передавая город вооружённым людям из вражеской группировки. Это ли не измена, Степс? – посмотрел он на Степса.

– О чём Вы говорите, сэр! – вскричал Степс.

Губернатор прошёл к висящему на стене телефону и снял трубку.

– Соедините меня с генералом Арчибальдом Эйвоном, – произнёс он монотонно.

Очень скоро ему ответили.

– У меня мэр Авоки Степс, – так же монотонно произнёс губернатор, – потрудитесь незамедлительно прибыть ко мне.

Он обернулся к Степсу, едва повесил трубку телефона.

– Боюсь, у меня к Вам плохие новости. Как Вы понимаете, Ирландия находится на военном положении и я тут и гражданская администрация, и военное начальство в одном лице. И я вынужден Вас арестовать, до выяснения обстоятельств.

– Но позвольте! – снова вскричал Степс и хотел было броситься на губернатора чуть ли не с кулаками, но за ним, вместо дворецкого уже стоял военный.

– Я ждал Вас, Степс, – продолжал губернатор, – у Его Величества будет много вопросов. В том числе и вопрос о том, как сторонник сепаратистов оказался у Вас начальником полиции, как по городу спокойно разгуливали боевики «республиканской армии» и как Вы допустили их торжественный вход в свой город, чуть ли не парадной колонной под крики «ура!». Может быть Вы сами сдали город сепаратистам? И почему первым, кто со мной связался и доложил обстановку в городе, были не Вы, а лично Стрелок, который ещё, вдобавок, посмел выставить условия самому Его Величеству?

– Я ничего этого не знал, – проговорил Степс.

– Ну и зачем городу мэр, который вообще ничего не знает о том, чем дышит его город? – посмотрел на Степса губернатор и глянул на военного.

– Забирайте его, – кивнул он военному.

– Пошли, – схватил военный Степса за плечо.

– Я протестую! – закричал Степс, – да здравствует Его Величество король!

– Чёртов клоун, – отмахнулся губернатор и присел за стол.

Вскоре крик Степса затих.

В кабинет вошёл генерал Эйвон.

– Он арестован, – посмотрел на него губернатор.

– Да, я видел как его волокли в арестантский дилижанс, – ответил генерал Эйвон.

– И что думаешь по этому поводу? – кивнул ему губернатор.

– Определённо, – присел генерал Эйвон, – Стрелку нужен штурм и много шума. Но тут возникает один вопрос.

– Какой вопрос? – спросил губернатор, глянув на генерала Эйвона.

– Город они могут удерживать в лучшем случае пару дней, – ответил генерал, – все их бойцы, это вооружённые подростки, старики и несколько сотен рабочих, никогда не державших в руках оружия. Но, даже если к ним подойдёт подмога из хорошо подготовленного отряда партизан, в боеприпасах они всё-равно ограничены. И в территории тоже. Да и в провизии, и это элементарно! Кроме того, город переполнен жителями. Они вряд ли долго будут радоваться жизни под обстрелам, даже во имя идей Стрелка. То есть, Стрелок начал военную операцию не имея территории для маневра, источников снабжения, путей отхода. А между прочим, он кадровый военный, участвовал в войне и партизанит давно. А всё перечисленное мной – это азбука, сэр.

– И о чём это должно говорить? – спросил губернатор, слегка усмехнувшись генералу Эйвону.

Генерал Эйвон подумал и посмотрел на генерала.

– Настоящая военная операция сепаратистов происходит не в Авоке. Авока это спектакль, цирк, задача которого отвлечь внимание на себя. Где-то должно произойти что-то, ради чего О'Брайан решился пожертвовать своими людьми. И готов пожертвовать даже жизнями жителей Авоки.

– Пресвятая Дева Мария, – вздохнул губернатор, – ты предлагаешь, просто игнорировать действия Стрелка?

– Ни в коем случае, – ответил генерал Эйвон, – просто блокировать их нельзя. В городе находится сталелитейный завод, важнейший, осмелюсь напомнить. И он должен работать.

– Да, – кивнул губернатор, – домны останавливать нельзя. Иначе придётся демонтировать завод и строить новый. А это сотни тысяч фунтов. Его Величество придёт в ярость, если узнает, что от завода в Авоке остались кирпичные стены и куча железа. Да и каждый потерянный день, это не поставленные тонны стали, на те же верфи Бэлфаста, или, не дай Бог союзникам. А не поставленная сталь, это уже потерянные миллионы фунтов и десятки обанкротившихся благородных семейств.

Он глянул на генерала Эйвона.

– Начинайте военную операцию. Если нужно будет убить там всех, то убейте их всех. Я не собираюсь краснеть перед представителями знатных фамилий Великой Британии из-за того, что не лучшие представители общества решили поиграть в военный мятеж лишили их честного заработка. Новых сталеваров мы найдём, даже среди тех же бродяг которые только мечтают о работе портя своим присутствием внешний вид Лондона. А вот на новые плавильни, придётся раскошеляться господам. И нам с Вами тоже, генерал.

– Слушаюсь, сэр, – кивнул генерал и хмуро вздохнул глядя в сторону...

Глава 14

БАДЕД; ПРЕДМЕСТЬЕ АВОКИ; НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Солнце едва сверкнуло первыми лучами на востоке, когда караульные на пикете заметили остановившиеся на дальних полях грузовики.

Две машины показались из-за леса, почти нагло встали на виду у всей деревни и из них начали высаживаться солдаты.

– Командир Геби! – вбежал в дом, в котром находился штаб, вестовой
Своим криком, вестовой разбудил Артура, а заодно и всех кто был в доме.

– Командир Геби! Саксы! Чуть меньше взвода! Похоже они выстраиваются к бою!

Артур вскочил с кровати.

– Какого чёрта кричишь, боец! – бросился он натягивать сапоги, – поднимай взво и занимайте оборону. Только боя без команды не начинать. Вначале глянем, что это за саксы.

Вестовой бросился во двор.

Артур выбежал за ним и уже через минуту был на пикете.

Английские солдаты растянулись по полю и медленно, держа винтовки наготове, надвигались на деревню.

– Всё понятно, – посмотрел на них Артур в бинокль, – похоже это рекогносцировка.

Он кивнул помощнику.

– Занять оборону. Подпускаете их как можно ближе и первым делом тихо снимаете офицера и капралов. Не преследовать. Они пробуют наши силы.

– Есть, сэр, – коротко ответил помощник.

Раздались два коротких свистка.

Партизаны залегли вдоль околицы и принялись ждать.

Англичане медленно приближались.

Артур поднял руку рассматривая их в бинокль.

– Давай, – махнул он помощнику.

Снова раздался свисток, на этот раз длинный. Сразу за ним последовал ружейный залп.

Упал офицер. За ним упали десяток солдат и оба капрала. Оставшиеся солдаты начали отступать, пытаясь отстреливаться.

– Огонь! Огонь! – закричал Артур и партизаны открыли беспорядочную стрельбу по убегающим солдатам.

Когда те уже были достаточно далеко и больше напоминали толпу в панике, чем солдат, Артур усмехнулся и убрал бинокль.

– Отставить огонь, – приказал Артур помощнику.

Раздался короткий свисток. За ним наступила тишина.

– Соберите оружие убитых и документы. Отправьте вестового в Эйри, – повернулся Артур к помощнику, – доложите командиру Стрелку о том, что саксы уже здесь и судя по сему их много.

Он снова глянул в бинокль на солдат.

Те спешно грузились на машины.

Грузовики завели моторы и уже через минуту скрылись за лесом.

– Направьте туда разведку, – кивнул бойцам Артур...

Гора Керри-Джейн не была самой высокой горой в округе, но была совершенно лысой, практически открытой всем ветрам, как выражаются. На её вершине расположился хуторок.

И хуторок этот был непростой. Высокая башня маяка придавала ему вид грозный, таинственный и хуторок быстро оброс сплетнями и слухами. Раньше он был просто маяком над морем, но едва в городе появился первый телеграф, на хуторке, вместе со смотрителем маяка, поселился ещё и радист.

Вчера сюда прибыли десять вооружённых рабочих. Рабочие с винтовками сказали, что маяк и радиостанция теперь взяты под охрану ирландской армией, а они и есть отряд этой самой армии.

Радист пожал плечами, но не возражал, чтобы те разместились во дворе, заняли сарай и всю ночь мешали ему спать своими шутками, смехом и просто громко разговаривая.

Под утро всё затихло. Радист даже обрадовался и спокойно уснул.

Утром, он встал рано, как обычно. Проверил сообщения за ночь и вышел во двор подышать свежим морским воздухом, когда нос к носу столкнулся с двумя английскими солдатами и капралом.

Капрал приставил ко лбу радиста ствол револьвера и затолкал его обратно в дом.

Краем глаза радист увидел, что все десять рабочих, прибывших вчера, уложены в ряд под забором и теперь уже не живые.

– Ну? – спросил капрал, – покажешь все телефонограммы, которые передавал за эти два дня?

– Извольте, сэр, – почти заикаясь, испуганно ответил радист глядя в глаза капралу.

Он потянулся рукой к столу.

– Журнал в столе? – кивнул ему капрал, не убирая револьвер.

– Д... да, сэр, – ответил радист продолжая смотреть в глаза.

– Мы сами, – улыбнулся капрал и кивнул солдатам, – проверьте журнал, посмотрите куда и кому он телеграфировал.

Солдаты подошли к столу и выломав двери тумбочки достали журнал.

– Ничего примечательного, сэр, – бегло пролистал журнал один из солдат, – только последние две телеграммы довольно странного содержания.

– Что за содержание? – кивнул капрал солдату, продолжая держать у лба радиста ствол револьвера.

– Я бы назвал их набором фраз, если бы не был уверен что это шифровка, – ответил солдат, – «Композитору. Приехали в гости. Готовимся к обедне. Тётушка Мэри выздоравливает. Ждём угощения. Кондор».

– Кто такой Кондор? – улыбнулся капрал радисту, – это Стрелок?

Тот пожал плечами.

– Ему лет семьдесят, как и нашему смотрителю маяка. Пришёл с ними и ушёл с ними, сэр. Он точно не Стрелок.

– Ладно, – убрал капрал револьвер.

Радист облегчённо вздохнул и виновато потупил глаза.

– Да не стой ты как школьник получивший двойку, – присел капрал на кровать, откинувшись на стенку, – что во второй телефонограмме? – глянул он на солдата.

Тот посмотрел в журнал.

– Входящая. «Кондору. Гости выехали. Везём дорогие подарки. Встречайте. Композитор», – прочитал солдат.

– Передал этому Кондору? – кивнул капрал солдату.

– Конечно, сэр, – ответил радист, – ответ пришёл почти сразу.

Капрал поправил фуражку стволом револьвера и глянул на радиста.

– Пристрелил бы я тебя, но почему-то уверен, что ты знаешь кто такой Композитор, – сказал он.

– Нет, сэр! – возразил ему радист, – я передаю только тексты которые мне говорят и не особо вникаю в их смысл!

– Тексты, говоришь? – улыбнулся капрал, – небось в школе примерным учеником был? Это хорошо. Теперь я буду принимать у тебя экзамены. А ты, будешь принимать свои телефонogramмы как и принимал. Но отправлять то, что мы скажем. И учти, – кивнул он в сторону солдата, – вот этот парень вашу морзянку знает так же как и ты. И если ты передашь что-то не то, из вот этой дырочки, – показал он ствол револьвера, – вылетит птичка, свинцовая, которая клюнет тебя в твой послушный лоб. Я ясно выражаюсь?

– Да, сэр, – ответил тихо радист и опустил глаза.

Генри и Мерти тоже шли к маяку. Но едва заметив на дороге военную машину, мальчики остановились и бросились в придорожный лесок, где залегли за густыми кустами.

Машина остановилась. Из кузова выскочили солдаты и полезли на гору Керри-Джейн, к хутору...

Мальчишки видели как на Керри-Джейн поднимались английские солдаты, как убили всех рабочих, просто вырезав их штыками, спящими, без шума и суеты. А потом, трое из англичан зашли в дом. В дворе остались только трупы. Со стороны можно было подумать, что на хуторе, на маяке, ничего особенного не произошло. Но возле машины, под самой горой, стоял, точнее – бродил, целый вражеский взвод.

Мерти хотел было броситься бежать в город, но Генри успел схватить его и пригрозил брату кулаком.

– Ты чего? – удивился Мерти.

– Только побеги, – ответил Генри, – тебя вмиг пристрелят!

– За что? – не понял Мерти.

– Помнишь, как мы колбасу в сарае у бабки Эммы тырили? – прищурил глаз Генри, – почему из нас никого не поймали?

– Ага, – кивнул Мерти, – прикольно было! Вроде как в шпионов играли! Я понял! Что же ты сразу не сказал?

– Вот и говорю, что ты сейчас и есть самый что ни есть шпион, и вовсе не играешь, – отпустил Генри брата.

Мальчики встали, быстро набрали в охапку первые попавшиеся ветки под ногами и не обращая никакого внимания на английских солдат под горой, пошли вдоль дороги в сторону города.

– Эй! – услышали они позади себя чей-то крик уже через пару минут.

Генри остановился, кивнул брату и мальчики повернулись на крик.

Со стороны машины к ним приближался английский капрал с двумя солдатами.

– Вы чего тут делаете? – подошёл капрал и слегка толкнул Генри.

– Сэр... мы дрова собираем, – проговорил Генри, а сам почувствовал, что его душа упала в пятки.

Он глянул на побледневшего от страха Мерти, собрался духом и даже заставил себя улыбнуться.

– Мы просто собираем дрова и ничего такого больше не делаем, сэр, – улыбаясь, продолжал Генри, – дома холодно. Мы совсем-совсем одни и не хотели бы замёрзнуть. А ещё у нас есть младшая сестрёнка, она маленькая и мы не хотели бы, чтобы она простудилась. Нам очень нужны дрова, а тут так много сухих веток...

– Заткнись, – прервал его грубо капрал, – где родители? Кто они? Чем занимаются?

– М... – хотел было что-то сказать Мерти, но Генри больно стукнул его ботинком по ноге.

– Не мычи, – крикнул он брату и снова, улыбаясь посмотрел на капрала, – папы у нас нет, а мама торгует рыбой на базаре. Она покупает её у рыбаков. Знаете тут какая рыба? Тут

бычки как судаки! Они такие большие, вкусные! Обязательно попробуйте! Вы знаете как мариновать рыбу? Нет? Я обязательно Вас научу! А Вы любите жаренную рыбу? Ну конечно же любите, сэр!

– Заткнись! Прошу тебя! У меня сейчас голова треснет от твоей болтовни! – закричал, словно взмолился, капрал, – что в карманах? Показывай!

– Ой, сэр! – удивлённо посмотрел на капрала Генри, – ну что Вам сказать? Вы не могли бы поддержать дрова? – сунул он капралу охапку дров и полез в карманы, доставая всё их содержимое медленно и не спеша.

– Вот... – вздохнул мальчик, – это мячик. Мы в выбивного играем, – положил он на дрова капралу мячик, – тут ещё есть гайка на ниточке, это мой грузок для удочки, – он аккуратно повесил на дрова, за ниточку, гайку и снова полез в карман, – носовой платок. Правда он весь в соплях, сэр, простите меня, я недавно простыл и у меня насморк, – хотел он положить на дрова платок.

– Знаешь что! – закричал капрал и сунул дрова обратно в руки Генри, – катись-ка ты ко всем чертям со своим насморком, гайкой и мячиком для выбивного! И дрова свои забирай! Весь мундир в твоих соплях уже!

Капрал развернулся и пошёл обратно к машине, по пути обметая грязь и мокрые гнилые листья с мундира.

Солдаты, смеясь не-то над Генри, не-то над своим капралом, пошли следом за ним.

– Но сэр... – вздохнул Генри, толкнул брата и мальчики, неся в руках по охапке дров, пошли своей дорогой.

– Я думал он у тебя сейчас твой револьвер найдёт, – до сих пор испуганно оглядывался назад Мерти.

– Я что, дурак его за поясом таскать? – ответил Генри, выбросив дрова на край дороги.

– Ты его не взял? – испугался брат, тоже бросив дрова.

– Взял, – ответил Генри, – только я кобуру к ноге привязал, под штаны. И карман порвал.

– Зачем? – удивился Мерти.

– Чтобы рукой можно было достать незаметно, – ответил Генри, – и через штанину выстрелить. Этому меня вчера командир Ротар научил, – гордо улыбнулся он.

Кроч выслушал Генри и Мерти, тяжело вздохнул и глянул на капитана Бодхара.

– Если саксы там поставят хотя бы одно оружие, – ответил ему Бодхар не дожидаясь вопроса, – то нам тут всем крышка. На твоём месте, Керри-Джейн я бы вернул без промедления. Только отправил бы туда не работяг, а нормальных бойцов.

– Будем брать без промедления, – кивнул Кроч, – похоже они накрыли нашего радиста тёпленьким, и надеюсь что не без штанов.

Бодхар пожал плечами.

– Давай я поведу солдат, Джордж. Я тут вроде как начальник полиции, а радиостанция и маяк принадлежат городу. Военные не имеют права занимать их без нашего ведома.

– Когда они выполняли даже собственные законы, Шон? – усмехнулся Кроч, – вот потому что ты теперь не только начальник полиции, но ещё и мэр, город ты оставить не имеешь права.

Он посмотрел на детей.

– Ну что, разведка? – кивнул им Кроч, – хорошо поработали. Сейчас отправляйтесь к Дому Профсоюзного Собрания. Там найдите такую хорошую тётю, которую все зовут Начмед. Это не имя, а начальник нашей медицинской части. Зовут её мисс Натали. Скажите ей, что я приказал Вас накормить.

– А приказ? – удивился Генри.

– А приказ остаётся тот же, – вздохнул Кроч и встал, – Шон, – глянул он на Бодхара. Объявляй построение. По горам пойдём лазить.

– Сэр! – хлопнул себя по лбу Генри, – только не лезьте по дороге! Они на дороге и засели со своей машиной. А в машине наверняка есть пулемёт! Он же всех перестреляет! Верно? Там тайная тропка есть, с обратной стороны. Я сам её протоптал, когда мы на маяк тайком лазили. Помнишь, Мерти, как смотритель внизу бегал и ругался на нас, а залезть не мог, потому что мы лестницу наверх затащили? – подтолкнул он брата.

– Угу, – кивнул хмуро Мерти, поняв, что Генри напрашивается, чтобы уйти с солдатами, – после этого он лестницу гвоздями приколотил. А вот тропку, – посмотрел он на Кроча, – тропку никто не знает, кроме нашего Генри.

– Хотите я Вам покажу? – продолжал Генри не давая никому опомниться, – а Мерти покушает, и для меня завтрак прихватит у нашей мисс Натали!

– Эх, – усмехнулся Кроч глянув на Генри, – тайная тропка, говоришь?

– Пусть покажет, – кивнул Крочу Бодхар, – этот Оливер Твист, все тайные тропки в округе знает. Я тебя уверяю, что лучшего проводника ты во всей Авоке не сыщешь.

– Ладно, – ответил Кроч, – идёшь с нами, Оливер Твист. Но как скажу уходить, чтоб не спорил со мной.

– Так точно, сэр! – обрадовался мальчик улыбнувшись Крочу, – я ведь знаю, что приказы не обсуждают!

– Вот и молодец, боец Твист, – ответил Кроч...

Когда Мерти пришёл к Дому Профсоюзного Собрания, он не узнал базарную площадь. Она была переполнена людьми всех возрастов и занятий. Тут были и священник с двумя монахинями, и школьный учитель, и торговки рыбой, и библиотекарь, и какие-то джентльмены в строгих костюмах рядом с рабочими которым не досталось оружия. Даже местный бездомный и тот нашёл себя в этой всей суете. Он, с винтовкой наперевес, теперь следил за порядком. К его рваной одежде добавилась ещё и солдатская шинель, а на голове красовалась пожарная каска.

Рыбой больше никто не торговал. Все спорили, о чём-то оживлённо говорили, кто-то кого-то поучал и в чём-то убеждал. И вокруг были флаги. Ирландские, республиканские, вообще какие-то непонятные, а над дверями Дома Профсоюзного Собрания висел флаг с красным крестом.

Было шумно, суетливо, но очень интересно.

Мальчик потолкался, протиснулся сквозь толпу ближе к Дому и увидел, что приказы всем отдавала слегка полноватая маленькая женщина с короткой стрижкой, в военной форме и с зелёной сумкой через плечо, на которой был вышит красный крест, такой как на флаге.

– Видимо это и есть мисс Натали, – подумал Мерти и смело подошёл к ней.

– Простите, мэм, – обратился к ней мальчик, – Вы и есть мисс Начмед?

– Начмед, – сдерживая улыбку, посмотрела Натали на мальчика, – а Вы, молодой человек, стало быть третий из семьи О'Конноров? А где четвёртый, самый старший брат?

– Генри повёл солдат в бой, – словно доложил ей мальчик, – а командир Ротар приказал нас накормить и для Генри тоже обязательно оставить.

– Оставим, – ответила Натали, обняла Мерти за плечо и повела в Дом.

– Мерти! Мы тут! Мы тут! – услышал Мерти и увидел машущую ему рукой Рейчел, с такой же точно сумкой как и у Натали, только без красного креста. Рядом с ней, с важным выражением на лице и ведром в руке, крутился Алестер. Он делал вид, что не замечает брата. Прохаживаясь от стола к столу, Алестер черпал половником из ведра чай и разливал его по чашкам, стаканам и кружкам.

– Присаживайся где хочешь. Брат принесёт тебе поесть, а я не могу тебе уделить много времени, – сказала Натали мальчику и оставила его.

Мерти присел за стол.

Буквально сразу возле него оказалась Рейчел.

– А где Генри? – спросила девочка.

– Наверное воюет, – вздохнул Мерти покачивая головой, – и теперь без меня.

– Что? – удивился Алестер.

Он поставил перед Мерти котелок с супом и присел напротив.

– А вы уже воевали? – спросил он.

– Расскажи! Расскажи как вы воевали! – захлопала в ладоши Рейчел, – а вы много саксов убили? А где вы их убили?

Мерти подумал, глянул на сестру, потом на брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.